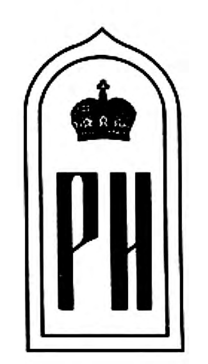
РУССКАЯ ИДЕЯ

Священник Тимофей
Иеромонах Дионисий

О Церкви, православном Царстве и последнем времени

PH

Низвержение антихриста (Апокалипсис, гл. 19)

Священник ТИМОФЕЙ
Иеромонах ДИОНИСИЙ

О Церкви, православном Царстве и последнем времени

МОСКВА
«РУССКАЯ ИДЕЯ»
1998

Священник Тимофей, иеромонах Дионисий.
О Церкви, православном Царстве и последнем времени.
М.: Альманах "Русская идея" (вып. 5), 1998. – 184 с.

Православная государственность, проблемы Русской Церкви, монархическое движение в России, всемирная апостасия (отступление людей от Божественного замысла о них), еврейский вопрос, антихрист - таковы темы этого сборника глубоких и бескомпромиссных работ современных российских авторов, продолжающих консервативную традицию Русской Зарубежной Церкви.

ISBN 5-85346-024-2

«РУССКАЯ ИДЕЯ»

Регистрационный номер 014727 от 17.04.1996.

Учредитель и главный редактор М.В. Назаров
Ответственный секретарь Н.А. Фадеева

Адрес редакции: 117133 Москва, а/я 20

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 1917 году человечество вступило в предапокалипсическую эпоху, когда мировые силы зла опрокинули удерживавший их барьер Российской православной государственности - Третьего Рима. Большинство современников не сразу поняло это мистическое значение происшедшего. Однако к концу XX века смысл его катаклизмов, их движущие силы и конечная цель стали очевидны для всех, кто мыслит в координатах православной эсхатологии - как авторы данного сборника. Главный его вопрос: можно ли еще перед разлившимся в мире злом восстановить этот барьер - Русскую православную монархию?

Основу для этого анализа заложили церковные мыслители русского Зарубежья, писавшие о «подвиге русскости перед лицом всемирной апостасии» - в то время, когда подобные публикации были невозможны в коммунистической России. Сегодня уже российские авторы перенимают эстафету от Зарубежья, с благодарностью к предшественникам, и осмысляют происходящее в том же духовном масштабе - в котором только и можно понять как суть нового смутного времени на русской земле, так и подлинный смысл ежедневной сводки мировых новостей. Этот историософский масштаб книги придает ей ценность независимо от того, согласится ли читатель с трактовкой в ней тех или иных конкретных вопросов.

Из-за чрезвычайной важности темы авторы решили быть предельно откровенными - даже если их мнения выглядят неутешительно. Но ведь и Священное Писание говорит о том, что перед концом времен верх на земле возьмут силы зла - которые будут побеждены Самим Христом в Его втором пришествии... Близок ли уже этот конец земной истории - или здоровые силы русского народа смогут еще раз, с Божьей помощью, явить всему миру чудо воскресшей православной России, дав человечеству наглядную возможность окончательного выбора между добром и злом?

Предоставляя рукопись для печати, при ее обсуждении авторы просили отметить, что не претендуют на окончательное решение поставленных вопросов, а приглашают к размышлению над ними. Эту оговорку мы делаем тем более охотно, что бескомпромиссное отстаивание авторами православного идеала ведет их также и к

бескомпромиссному отрицанию всего того, что идеалу не соответствует - порою без учета полутонов и излечимых осложнений, столь частых в реальной жизни. Отсюда и жесткая критика в церковных проблемах, которая, разумеется, не относится к тем многим православным деятелям и прекрасным русским людям, которые отстаивают ту же Истину и сопротивляются тому же злу - каждый на своем месте и в своих условиях, кто куда попал. Можно только пожелать им сил в столь важном деле.

Издатель надеется, что эта «здоровая часть Русской Церкви», как ее называют авторы, сможет отнестись к жесткому тону их критики - по-православному, без личных обид, ибо многое из того, что порицают авторы, видят все. Речь идет о серьезных проблемах, которые мешают русскому Православию развернуться в полную мощь, - и эти проблемы требуют осознания, нелицеприятного обсуждения и преодоления. Ведь и наши святые (преп. Серафим Саровский и др.) "жестко" предрекали, что перед концом времен «архиереи русские столь онечестивятся», что примут и самого антихриста... Вопрос в том, наступили уже эти времена - или еще нет. Ответом на этот вопрос, наверно, и должно определяться отношение православного читателя к критическим страницам в этой книге.

Авторы ее исходят из своего *эсхатологического* (а не политического) вйдения ситуации именно как последних времен - вот причина их концентрации на анализе апостасийных недугов российского общества и Церкви, а не стремление к обличениям. И так же, как медицинскую литературу нельзя обвинять в том, что она видит в мире одни лишь болезни, так же не следует обвинять в этом и авторов данной книги. Ее можно рассматривать именно в таком "предупредительном" качестве.

Впрочем, главная часть книги (для чего она и напечатана издателем) посвящена обоснованию *монархической государственности как части православного вероучения.* Поэтому ознакомиться с нею будет полезно всем православным патриотам. В любом случае, все мы должны делать одно и то же: сопротивляться апостасии до конца, помня, что все в руках Божиих - как это было явлено людям в покаявшейся Ниневии...

М.Н.

О ХРИСТИАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. Возможно ли Церкви быть аполитичной?

Когда заходит речь о государственности, от многих церковных людей приходится слышать: "Церковь должна быть полностью аполитична и полностью отделена от всякого государства". Эти тезисы - порождения антихристианского противоцерковного гуманизма - либеральные богословы этого столетия выдают за учение Церкви, за необходимые условия процветания Православия.

Но возможна ли аполитичность Церкви? Искренняя аполитичность предполагает полный выход из міра, отказ не только от всех обязанностей по отношению к государству и обществу, но и от всех предоставленных ими прав, - ибо права неотделимы от обязанностей. Очевидно, что такое иное бытие возможно лишь для отдельных членов Церкви - для иноков, или для Церкви в условиях гонений, когда все ее члены живут катакомбной жизнью. Церковь, имеющая права юридического лица, право собственности на недвижимость, а своих членов имеющая в парламенте и местных органах власти, не может быть аполитичной, ибо в міре сем за все надо платить - и за предоставленные права тоже, как бы ничтожны они ни были.

Считать ли аполитичностью благословение церковными деятелями "всех на все": то партократии, то демократии, то застоя, то перестройки, то генсеков, то президентов; служение молебнов то за "Октябрь", то за "Август"?

Строгая нелицемерная аполитичность как раз состоит в полном отказе от всех оценок мірской действительности, равно от одобрения и порицания, а не только в воздержании от политической борьбы. Право одобрения государственной и политической жизни предполагает право неодобрения этой жизни и свободный выбор между этими правами, а аполитичность предполагает свободный отказ от этих прав. Аполитичен затворник или

отшельник, делатель умной молитвы, ушедший из міра ради духовной жизни, но церковный деятель, отказывающийся, например, поддержать патриотическое движение и благословляющий движение демократическое, явно не аполитичен.

И каждый христианин, живущий в міру, и вся поместная Церковь, особенно ее иерархи, не могут быть абсолютно аполитичными, ибо обязаны давать принципиальную оценку окружающей жизни и пастырски наставлять своих чад. В смысле политической деятельности христианин, действительно, скорее аполитичен, так как не связывает себя политическими программами партий или членством в них. Но это не значит, что у него нет принципиальных убеждений о том, какая государственность совместима с его верой, а какая нет.

Церковь была и остается мистическим Телом Христовым, имеющим Небесного Главу. Она живет своей жизнью - жизнью Духа, общением со Христом. Но именно поэтому Церковь и оставлена Христом в мире, чтобы приводить к этой небесной жизни всех произволяющих.

Духовная жизнь и отдельного человека и целого народа неизбежно отражается и на его внешней жизни. Как под влиянием внутреннего безбожия формируются особый быт и уклад жизни, образование и культура, так все эти области преобразуются заново под влиянием зародившейся внутренней жизни во Христе. Духовная жизнь не может протекать во внешних безбожных формах, но только в формах церковных и воцерковленных. Как писал св. Феофан Затворник, бывает внешнее без внутреннего, как например, сухое безжизненное дерево, но внутреннего самого по себе, без внешнего, никогда не бывает, как и жизни без живых организмов. Там, где нет хотя бы минимально воцерковленных форм быта, там духовная жизнь просто невозможна.

Поскольку Церковь заинтересована в спасении душ людей, в их духовном здоровье, постольку она не может быть равнодушна к тому, в каких они живут условиях: воцерковленных или противоцерковных. Система образования, внешняя культура, средства информации и в значительной степени быт находятся под контролем госу-

дарства. Поэтому Церковь не может быть равно аполитичной и к тому государству, которое принимает учение Церкви, содействует воцерковлению культуры и быта, государственными мерами изгоняет все противоцерковные движения, - и к тому государству, которое отвергает учение Церкви, покровительствует кампании нравственного растления народа и всем противоцерковным движениям, хотя, может быть, открыто и не провозглашает своей задачей ликвидацию Церкви.

Церковь указывает и отдельному человеку и целому народу высшую цель его бытия - жизнь с Богом во Христе, жизнь духовную, которая начинается уже в этом земном бытии, но в полноте своей раскрывается в вечности. Эта духовная жизнь проявляется во всех сферах деятельности человека, подобно тому, как мысль выражается в словесных формулировках. К этим сферам относятся не только быт и культура, но и государственность. Христианский воцерковленный быт и христианская культура так же отличаются от безбожного быта и современной культуры потребления, как православный храм от дискотеки. Но очевидно, что и христианская государственность, сложившаяся под благодатным влиянием Церкви, не может иметь ничего общего с государственностью антихристианской (хотя бы та и называлась "христианской демократией"), сложившейся в темную эпоху возрождения неоязычества, расцерковления общества и борьбы с самой Церковью.

А именно таково происхождение всех современных "демократий" (и их исчадий: анархий, олигархий и диктатур) - все они суть порождения антихристианских революций, хотя часто уже во втором или третьем поколении. И оставаясь лояльной в гражданском отношении и к такой государственности, Церковь никак не может быть к ней аполитичной, то есть внутренне равнодушной как к явлению, которое причиняет ее чадам тяжелый духовный ущерб.

Была ли аполитичной древняя Церковь эпохи мучеников, имевшая наиболее высокий духовный уровень своих членов? Была ли она совершенно равнодушна к государству, на территории которого находилась - к Рим-

ской империи? Равнодушие, например, к человеку предполагает равное отношение к нему самому и к его врагам. И вот за всю историю первохристианской Церкви мы не видим ни одного проявления антигосударственной деятельности со стороны ее членов.

Первохристиане поддерживали Римскую империю во многих областях, именно потому что понимали организующую и упорядочивающую роль монархической государственности в земной жизни. «Нет власти, которая не от Бога; существующие же власти от Бога установлены», - сказано апостолом Павлом именно про Римскую империю. «Начальник есть Божий слуга, отмститель делающим злое. Потому надобно повиноваться не только за страх, но и за совесть» (Рим. 13, 5). Мы не видим не только ни одного христианского мятежа, заговора, бунта, направленного хотя бы против государственного гонения на Церковь, но и ни одного христианина, который был бы соучастником языческих и иудейских мятежей и заговоров, направленных против империи. Мы не видим, чтобы христиане приветствовали военное поражение Рима, развал государства, пришествие варваров. Напрасно ищут космополиты и пацифисты своих единомышленников среди первохристиан - их там нет.

В числе первых апологетов христианства мы встречаем ученика св. апостола Иоанна Богослова епископа Мелитона Сардийского, который, предвидя неизбежный союз Церкви и империи, обращается к императору и доказывает ему всю благодетельность христианства для государства. Мы видим множество христиан среди воинов, причем самых доблестных, которые принимают мученичество за отказ принести жертвы идолам и отречься от веры, но отнюдь не за дезертирство, не за пораженческую пропаганду, не за шпионаж, не за голый пацифизм. Святые Георгий Победоносец, Андрей Стратилат, Великомученик Прокопий, Феодор Стратилат и многие другие, не сомневаясь, служат своим мечом римскому государству и императору, проливают за них свою кровь и столь же принципиально отказываются обнажить этот меч для своей личной защиты. Мы видим христиан,

даже во время гонений исполняющих заповедь апостола Павла: «Молитеся за царя и иже во власти суть».

Как это поведение чад Христовой Церкви не похоже на поведение питомцев синагоги иудейской - носителей разрушительного начала для всякой нееврейской государственности. У последних на счету и два крупнейших восстания: Иудейская война (67-70 гг.) и война Бар-Кохбы (132-135 гг.), подрывная работа в пользу враждебной Риму Персии, и шпионаж, и сдача городов, и многое другое. Кстати, по единогласному свидетельству апологетов, почти все гонения на Церковь были спровоцированы именно иудеями, распространявшими на христиан чудовищную клевету и подстрекавшими против них и римские власти, и толпы язычников.

И после торжества христианства при св. Константине Великом даже те из христиан, которые оставляют мiр и удаляются в пустыню, не остаются абсолютно аполитичными, но горячо молятся за Императора и свое отечество, за победу римского оружия, являются наставниками и духовниками важных государственных советников и самих Императоров.

2. Аскетическая жизненная установка христианина - основа его монархического сознания

Поведение христианина как человека государственно мыслящего, патриота, монархиста, верного присяге, добросовестного в службе, вытекает из его аскетической жизненной установки. Согласно заповеди Христа, хотящий идти за Ним должен отвергнуться себя и взять крест, погубить душу свою ради Христа и Евангелия, чтобы спасти ее в жизнь вечную.

Нынешнее естественное состояние каждого человека как потомка Адама есть падшее, поврежденное грехом во всех силах души. Из этого состояния можно выйти не иначе, как силою Божией благодати, которая подается только верующему во Христа и желающему идти за Ним путем крестным. Без этого отвержения своего греховного

естества, то есть пораженных грехом разума, воли и чувства, невозможно усвоиться Христу, невозможно стяжать добродетели любви к Богу и ближнему.

Эта аскетическая установка христианина выражается в том, что весь порядок земной жизни должен помогать ему совлекаться ветхого человека и облекаться в нового. Эффективным средством обуздания своего греховного своеволия является прежде всего добровольное сознательное послушание и самоотверженное служение. Кому и чему? - Богоустановленному порядку: вначале послушание в семье родителям и старшим, затем богоучрежденной власти царской и иерархии церковной. Именно таким путем христианин воспитывается в гражданина Царства Небесного. Неспособный к нелицемерному послушанию и добросовестному служению в земной школе, не годен и для Царства Небесного, где все ангелы и святые пребывают в полном послушании Богу и служении Ему.

С этим тесно связаны и понятия присяги, обета, долга. Христианская духовная жизнь начинается с обета крещения, который есть вступление в завет с Богом, присяга на верность Ему. Отсюда долг христианина - служить своему Господу до конца жизни, сохраняя Ему непреклонную верность. Сознание серьезности крещального обета вытекает из сознания святости веры, святости Бога, к Которому приступает христианин.

Все эти понятия абсолютно чужды демократическому "обществу потребления". Это общество, провозглашая натуральное греховное состояние человека нормальным, развивает его через всемерное удовлетворение эгоизма. "Общество потребления" не знает никаких святынь, кроме своего "Я", все оценивает лишь в долларах и калориях, живет для своего чрева и кармана. Оно не знает никакого самоотверженного служения, добровольного послушания, оно знает только права и свободы. Оно не признает никакого стеснения своеволия, никаких обетов и присяг, а признает лишь те обязательства, за нарушение которых пришлось бы платить неустойку. "Человек потребления" и к религии подходит чисто утилитарно, потребительски: что эта религия дает из земных благ? Снимает ли психические напряжения, излечивает

ли от болезней, обеспечивает ли деловой успех и т. д. Очевидна полная несовместимость такой жизненной установки с христианством.

Общество, провозглашающее исключительной целью человека его земное преуспеяние и материальное развитие, как бы ни прикрывалось названием "христианско-демократического", есть продукт антихристианской эпохи - эпохи глубокого и полного отступления человечества от Бога. Христианство и демократия так же несовместимы, как гений и злодейство (если вспомнить известные слова Пушкина).

В свое время А.С. Хомяков показал, что происхождение еще древних республик - Карфагена, Афин, Рима, вытекало из ослабления религиозного интереса у основавших их народов. Религия есть то, что человек признает выше себя и над собою, и то практическое отношение, в которое он себя ставит к признаваемому им высшему началу. Религиозный человек приносит жертвы и совершает всякое иное служение Богу. Безрелигиозный человек, даже признающий бытие Божие, живет всецело интересами земного благополучия, религии же уделяет минимум своего внимания, и то лишь как средству для обеспечения своего земного успеха.

В соответствии с этими жизненными установками религиозные в своей массе народы довольствуются патриархальной властью самодержца, обеспечивающей им необходимый порядок земного бытия, а главные силы души вкладывают в область религии и богопочитания. Наоборот, малорелигиозные народы довольствуются неким минимумом в области религиозных потребностей, а весь жар души отдают устроению правового государства, выработке аппарата народного представительства, разветвленного законодательства и т. д. Так в языческой римской республике ровно половину календарного года занимали многочисленные избирательные кампании (а вторую половину - зрелища в цирке); в христианском же Константинополе - Новом Риме - ритм жизни определяли церковные праздники. Сердцем Рима был Капитолий - место политических схваток; сердцем Константинополя - храм св. Софии.

Политическая борьба неизбежна там, где религиозные интересы у народа почти отсутствуют; в хаосе этой бесплодной борьбы проходит вся история демократий древних и новых, старого и нового язычества. Этот хаос постоянно кипящих политических страстей лучше всего обнажает адскую, демоническую сущность демократии.

По словам апостола Павла, Бог не есть Бог неустройства, но чина и мира. Св. Дионисий Ареопагит - созерцатель Божественных откровений, учит, что во все виды тварного бытия Богом заложен определенный порядок, чин, лад. Божие творение не имеет никакой "уравниловки", но пребывает в определенной соподчиненности одного другому, образуя определенную иерархию, пронизанную взаимным согласием и гармонией. Напротив, зло, носителем которого является диавол, стремится разрушить эту Божественную гармонию, этот богоустановленный порядок, ввергнуть сотворенный Богом мір в хаос и разрушение, и через это в небытие. *Демократия в своей глубинной сущности есть именно отрицание и разрушение богоустановленной иерархии и порядка в міре; она и является в мір в адском пламени революций, и потому есть начало безусловно злое, демоническое.*

Будучи началом всецело разрушительным, зло не имеет бытия в самом себе, а может лишь паразитировать на добре. Разрушив добро, оно неизбежно и само приходит к небытию, как погибает и всякий паразит, истощив питавший его организм. Так и демократия может только паразитировать на накопленных веками духовных ценностях и нравственных устоях народа, а истощив это богатство, приводит к денационализации, разложению, обезличиванию, то есть к духовному небытию.

3. Христианская государственность есть православная монархия

Монархическая государственность есть древнейшая и самая естественная у всех народов. Первые демократии, такие, как римская и афинская, возникли уже позже,

после первых в истории антимонархических революций и изгнания царей.

Ячейкой государства является семья. В семье отец природно является начальником, а сын - подчиненным; власть отца не есть результат семейных выборов, но вручена ему естественно законом Божиим (митр. Филарет Московский). Как из разросшейся семьи - племени - возникает народ, так и из семейного единоличного возглавления - царское самодержавие.

Как семейное, так и монархическое устройство есть установление Божие для земного существования греховного падшего человека. Первозданный человек, пребывавший в живом богообщении, не подчинялся никому, кроме Бога, и был владыкой над неразумными тварями. Человек согрешивший, нарушивший Божественную иерархию подчиненности, отпавший от Бога - стал рабом греха и диавола, и как следствие этого стал подчиненным человеку, подобному себе. Греховная воля человека для ограничения своей разрушительной деятельности требует подчинения. Это Божественное установление имеет ввиду единственно благо человека - ограничить распространение зла. И сама история подтверждает, что каковы бы ни были недостатки монархий, они не шли ни в какое сравнение с тем злом, какое приносили людям революции и анархии.

Монархическое правление установлено Богом по Своему подобию. «Бог, как Единый, установил власть единоличную; как Всемогущий - власть самодержавную; как Вечный - власть наследственную» (митр. Филарет Московский). Такова монархия вообще, независимо от ее духовного содержания; будучи установлена по подобию Божию, она уже имеет воспитательное религиозное значение. Христианская же монархия сложилась и развивалась под непосредственным водительством и благодатным освящением Христовой Церкви, и потому имеет особое духовное содержание.

Церковь есть также установление Божественное, как и монархическая государственность, хотя Церковь несравненно выше в силу своей богочеловеческой природы. Поэтому она не могла иметь с монархией принципиаль-

ного противоречия, но со времен Константина Великого совместно с ней делала общее дело Божие на земле. После обращения св. Константина к вере Христовой Император, по его собственным словам, стал исполнять функции «епископа [надзирателя - греч.] внешних дел Церкви», а сама монархическая государственность стала внешней церковной оградой.

Взаимоотношения Церкви и православной монархии наиболее ярко выражают два документа: 6-я новелла "О симфонии" св. Императора Юстиниана и "Епанагога" св. Патриарха Фотия, принятая в число основных законов Императором Василием Македонянином. Эти документы были восприняты Церковью как выражающие ее учение по данному вопросу.

Согласно этому учению, Церковь и православное Царство существуют в таком же единстве, как душа и тело, образуя единый живой организм. Конечно, Церковь может существовать и без христианской государственности, как и душа без тела, но это существование неестественное. Из девятнадцати с половиной веков своего существования шестнадцать столетий Церковь прожила - от равноапостольного Константина до Царя-мученика Николая II - в православном Царстве. Церковь и Царство связывают не юридические отношения, не распределение сфер деятельности, но Истина - вера Церкви, которую православное Царство признает своей истиной. Поэтому преступления против веры и Церкви, например, проповедь безбожия и аморальности, все виды магии, в православном государстве являются также государственными преступлениями. Православный Царь сознает себя слугой Божиим, исполнителем Его воли, а православное Царство - орудием Промысла Божия в міре. Задача православного Царя, по определению св. Юстиниана: «сохранение в чистоте христианской веры и защита от всякого покушения святой апостольской Церкви».

Православное Царство религиозно по своей природе, оно является особой богоустановленной формой человеческого общества. Оно подчинено вере Церкви как Божественной истине, а сама эта истина различно воплощается в государстве, в его культуре и быте. Глубоко

понимая духовные основы государственного бытия, св. Юстиниан писал: «Благосостояние Церкви есть крепость империи». Пока здорова душа, тело может сопротивляться любой болезни, при оставлении же тела душою - неизбежна смерть.

Церковь не берет на себя земной власти, земной организации человеческой жизни, но дает и власти, и земной жизни духовную основу, внутреннее содержание, которое преобразует монарха в православного Царя-Помазанника, народный быт - в быт воцерковленный, а население страны - в православный церковный народ.

В едином служении делу Божию - созданию на земле духовного Царства Божия - Церковь и Царство составляют одно целое, один организм, соединяясь, хотя и неслиянно, но и нераздельно, подобно тому, как существуют два естества - Божественное и человеческое - в едином лице Христове. Царство получает веру и благодать освящения от Церкви, а Церковь, не изменяя своей таинственной духовной природе, поручает этому Царству ограждать себя от внешних врагов. Эта православная *симфония* принципиально отличается и от латинского "папоцезаризма" (государственно-административного господства Церкви) и от протестантского цезарепапизма (власть над Церковью монарха, не ограниченного ни верой Церкви, ни ее канонами), которые суть ее еретические извращения. В православном Царстве, согласно св. Юстиниану, «ни один закон не имеет силы, если он противоречит церковным канонам».

Именно неслиянность и нераздельность Церкви и Царства, их живая связь, отражены в совместном служении Царя и Патриарха. Помимо своего места в Церкви, определяемого канонами (первый среди равных ему епископов), Патриарх есть представитель Церкви в государстве, надзиратель за его Православием. Само государство возлагает на Церковь обязанность учить и предоставляет ей в этом монопольное право.

От Царя же, согласно "Епанагоге", требуется верность Православию, то есть всему учению Церкви и жизни, основанной на этом учении. Тем самым царская власть подчинена Истине, хранимой Церковью. Сам Царь

2 — 3416

получает от Церкви особую харизму, особый дар Святаго Духа на свое царское служение. Это происходит во время таинства его венчания на царство и миропомазания. Существенными моментами этого священнодействия являются исповедание Царем Символа веры и его присяга Богу на сохранение веры в ее целостности в особой коленопреклонной молитве Царя. В ответ на этот обет Царю преподается особая благодать Царства, аналогичная благодати священства, через возложение рук Патриарха, помазание св. миром и через причащение по священническому чину.

Царь-Помазанник не просто благословенный Богом правитель, но и особый чин в самой Церкви, особый хранитель самой Церкви, имеющий право собирать церковные соборы и председательствовать на них. Такой Царь-Помазанник всегда был в Церкви в единственном числе: сначала византийский Император, затем русский Царь. Православные поместные Церкви других стран всегда поминали Царя особо, как своего покровителя. Для окончательного утверждения царского титула за Иваном Грозным недостаточно было Собора русских архиереев, но требовалось подтверждение от всех восточных Патриархов.

Великие князья русские, владетели сербские, грузинские, болгарские были защитниками Церкви лишь в своих областях. Они возводились на княжение также с благословения Церкви, но по иному чину («о еже благословити князя»), который включал венчание князя, но не имел миропомазания. Конечно, и они по своему служению были христианские Государи, неразрывно сознающие себя как чадами Церкви, так и национальными правителями, защитниками интересов как христианства, так и своего народа. Они жили целиком церковным бытом, имели своих духовников, через которых так же, как и через архипастырей, Церковь влияла на их христианскую совесть. Множество святых благоверных князей прославлено Богом нетлением мощей и чудесами именно за свое служение христианских Государей. Русская Церковь чтит около семидесяти святых князей и княгинь, не один десяток их насчитывают Церкви грузинская, серб-

кая и болгарская. Это и князья-мученики, убиенные за Христа от неверных, и князья-страстотерпцы, пострадавшие от лжебратий, и равноапостольные Государи - распространители веры Христовой в своих странах, и князья-иноки, подвижники благочестия, окончившие свою жизнь в монашестве, и князья-воины, положившие живот свой за веру и отечество.

Византийские благоверные Цари являют еще и особый тип благочестия - умирителей Церкви, собиравших Вселенские и поместные Соборы, низлагавшие еретиков. Среди таких Царей видим глубоких богословов, как Император Юстиниан, и церковных песнописцев, как Император Лев Премудрый, чьи стихиры и поныне поют в Церкви; видим и ревнителей монашеской жизни, в самом дворце живших по уставу Студийского монастыря.

Каков был круг интересов даже у женщин - членов Царских семей, красноречиво говорит свидетельство дочери Императора Алексия Комнина Анны: у них за обедом регулярно читали св. Отцов, преимущественно св. Максима Исповедника, одного из самых глубоких богословов-созерцателей. На богослужении Цари сами читали Апостол, несли свечу перед Святыми Дарами, на крестных ходах носили икону Нерукотворенного Спаса. Всем известно, что Владимир Мономах заповедал своим детям даже в седле творить краткую молитву, а сам всегда имел в седельной сумке Псалтирь, которую читал ежедневно. Перед смертью и византийские Цари, и наши князья, как правило, принимали монашеский постриг, чтобы отойти ко Господу в иноческом звании. Это же звание обычно принимали и княгини-вдовы, избегавшие второго брака.

Христианские Цари Византии построили сотни монастырей, тысячи храмов, множество благотворительных учреждений (домов для сирот, больных и престарелых). По их же инициативе были направлены миссии с христианской проповедью к армянам, грузинам, арабам, эфиопам, готам, позже к славянам. Юстиниан видел свою задачу христианского Царя в том, «чтобы весь мiр стал христианским». С тою же целью еще Константин Великий заступался за гонимых христиан персидских и гот-

2*

ских, а позже сам Юстиниан - за христиан арабских, страдавших от иудейского гонения в Омирите.

История распространения христианства достаточно ясно показывает роль православных Государей. Первыми христианами Армении, Грузии, Эфиопии, Болгарии, Великой Моравии, Чехии, Руси были их Государи. Первые христиане Руси - это благоверные князья Аскольд и Дир, обращенные к вере чудом Божией Матери и запечатлевшие верность Христу мученической кончиной; это равноапостольная княгиня Ольга; это восприемник русского народа от купели Крещения, его крестный отец, равноапостольный князь Владимир, по горячей вере которого русский народ весьма скоро сподобился рождения от воды и Духа. Всем известна роль киевских Великих князей в распространении христианства на Руси; строительство ими храмов, основание училищ и монастырей (из семидесяти монастырей, основанных в XI-XIII веках, почти все были созданы князьями). Насколько долго христианство считалось "княжеской верой", говорит тот факт, что уже столетие спустя после Крещения Руси, по свидетельству окружного послания митрополита Киевского Иоанна, многие из простонародья полагали, что венчаться, соблюдать посты, молиться в храме и исповедоваться должны одни князья и бояре.

4. Царское служение "Удерживающего"

Православный Царь, являясь орудием Промысла Божия, несет совершенно особое служение: в симфонии с Церковью быть удерживающим міровое зло. Апостол Павел во 2-м послании к Солунянам, предсказывая пришествие антихриста к концу міровой истории, говорит: «Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь». По единогласному толкованию св. Отцов, от Златоуста до Феофана Затворника, под "Удерживающим" разумеется христианский государь Рима: во времена Златоуста - Император Второго Рима, Византии, во времена св. Феофана - русский Царь Третьего Рима - Москвы.

Первым это служение "Удерживающего" получил и исполнял св. Константин Великий по особому благословению Божию (вспомним виденное им знамение Креста на небе и надпись: «сим победиши»). Именно благословением Божиим и мечом св. Константина были низложены злейшие враги Церкви Христовой - Максентий и отступник Ликиний, а христианская вера стала государственной, господствующей в империи после двух с половиной веков гонений (причем сами христиане составляли тогда не более 10 процентов населения). Позднее христианским Государям многократно приходилось мечом защищать Церковь, смирять ярость варваров, язычников и отступников.

Роль христианского Государя в этом служении ярко показывает малоизвестный случай, бывший в Новгороде в 1078 году. Некий колдун силою бесовскою сотворил много знамений и чудес, собрал огромную толпу обманутых им людей и с ними пошел громить храм св. Софии. Епископ Новгородский с крестом в руках стал перед храмом, призывая к себе на помощь христиан, но к нему поспешили весьма немногие. Не испугался лишь новгородский князь Глеб Святославич. Он один устремился навстречу вооруженной толпе и на глазах у всех поразил мечом служителя сатаны, гордо прорицавшего народу свое сегодняшнее же воцарение, после чего толпа разбежалась. Очевидно, что никакой добрый молодец в подобном случае не мог заменить в деле защиты Церкви христианского Государя, получившего от нее благословение на свое служение и покрываемого по ее молитвам силой Божией.

Св. Феофан Затворник предсказывал, что когда падет Престол Царский и народы заведут демократические порядки, тогда начнется гонение на Церковь и вскоре придет антихрист. «Как показал опыт французской революции, когда нет удерживающего, некому сказать властное "вето", смиренные же заявления веры никто слушать не будет».

События после февраля 1917 г. наглядно показали, каково приходится Церкви без "Удерживающего". Новые служители сатаны, собрав толпы духовных люмпенов,

устремились громить Российскую Церковь. Вновь встали в церковных дверях архипастыри и пастыри с крестом в руках и анафемой на богоборцев. Но уже не было удерживающего христианского Государя, и не было потому, что наученные опытом слуги диавола первый удар нанесли именно по нему как по защитнику Церкви. А в те роковые дни февраля 1917 г. многие архиереи и священники не только не поддержали своего Царя, помазанного Церковью, не предали мятежников, согласно церковным правилам, анафеме, но и поспешили разрешить войска от присяги ему (присяги, приносимой пред Богом на Кресте и Евангелии!), привели войска к присяге "благоверному временному правительству", служили за это правительство благодарственные молебны...

Расплата за такую "аполитичную" церковную политику пришла очень скоро. Когда "благоверные временные" правители передали власть по эстафете откровенным богоборцам, то призыву Патриарха Тихона и Всероссийского Собора встать на защиту Церкви последовали сравнительно немногие, да и те, не объединенные идеей восстановления православного Царства, не смогли составить никакого подобия православному земскому ополчению Минина и Пожарского. Никакие белые герои, при всей своей самоотверженности и личной доблести, не могли заменить одного человека, Помазанника Божия - Царя Николая Александровича.

В это время среди церковных пастырей было немало замечательных людей: крупных богословов, учителей, молитвенников, но все они в большинстве своем стали жертвами невиданного террора. Церковь, лишенная внешней ограды, стала легкой добычей ее врагов. В любой город России врывалась шайка преступников во главе с каким-нибудь Урицким, Юровским или Лацисом, Петерсом и начинала настоящую бойню православных людей, прежде всего - духовенства.

Вспомним хотя бы телеграмму Лациса из Казани, напечатанную в одном из сентябрьских (1918 г.) номеров "Известий": «Казань чиста. Не осталось ни одного попа, ни монаха, ни буржуя. Больше расстреливать некого». Только за два года (1918-1919) было убито более поло-

вины приходского духовенства - десятки тысяч священников...

Период христианского Царства был периодом расцвета Церкви, причем не только внешнего - обширного храмостроительства, развития богословия и церковного искусства, - но и внутреннего, то есть святости. До самого конца этого периода не оскудевают в России святые: святители и преподобные, подвижники и молитвенники, исповедники и проповедники. Еще очень много русских людей живут целиком церковным бытом.

Но вот грядет «России черный год, когда Царей корона» падает (Лермонтов). Начинаются беспримерные гонения на Церковь, выкорчевывание всего хоть маломальски напоминающего о Святой Руси. Уходит поколение последних святых Новомучеников, исповедников и страстотерпцев российских. Воспитываются два новых поколения, расцерковленных и денационализированных, своего рода "потурченцев", крещеных и русскоязычных, но еще не православных по собственному самосознанию.

Этих людей окончательно добивает новая вакханалия сатанизма в виде "перестройки", пропагандирующая чудовищную смесь внешних церковных форм с кампанией нравственного растления, с духом наживы, с открытой пропагандой оккультизма. И вот мы имеем то, что имеем. В отличие даже от 1917 года нет у нас ныне ни одного церковного вождя, «ни пророка, ни мудрого, ни сильного».

Современный западный міp есть міp, отступивший от Церкви Христовой много веков назад. Папизм, антихристианский "гуманизм", противоцерковная "реформация", безбожное "просвещение", все виды революций (политическая, техническая, нравственная) - вот ступени этой единой лестницы, зрящей во дно адово. Будучи отступническим в четвертом или пятом поколении своего исторического развития, западный міp не может быть равнодушным к тому, что самим своим существованием напоминает ему о его отступлении - не может быть равнодушным к Православию. Этот міp ненавидит Православие и гонит его, иногда вполне откровенно, до крови, показуя свое антихристианское нутро; чаще же - прикровен-

но, создавая в обществе и в быту условия, невыносимые для церковно-православного человека.

Не гонит этот мір только тех "православных", которые, будучи целиком обмірщенными и денационализированными, не желают видеть его антихристианской сущности и восхваляют его за "гуманизм" и соблюдение "прав человека". Таким "православным" западный мір предоставляет трибуны на всевозможных экуменических конференциях и в демократических парламентах, оказывает материальную помощь. Глядя на эпикурейские наслаждения западников из разных православных юрисдикций, иной и впрямь подумает, что Православие в демократическом обществе процветает.

Но не нужно путать западников с Православною Церковью Христовой, которая всегда помнит, что все блага міра диавол обещал тому, кто падши поклонится ему. Церковь не забывает слова Христовы: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мір, душу же свою погубит?»; «Широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». (Мф. 16, 26; 7, 12-13). В последние времена, - говорит свт. Игнатий Брянчанинов, - почти все уклонятся на путь широкий и оставят путь узкий. Но из этого не следует, будто Божие определение потеряло силу, и что широкий путь перестанет вводить в пагубу, а только узкий путь - в жизнь.

5. Триединая установка русского человека: Православие, самодержавие, народность

Промысел Божий предназначил России быть последним убежищем Православной Церкви, последним оплотом веры. Поэтому и русская государственность складывалась как православное Царство, и сам русский народ - как православный церковный народ. Триединая установка: Православие, самодержавие, народность - есть основа русского национального сознания.

Это очевидно даже от противного: все борцы с самодержавием, будь то революционеры или либералы, были равно и космополитами-западниками, и злостными безбожниками по своей жизни, если не полными атеистами и богоборцами. Процесс утраты монархического сознания и либерализации политической мысли у русской интеллигенции всегда шел рука об руку и с утратой национального сознания, с презрением к отечественному прошлому, а также с расцерковлением и нравственным разложением. И полоумный нигилист - маньяк идей социализма, и респектабельный циничный либерал равно были смертельными врагами веры, Царя и отечества. Они вместе, как в 1905-м, так и в феврале 1917-го свергали Царя, разрушали отечество, гнали Церковь. Невозможно отказаться от одной из частей триады, не утратив при этом и остальных.

Поэтому и трагедия Февраля была глубже, чем это кажется на первый взгляд. Она не была лишь политическим недомыслием, но всеобщим позорным грехопадением, подготовленным глубоким греховным повреждением души. В этом грехопадении - и клятвопреступление, и измена законной Богоучрежденной власти, и восстание на Помазанника Божия, и отвержение самой идеи православного Царства - Третьего Рима. В нем отвержение высочайшего служения, возложенного на Россию Промыслом Божиим за много веков до этого, в нем - продажа Божественного первородства за похлебку мнимых благ демократии.

Те русские эмигранты, которые принципиально отвергли идею Православного самодержавия как ложную, не остались и русскими, не устояли в Православии, а превратились или в "католиков восточного обряда", или в модернистов-космополитов. Иное положение у тех многочисленных русских патриотов, которые не отвергали этой триединой установки, но еще не пришли к ней.

Старые интеллигенты-февралисты и многие такие эмигранты запечатлели себя позорной печатью апостасии - отступничеством от Православия, изменой самодержавию, предательством национальных идеалов и устоев. В отличие от них многим русским людям "советского" вос-

питания, по мере пробуждения их национального и религиозного сознания, пришлось отказываться совсем от другого: от коммунизма, атеизма, разных видов "западничества" и "американизма". И здесь у каждого свой путь и свои особенности.

У одних прежде пробудилось державное и государственное сознание, но еще слабо чувство религиозное и церковное - это нецерковные патриоты. У других сильнее чувство церковности, но еще не созрело равное по силе сознание русского патриота (взамен патриотизма "советского", отвергнутого при обращении к вере) - это многие энтузиасты церковного возрождения, борцы с экуменизмом и обновленчеством, но предпочитающие пока быть "аполитичными". А враги русского возрождения всячески пытаются противопоставить одних другим: нецерковных патриотов увлечь под знамена Жириновских и им подобных, а церковных энтузиастов - под флаги "демо-христиан".

6. Возможно ли ныне восстановление православного Царства?

Подопечный иудейского банкира Ротшильда Наполеон Бонапарт говорил, что для достижения успеха в каком-либо деле, например, в войне, нужны три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, много денег, в-третьих, очень много денег. Другой служитель князя міра сего добавляет, что, кроме этого, нужны еще связи и информация. Если судить по этим признакам, то у русского патриотического движения не больше шансов на победу, чем у ребенка в поединке с боксером-тяжеловесом. Но ложность этих трех условий успеха, как и всего безбожного материалистического подхода, наглядно иллюстрируется историей самого Бонапарта, который благодаря Ротшильдам имел очень много денег и информации - и тем не менее потерпел полное поражение в православной России.

Невозможное человекам возможно Богу (Мф. 19, 26), Который «от земли воздвигает нища и от гноища воз-

вышает убога» (Пс. 112), «мертвит и живит, низводит во ад и возводит». Поэтому единственное условие успеха в любом деле - благословение Божие на это дело. «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии» (Пс. 126). Итак, как нашему патриотическому движению добиться благословения Божия?

Во-первых, нужно четко осознать, что единственно угодна Богу та Россия, которая служит Ему и Его Церкви. Не богатая и сытая страна, в которой жизненный уровень был бы почти как в Америке, а Святая Русь в виде православного Царства. Ищите прежде всего Царствия Божия и сия вся (материальное благосостояние) приложатся вам (Мф. 6, 33), - такова заповедь Христова. Да, этот идеал святости высок, почти недосягаем, но он заповедан нам Богом, и мы не имеем права заменять его на что-либо дешевое и популярное.

Во-вторых, нужно отказаться от материалистического взгляда на русский народ как на некую арифметическую сумму "русскоязычных" или "русских по паспорту" людей. Соответственно и воля народа не может выражаться таким же арифметическим большинством на выборах и референдумах. Русский народ, прошедший многовековой исторический путь, не есть совокупность биологических особей одного поколения, но особое духовное образование, куда входят все поколения и ныне живущие, и отшедшие. Бог наш не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы (Мр. 12, 26).

Русский народ сформировался как православный воцерковленный народ. В Церкви же осуществляется не мнимое, а реальное духовное общение с отшедшими из жизни сей: молитва об усопших отцах и братиях наших и молитва к святым земли нашей. Духовное единение наше с предками, жизнь теми же идеалами Святой Руси определяет и нашу принадлежность к русскому народу - а вовсе не просто языковой признак. Как те из инородцев, которые крестились и воцерковились, входили в состав русского народа, так и те русские, которые отрекались от веры и Церкви, отпадали от русского народа, подобно шлаку при плавке стали.

Со времени крещения Руси за десять веков насчитывается сорок поколений русского народа (если считать примерно четыре поколения в столетие). Имеют ли право одно или два поколения, разорвавшие свою связь с идеалами всех прошедших поколений, решать судьбу всего народа, в том числе и поколений будущих? - Нет, эти люди имеют право решать только свою судьбу. Это ветви засохшие, отломившиеся от единого ствола исконной российской государственности. В этом смысле незаконны и недействительны как революции, так и демократические референдумы, решающие судьбу народа и государства большинством голосов одного поколения, забывшего свое родство. Духовные люмпены, утратившие русское православно-державное сознание, хотя бы и составляли арифметическое большинство населения, не имеют никакого права решать судьбу русского народа, к которому они уже не принадлежат, менять его веру, разваливать государство.

Отсюда вытекает, что патриотическому движению не стоит гоняться за голосами тех обывателей, для которых - "где колбаса, там и родина", в надежде добиться таким образом большинства на очередных выборах, но надо объединять свои наличные силы, преодолевая разногласия.

И конечно, необходима усиленная молитва к Богу, ко всем святым земли Российской, особенно к Новомученикам, о восстановлении православного Царства! Если Бог с нами, то кто против нас? Воля православного народа всегда выражалась в совместной усиленной молитве. Истинное национальное богатство народа, его могучий духовный потенциал составляют его святые, его заступники и ходатаи пред Богом, его небесные покровители. Это то наше оружие, которого вовсе нет у апостасийного западного міра.

Что заступление святых не поэтическая алегория, а духовная реальность, подтверждает вся наша история, которая и есть история чудесных избавлений и спасений. Вспомним хотя бы чудеса спасения городов по предстательству Божией Матери, вспомним явление свв. князей Бориса и Глеба на помощь благоверному князю

Александру перед Невской битвой, сонма святых русских - перед Куликовской битвой, преп. Сергия Радонежского - во время осады его обители поляками и многие иные случаи вполне осязаемой чудесной помощи свыше.

Если же в доме нашем лежит сокровище, а мы не знаем о его существовании, то для нас все равно, что его нет. Нам надо осознать, что наше главное богатство - это наши святые, а не какие-либо земные средства, в которых враг, конечно, богаче нас. Ради них силен Господь избавить нас от рук всех ненавидящих нас. "Сии на колесницах" всей западной экономики, "сии на конех" всех иудейских капиталов, - «мы же во имя Господа Бога нашего призовем. Тии спяти быша и падоша, мы же восстахом и исправихомся. Господи, спаси Царя и услыши ны, воньже аще день призовем Тя» (Пс. 19).

Февраль 1992 г. *Иеромонах Дионисий*

(Ранее статья распространялась за подписью А. Тускарев)

О ПРАВОСЛАВНОМ ЦАРСТВЕ И ПОСЛЕДНЕМ ВРЕМЕНИ

В современном изложении православного вероучения чаще всего опускается одна составная часть, хотя и не первой важности, но все же необходимая. Это учение о православном самодержавии. Монархические убеждения нередко представляются ничем не связанными с общим церковным исповеданием и расцениваются как частные мнения или дань русским народным традициям. Однако теория и практика христианской государственности выработана вековым опытом Вселенской Церкви, принята ее авторитетом. То, что Церковь хранила и развивала в продолжение шестнадцати веков, должно иметь для православного человека достаточно убедительную силу.

Вопрос о том, есть ли у Церкви свой политический идеал, многим представляется неправильным, так сказать, приземляющим христианство. Но странное дело: кто больше всех твердит, будто Церковь вне и выше политики, что она должна заниматься не земным, а небесным, - тот сам зачастую оказывает церковную поддержку явно нехристианским политическим силам. Более того, с уверенностью можно констатировать, что почти на все грехи явного или тайного отступничества большие группы церковных деятелей в XX веке были соблазнены именно политическими антихристианскими лидерами, которые по-своему использовали неправильное понимание политического идеала Церкви.

Ныне в міре нет христианского государства, то есть такого, для которого вопросы спасения души и воспитания граждан в Православии были бы главными. Существующие в любой стране власти либо явно гонят Церковь, либо, что чаще бывает, пытаются поставить ее на службу себе, с тем чтобы она благословляла все их безбожные начинания и служила таким образом ширмою для их антихристианских планов. И когда представители Церкви говорят, что им все равно, какая будет власть, лишь бы люди были более-менее сыты и довольны, то это уже есть немалая уступка врагу Христову.

Все виды государственного устройства не могут быть равны в очах Божиих даже в принципе, ибо история знает такие государства, для которых всей целью было - угодить Господу и привести в Царство Небесное как можно больше людей. И враг, чувствуя, что ныне Церковь даже не пытается брать себе в пример тогдашний образ своего существования, пользуется этим и прикидывается сам другом Церкви, надеясь получить от нее благословение на такие дела, которые ко спасению души никак не приближают. Такое тяжелое для наших дней искушение Церковь может преодолеть только, хорошо понимая и вседушно принимая свое учение о православном самодержавии как единственном идеале государства.

Положение Церкви среди темных сил міра сего напоминает положение обрученной девицы, в отсутствие своего жениха оказавшейся в компании веселых молодых людей. Утверждения девушки о том, что для нее все кавалеры равны и она вообще не интересуется ими, только раззадоривают их пылкие мечты. Гораздо проще ей выйти из затруднительного положения тем, что без всяких жеманств и ненужных слов спокойным, но твердым жестом показать им свое обручальное кольцо в знак того, что избранник сердца у нее уже есть, хотя в настоящий момент он отсутствует. Это охладило бы горячие головы гораздо лучше всякого кокетства.

Подобно сему и Церкви в настоящее время для утверждения своей подлинной аполитичности в условиях отсутствия христианской государственности, своей подлинной непричастности к греховным делам антихристианского политического міра, надобно исповедывать свой собственный политический идеал: православное самодержавие, симфонию Церкви и Царства, воспитывающую граждан Неба. В противном случае различные безбожные политики - демократические, анархические или диктаторские - будут воспринимать заявления Церкви о своей аполитичности как кокетство, всегда намекающее на возможность более коротких отношений, вплоть до прямого грехопадения по типу сергианской политики.

Впервые в истории православное Царство было установлено при св. равноапостольном Константине Великом

в IV веке по особому благоволению Божию, которое явствует из следующих обстоятельств. К тому времени население Римской империи на 90 процентов состояло из язычников, многие из которых уже обагрили руки христианской кровью в недавнее жесточайшее Диоклетианово гонение. Физически были истреблены многие десятки тысяч христиан, наиболее стойких в вере. Государственный аппарат, образование, культура и философия были насквозь языческими. Поднимала голову арианская ересь, наряду впрочем с более ранними лжеучениями. Объективных предпосылок к установлению православного Царства не было и не предвиделось. Однако оно установилось и простояло в Византии одиннадцать с лишним веков, после чего перешло к Руси.

Любому, хотя бы поверхностно знакомому с историей, должно быть очевидно, Кто явился этому причиной. Подобно истории становления Церкви в апостольские времена, история православного Царства полна знамений и чудес. Для тех, кто не склонен сразу верить в эти чудеса, приведем давнишнее святотеческое размышление о том, что даже если бы апостолы не сотворили тех чудес, которые описаны в их житиях, то само распространение христианского благовестия по всему міру горсткой нищих и неученых рыбарей следует признать столь же чудесным, сколь и неоспоримым фактом. Подобно сему, даже если бы не было дано св. Константину видеть знамение Креста на небе, если бы не было повелено ему сим побеждать, если бы не нашелся потом в его царствование сам животворящий Крест Христов, воскрешавший мертвых, если бы, короче, даже не было сих знамений благоволения Божия к христианской державе, то тем более установление православного Царства является особым, важнейшим в истории чудесным знамением.

Со временем опыт построения христианского государства и его задачи были осмыслены в ряде теоретических трудов. Особо отметим учение св. благоверного Царя Юстиниана о симфонии Церкви и Царства, дальнейшее развитие этих идей свт. Фотием, Патриархом Константинопольским, закрепление этого учения богослужебной практикой (чин св. миропомазания на Царство,

молебные пения о Царе и др.). И дело даже не в том, что Церковь почитает основоположников этого учения святыми, а в том, что она повсеместно приняла это учение и много веков хранила его вне зависимости от личности родоначальников. В доказательство духоносности и верности сего учения мы имеем не просто двух-трех, хотя бы и святых свидетелей, а многовековой авторитет всей церковной полноты.

Дальнейшее развитие теория и практика православной государственности получила у нас на Руси после падения Византии и установления Царства Русского. Именно на Руси была осмыслена важнейшая задача самодержавного строя как последнего оплота Церкви перед лицом наступающего антихриста.

Очень кратко мы рассмотрим здесь только самые основные положения церковного учения о самодержавии и их значение в наши дни.

1. Цель христианского государства

Христианское государство, в отличие от всевозможных нехристианских форм правления, ставит себе сверхмирную цель своего существования. Цель христианского общества и государства состоит в воспитании граждан отечества Небесного.

Всякая иная форма правления основана на иной цели государства и общества. Чаще всего эта цель не высказывается так прямо, как при социализме: максимальное удовлетворение растущих потребностей и освобождение личности от религиозных предрассудков, - но предполагается близкой к этому. И прямо безбожное, и лицемерное "христианско-демократическое" общество ставят всегда самоцелью потребление на плотском и душевном уровне. Старое пошлое желание "хлеба и зрелищ" может обволакиваться разной словесной мишурой, но суть остается прежней. Христианская же религия в таком обществе понимается, говоря заглавием одной баптистской книжечки - как "Правила счастливой жиз-

3 — 3416

ни". Временная счастливая жизнь на греховной земле - вот самоцель, а вовсе не вечное Небесное Царство.

Одной из потребностей человека в его нынешнем падшем греховном состоянии является желание властвовать, командовать, бороться за справедливое распределение земных благ, понимаемое каждым по-своему, наконец, хотя бы просто высказаться о политике, показать себя. Безбожное государство или разжигает это греховное желание человека, освободившегося от забот о Небесном, или же силою подавляет его. В первом случае получается демократия или республика, во втором - диктатура. Православное же Царство врачует эту человеческую греховную страсть, помогает преодолеть ее.

Православное учение исходит из того, что все человеческое естество находится в состоянии глубокого и всестороннего падения и повреждения. И каждому человеку в отдельности и всему обществу в целом нужны своего рода духовные костыли и гипсы для исцеления, то есть ограничение собственной воли и желания. Жизнь, посвященная самой себе, своим интересам и хотениям, постепенно убивает душу вечною смертью. Так же следует смотреть и на все общество в целом. Если оно следует необузданным похотям своего большинства, то самообрекает себя на анархию или на замену ее тиранией, не говоря уже о печальной вечной участи людей. Как сам человек не способен своими силами преодолеть свое греховное повреждение и погибельное естественное состояние, так не способно к этому и общество, пока оно живет по своей воле.

Итак, цель православного общества и государства - исполнить волю Божию, которая в отношении человека изречена раз и навсегда: «еже всем спастися и в разум истины приити». Путь православного государства - не набивать и не выворачивать карманы своих граждан, не следовать желаниям их разума и воли, оскверненных падением, а утверждать у них церковные начала сознания и жизни. Главное из них - послушание *ради Бога* установлениям Церкви и соответствующим государственным законам.

Конечно, невозможно придумать такое государственное законодательство, которое автоматически возводило бы в рай всякого законопослушного. Закон Христов духовен и на сердцах пишется. Поэтому закон не заменит совести, а Царство не заменит Церкви. Но опыт показывает, что государственное отсечение хотя бы основных грубых греховных соблазнов очень сильно влияет на общее нравственное состояние общества и помогает спасению многих душ.

История не знает ни одной независимой и сильной христианской республики. Республика и демократия возникают тогда, когда забота людей о спасении души ослабевает или отсутствует вовсе. Когда же главное для человека - дела веры, тогда ему не нужны ни парламенты, ни выборы, ни референдумы, а нужна ему спокойная, твердая, нравственно-ответственная власть, имеющая благословение Божие и служащая Церкви, при которой ограждаются от всяких посягательств главные интересы человека - религиозные.

Следовательно, православное Царство для того, чтобы соответствовать своему назначению и вообще быть осуществимым, должно опираться на крепкий в Православии народ, воспринимающий и умом и сердцем бытие свое как служение Богу и Божьему порядку в жизни. В чине Помазания на Царство и приносится такой взаимный обет: народ вверяет свою политическую волю Царю, дабы не ища более этой воли своей, служить Господу, отложив излишнее житейское попечение, а Царь, принимая свое служение, вручаемое ему также от Царя царей, обещается исполнить волю Божию в отношении народа: «еже всем спастися». Итак, если у Царя и народа одно стремление, одна высшая задача, то между ними не возникнет никаких противоречий. Противоречия возникнут и приведут общество к диктатуре или демократии, когда человеки вместо Божией воли станут стремиться исполнить волю свою.

Но почему единственно возможной формой общественного устройства для этого *всенародного богослужения* (в широком смысле слова) является только православное самодержавие?

3*

Во-первых, история не дает нам реальных примеров другого общественного устройства для этой цели. Во-вторых, объяснение этому факту заключается в том, что православное самодержавие установлено не просто по воле Божией, по благоволению Божию, но и по *образу* Царства Божия. «Демократия в аду, а на Небе - Царство», - говорил св. Иоанн Кронштадтский.

И небесное, и адское устроения имеют свои подобия на земле. На Небе есть Царь, превысший всех Своих творений по самому естеству Своему. И на земле поставляется от Него Царь по Его образу. Как Всемогущий, Господь поставляет Царя самодержавного, а как Вечный - Царя наследного (по выражению свт. Филарета Московского). И основою порядка в Царстве земном, как и в Небесном, служит добровольное и сознательное послушание в любви, подчинение своей воли Господу и Его Помазаннику. Основою же адо-образного устроения общества служит борьба самовольных стремлений человеков, группирующихся и враждующих друг с другом, ради утверждения себя и своей идеи. И в этом сходство между демократией и диктатурой: в обеих люди ищут своего, а не того, что угодно Господу. Как известно, и часть ангелов превратилась в мрачных бесов именно потому, что начали искать *своего* в противовес Божиему.

Отметим, что православное Царство есть установление, хотя и Божественное, но земное; Церковь же есть установление непосредственно Небесное, ибо лучшая ее часть уже предстоит Господу на Небесах. Поэтому Церковь может в принципе существовать в условиях любого государственного устройства. Господь хранит ее везде, и ко всякой нехристианской власти она относится лояльно, воздавая любому кесарю его кесарево, а Божие Богу. В этом смысле Церковь выше Царства.

Красивая березка может вырасти и на крыше брошенного здания, и на болоте, и еще где угодно, но все же лучше всего ей расти в чистом поле; и рыба может оставаться продолжительное время живою на суше, а человек, затаив дыхание, некоторое время может плавать под водой, но все эти состояния неестественны. Подобно этому и Церковь, пребывая длительное время в условиях

неправославного государства не может расцвести всеми сторонами своей жизни, а, кроме того, не может и привести ко спасению такого множества людей, как в условиях Царства.

Ведь не секрет, что и общий уровень народного благочестия, и высота духовного восхождения, и глубина богословской мысли, и красота церковного богослужения, и вся полнота христианской культуры достигают высшей точки именно в Константиновскую эпоху. В условиях гонений до храмостроительства, гимнографии, богословия и иконописи просто руки не доходят, там главное сохранить веру и не отречься от нее. В условиях же демократического общества, наступившего после Царства и гонений, Церковь уже настолько хиреет и ослабевает численно и внутренне, подвергается стольким соблазнам утонченнейшей лжи, что способна в лучшем случае только частично восстановить утраченное и разграбленное свое благолепие. Ведь весь окружающий мiр, который раньше в условиях православного государства Церковь возводила к Богу, ныне глубоко враждебен Христу, от Которого отрекся; он стремится не к Небу, а к земле, если не сказать к преисподней. О каком расцвете церковной жизни можно вести речь в такой обстановке?

2. Цель и средства православного Царя

В соответствии с целью христианского государства и общества перед самодержавием ставится особая священная задача - всемерно содействовать Церкви материальными средствами в исполнении ее спасительной миссии, а также охранять ее в тех случаях, когда необходимо применение государственной власти. Опасности, угрожающие Церкви при отсутствии прямых гонений, - это прежде всего ереси, зловерия, лжеучения, растлевающие веру в людях через омрачение разума, а кроме того - попытки нравственного развращения православного сердца через соблазнительные примеры типа блудилищ или через принуждение к участию в грехе (колдовство, оккультизм). Эти опасности и призван отражать от народа

Божия Государь данными ему средствами. Конечно, и сама Церковь воинствует против них по-своему: словом, примером, молитвою, прещением. Однако, как показывает опыт, таких чисто церковных средств оказывается недостаточно для тех зарвавшихся человеков, которые молиться в Церкви не хотят, слов и примеров не понимают, увещаний и прещений не слушают.

В соответствии с этой главной обязанностью Царя и дается ему право самодержавной власти. Всякие права воспринимаются православным сознанием лишь как средство исполнения обязанностей в отношении к Богу и ближнему, которые уже даны от Бога и называются заповедями. (В современном неправославном обществе, кстати, соотношение прав и обязанностей понимается совершенно навыворот: права признаются первичными, а обязанности - лишь условием удовлетворения прав всех членов общества.)

В своем самодержавии Царь ограничен, но не волею парламента, а волею Бога, изложенной в церковном учении. Всякое распоряжение монарха, противоречащее церковным канонам и христианской совести - если не дай Бог такое случится - не должно считать законным.

Кроме того, Царь ограничен не только церковными канонами, но и церковно-народным укладом жизни. Пренебрегать добрыми христианскими традициями, культурно-бытовыми обычаями своего народа он не должен, ибо это чревато и прямым падением христианских устоев в народе.

Православное Царство есть такое устройство общества, в котором меньше всего пагубного своеволия и больше всего послушания. Причем не внешнего диктата, а послушания добровольного, послушания Господа ради, послушания не за страх человеческий, а за страх Божий, то есть за совесть. Сам Царь имеет духовника, имеет Собор епископов во главе с Патриархом, может иметь, если нужно, совещательный выборный орган из народных представителей - Думу. Поэтому такое Царство чуждо деспотизма и абсолютизма.

Правда, для этого требуется, чтобы сам Государь был с детства наставлен и крепко утвержден в православной

вере и благочестии, четко осознавал свою обязанность пред Богом и народом. Этому призван способствовать сам принцип престолонаследия - от отца к сыну.

Царь оставляет свой Престол в наследство сыну, а не постороннему "сменщику". Это поневоле понуждает его к сугубой ответственности за всякое действие. Президент же как четырехлетний временщик склонен управлять государством по принципу: после нас хоть потоп. По крайней мере, обстановка демократического правления очень располагает к этому, к нравственной распущенности и своеволию, когда никто не отвечает ни за что, особенно в сложные моменты для государства. Царское же служение как пожизненное, во-первых, и как наследное, во-вторых, возлагает и сугубую нравственную ответственность на Государя и пред Богом, и пред своей семьей, и пред обществом. Да и сам народ может проникнуться истинной преданностью и любовью, столь необходимыми для духовного здоровья общества, лишь к такому нравственно-ответственному лицу.

В условиях же республики никто не сможет любить безликое многоглавое собрание человеков в парламенте или раде, каждый из которых, равно как и все они вместе, всего лишь ни за что не отвечающие перелетные птички, присевшие отдохнуть на вершинах общественной пирамиды. С таким безликим коллективным правителем люди могут вступать лишь в деловые отношения, получая материальные блага за те или иные труды, но священных нравственных скреп такое государство иметь не будет, и народ Божий в нем воспитаться не сможет.

Система наследования Престола от отца к сыну имеет также целью воспитание этой святой ответственности у будущего Государя с самых ранних лет. Наследник с колыбели готовится принести обет верности Господу и взять боговручаемое бремя служения Божьему народу. Он не участвует ни в какой политической борьбе, не обучается в ней лжи, лицемерию, подлости, высокомерию, которые неизбежно усваивает всякий, кто лезет из грязи в князи, сиречь в президенты или диктаторы. Таким образом и сам Царь, и весь народ надежно "застраховываются" от политических страстей и грехов.

3. Царское служение как разновидность священно-церковного

Царь не просто получает внешнее благословение от Церкви. Его служение рассматривается как особый церковный чин. В Церкви есть чин священнический, чин монашеский, чин церковно-служителей, чин диаконисс. И есть чин Царский. Вступление в этот чин совершается через особое церковное таинство, начинающееся с исповедания Царем Православной веры и присягой его на верность Богу, Церкви и отечеству. Совершается это таинство за Божественной литургией через коронование Царя, помазание его святым миром и причащением его в алтаре по священническому чину. Приносится особая молитва первоиерарха Церкви за Царя и молитва Царя за Церковь и народ.

В ответ на эту соборную молитву, в ответ на обещание самого Помазанника достойно принять и исполнять свое служение, в ответ, наконец, на благоволение народа церковного к своему Богом поставляемому Государю - в ответ на все это и подается от Господа невидимая, но ощутимая сила на созидание Церкви и народа Божия - благодать Царства.

В чинопоследованиях таинств Царства и священства много схожего. Оба таинства совершаются на литургии, с молитвою всего народа, в обоих приносятся Богу священные обеты и исповедание веры. Оба таинства теоцентричны: они имеют целью достойно послужить прежде всего Господу, а потом и народу, помогая ему самому достойно послужить Господу и наследовать жизнь вечную. В обоих случаях приступающий к таинству принимает тяжелый крест своего служения и великую ответственность за многие православные души.

Царское служение призвано даровать Государю не привилегии, не удовлетворение властолюбия, а «многи скорби праведных» и неувядающий венец славы в Царстве Небесном. Весь смысл земного православного Царства - это образ и путь к Царству Небесному. Когда и Царь и народ это понимают и исповедуют сердцем и устами и делами, тогда они получают помощь Божию, и Господь

совершает настоящие чудеса, возвышает и низлагает народы по Своей воле вопреки материальным предпосылкам. Так становление Греческого Царства, как мы видели, чудо, обусловленное устремлением человеков к Небесному отечеству и всецелым упованием на милость Божию. Так же строилось и Русское Царство, вполне чудесным образом. Создать такое Царство в окружении стольких внешних врагов, в таких климатических условиях, на такой громадной территории, только что освободившись от татарщины - дело человеческими силами *абсолютно невозможное*, равно как и невозможно было без особой и чудесной помощи Божией возсоздать это Царство в 1613 г. Точно так же по-человечески абсолютно невозможно возсоздание православной государственности и в наши дни, но об этом речь впереди.

Чин помазания на Царство является богослужебным запечатлением православного учения о самодержавии. В Неделю Православия Св. Церковь особо анафематствует тех, кто отрицая благодать Царства, считает, что Цари возводятся на престол по случаю, а не по благоволению Божию, а так же тех, кто на основании этого дерзает против них на бунт и измену - то есть всех революционеров.

4. О симфонии Церкви и Царства

Принцип отношений между Церковью и православным государством называется симфонией (созвучием). В самых общих словах суть его такова: Церковь живет в Царстве, как душа в теле. Государство обеспечивает внешнюю защиту Церкви (в частности от еретиков, которых Церковь уже осудила и сама отсекла от себя за их упорное богохульство), предоставляя ей возможность служить Богу, всякое житейское отложив попечение. Царь принимает в качестве государственных законов каноны и правила Церкви и не вмешивается в решение Церковью вопросов истинного богопочитания, а также в церковное управление. Церковь же в свою очередь единым сердцем и едиными усты молится Господу за Царя

и Царство его. Это на самом деле уже очень много, гораздо больше, чем может показаться неверующим, ведь самая основа православного государства - милость Божия, приснаявляемая в более или менее заметных чудесах, а эта милость всегда испрашивается молитвою. Причем эта молитва состоит в согласии с учением Церкви и волей Божией, в отличие от нынешней церковной молитвы о безбожных "властех и воинстве", которая никак не согласна с волей Божией. Но кроме этой всеусердной молитвы, имеющей непосредственный отклик от Царя царствующих, Церковь воспитывает чад своих в духе любви к Государю и отечеству, одухотворяет и возвышает естественно-человеческий патриотизм до разновидности служения Господу. Церковь также идейно обличает и разоблачает всякую крамолу в государстве, вскрывая и указывая всем ее глубинные религиозные антихристианские корни.

Принцип симфонии касается не только Царя и Патриарха (Собора), он простирается сверху донизу. На уровне епархиальном предполагается такое же разделение духовных и государственных функций: делами вероучения, богослужения, благочестия должен заниматься архиерей, а такими делами, как создание храмов, материальное обеспечение церкви и т. п. - "епархиальный староста" или епарх, градоначальник. Если Царь традиционно именуется епископом внешних дел Церкви, то епарха можно было бы назвать, скажем, благочинным внешних дел епархии. Епарх получает особое церковное благословение на свою деятельность, которая не может рассматриваться в отрыве от остальной церковной деятельности. Епарх несет также личную ответственность за дела свои, и также в первую очередь церковно-нравственную, а потом уж и перед законом. Подобным же образом принцип симфонии должен соблюдаться и на приходском уровне - между настоятелем прихода или монастыря и ктитором его.

Условие соблюдения этого великого гармонического принципа, равно как и всего церковно-державного устройства - желание всех сословий общества искать прежде всего Царства Божия и правды его. Когда это

стремление ослабевает или пропадает, тогда и возникают всякие перекосы: либо Церковь хватается за мiрские дела, забывая о своем служении духовном, - как это произошло у папистов; либо же власть светская влезает в дела церковные, вплоть до установки догматических определений, что затем приводит к полному вытеснению Церкви из государства и превращению ее в частно-благотворительную контору (как у протестантов). Вообще, вся основа православного Царства - духовно-нравственная ответственность, а не административно-механические рычаги подавления; этим Царство качественно отличается от всех иных видов государственной власти, которые существуют не для Бога и исполнения воли Его, а для своего собственного плотского преуспеяния.

Люди грешны, и, естественно, что описанное здесь государственное устройство является лишь идеальным; на практике, строго говоря, оно не осуществлялось никогда. Тем не менее история показала, что православное сознание способно принимать этот идеал и более-менее успешно воплощать его в жизни, - несомненно, при особо явной *помощи Божией.* Эта помощь и является главным признаком богоугодности православного самодержавия.

5. Идея православного Царства в наше время

Хочется верить, что человек православного мiровоззрения и церковного быта едва ли станет возражать против всего сказанного по существу. Чаще выдвигается другого рода возражение, что мол, в настоящее время православное Царство настолько неосуществимо, а монархическая деятельность может настолько отвести от занятия личным спасением, что попросту игра не стоит свеч. Однако же наблюдение за обычной жизнью православного прихода, за событиями в нашем отечестве наводят на иные соображения.

Несмотря на освобождение и некоторое оживление церковной жизни в последние годы, настоящее ее положение едва ли сильно изменилось в лучшую сторону. Что пользы от увеличившегося числа крещений, если на

тысячу крестившихся едва найдется один-два желающих стать христианами в собственном смысле слова, но почти все считают себя "верующими" (в кого?). Что пользы от увеличившихся тиражей духовной литературы, когда несравненно более быстрыми темпами распространяется литература явно антицерковная и еретическая? Что пользы от роста числа браковенчаний, когда гораздо быстрее растет число абортов и разводов, не говоря о всяком прочем блуде? Что пользы от трансляции богослужений по телевизору, когда громадное большинство зрителей этих передач не желают сами молиться в храме, предпочитая для себя роль "болельщиков", а те, которые стараются жить церковной жизнью, напротив, почти не смотрят телевизор? Что толку от изучения Закона Божия в школе, когда вся прочая школьная программа, особенно в области естественных наук, остается безбожной и ученик шестого класса, "пройдя" библейские повествования по литературе в разделе сказок, "сдает" историю древнего міра, в том числе и разделы о происхождении человека "от обезьяны" и о христианстве, точь-в-точь по тому же учебнику, что и десять лет назад? И даже если отношение к Закону Божию в школе окажется серьезным, что толку от него, если безбожные родители не приучают ребенка к церковной жизни, к исповеди и таинствам, к молитве и посту? Пойдет ли впрок такая наука?

Мы не говорим еще здесь подробно о быстром росте и распространении латинства, протестанства, особой ереси, стремящейся соединить христианство с иудейством, кришнаитства, "нетрадиционной медицины", астрологии, колдовства и самого разного прочего сатанизма. Не говорим подробно и об открытой кампании нравственного растления, проводимой через господствующие средства массовой информации, находящиеся почти исключительно в руках врагов Церкви и отечества.

Главное, что "официальная" Церковь - руководство Московской Патриархии - практически отказавшись от идеалов Святой Руси и православной государственности, - поплелось в охвостье демократических политиков и, облегченно вздыхая после большевиков, начало благослов-

лять все начинания новой власти. Это привело к тому, что мы оказались теперь не в силах противостоять этой сосредоточенной, глубоко-эшелонированной атаке вражеских сил на Церковь, а кроме того, в значительной мере позволили врагу внедриться в Церковь, посеять свои плевелы в церковной среде*. В условиях "демократии" все получают благословение на всё, прежде всего, творящие зло - на свою злую деятельность. И нам приходится с ужасом наблюдать, как овец Христовых расхищают волки прямо у нас на глазах.

Ныне стадо Христово пасется не в овчарне, даже не в чистом поле, а в глухом лесу полном хищников. Уцелеть в нем могут только те немногие, которые ближе всех прибились к ногам Пастыря доброго. Гораздо лучше было бы войти со всеми уцелевшими овцами внутрь ограды. Такой надежной и крепкой оградою призвана быть царская власть.

Итак, самодержавие совершенно необходимо именно для того, чтобы дать Церкви нормальные условия существования, оградить ее от множества врагов. Это его первейшая задача, а уже потом - подъем экономики, решение социальных вопросов, сохранение целостности раздираемой страны. Все эти земные цели будут достигнуты, если Господь тому благоволит, а если нет, то и не в них счастье. Нужно сохранить Православие в чистоте и силе, пусть даже на недолгий отрезок времени, оставшийся до воцарения антихриста. Остаток тех, кому правая вера дороже благ земных, обещаемых демократическим правительством, нашел бы пристанище в этом Царстве.

Православное самодержавие не есть плод революционной борьбы или демократического референдума. Оно есть дар Божий. Средством для получения дара Божия

---

* *Примечание автора 1997 г.*: Пять лет спустя нужно заметить, что это было еще мягко сказано. Своей "симфонией" с нынешним политическим режимом руководство МП не только посодействовало его растлительной деятельности, но и сильно скомпрометировало в народе саму идею государственной Церкви. Захватив господствующее положение в религиозном поле страны, церковное руководство добилось самого низкого мнения о себе в народных массах, так что самая мысль о государственном статусе *такой* Церкви вызывает у многих неприятие.

является молитва, основанная на внутренней духовной потребности, которую человек чувствует, сознает и исповедует. Мы совершенно согласны с вами, читатель, что материальных предпосылок к установлению у нас православного Царства нет и пока не предвидится. Но это еще полбеды; так было и при Константине, так было и у нас в XV веке и в годы первой Смуты, тем не менее Господь сотворил чудеса и даровал Царство православному народу. Хуже то, что у нас сейчас нет и субъективных, духовных предпосылок к его установлению. Очень немногие понимают, что действительно возможно, и законно, и необходимо об этом молиться. Когда бы это осознала вся Церковь и взмолилась ко Господу, ужели Господь не дал бы просимого? Ведь невозможное человекам Ему возможно.

В наши дни как раз не мы, монархисты, оказываемся мечтателями, а те, кто не принимает Господа как главного действующего Лица истории и строит политические умопостроения, исходя из чисто материальных посылок. Многие державно мыслящие русские люди ищут путей спасения отечества из его нынешнего ужасного состояния, ищут русскую национальную идею. А ведь это как раз и есть православное самодержавие, государственное устройство по образу Небесному и устремленное к Небу.

Не без мук принял, осознал и хранил народ наш эту идею, это учение Церкви. Нравственную силу православного Царства признавали многие инородцы, которые, даже оставаясь в своей религии, видели нравственное превосходство "русской веры", служили Белому Царю именно за это, хранили ему верность, даже когда многие русские готовы были изменить своему Государю. Ведь не просто же за силу уважали они Россию, за силу принято не уважать, а бояться. Уважали - за всем очевидную духовную красоту православного Царя и его подданных. Когда же мы эту религиозную, небесную закваску утрачиваем, не сознаем ее, то тщетны будут все мечты о великой единой России.

Будем мы стремиться стать Святой Русью, Царством земным *для Небесного* - дарует нам Господь и великую

Россию. Захотим великой России *для себя* - отнимет и все, что раньше дал. Станет ли кто уважать нас только за то, что мы живем на шестой части суши? Насколько уважали в міре раньше русского за его Православие, настолько же шарахались от советского за его безбожие.

Приведем и еще одно известное святоотеческое сравнение на эту тему. Общепризнано такое образное толкование торжественного входа Господня в Иерусалим на осляти, что сей осленок был праобразом диких языческих народов, на которые воссел Христос, чтобы возвести их в Иерусалим Небесный. Пока люди видят на осленке сидящего Христа, они кричат: "Осанна!", и постилают под копыта пальмовые ветви и свои одежды. Но если бы вдруг, не дойдя до града, осел возомнил, что эти знаки почитания относятся к нему самому, а не к Седящему на нем, то кто бы он был? - Гордое, упрямое животное - и больше ничего.

Подобно сему и русский народ лишь тогда достоин того, чтобы говорить о нем и о русской государственности, когда он несет (или хотя бы желает нести) на себе Христа, становясь, по выражению Достоевского, народом-богоносцем, то есть носящим Бога, желающим следовать воле Его. И в то же время он становится носимым Богом, Который всячески печется о народе Своем. Кстати, в былинах и древней русской литературе не говорится "русский народ", а только так: "русская земля" и "христианский народ". Об этом стоит подумать всем, кому Россия дорога.

В наше время даже в монархических кругах нередко забывают об особой роли православного Царства - удержании мирового зла, средоточием которого является сатанинская христоборная религия, которая путем революций, демократий и диктатур ведет мір к антихристу. Даже утратив многие черты былого благочестия, допустив многочисленные нарушения симфонии, Царство сохраняло это свое служение до самого своего падения. Православный Государь и его государство и есть тот самый "Удерживающий" совершение "тайны беззакония", о котором говорит апостол Павел во 2-м послании к Солунянам. Так понимали эти слова свв. отцы от Иоанна

Златоуста до Феофана Затворника, и это утверждение можно с уверенностью считать учением Церкви.

История имеет предначертанный ей Священным Писанием ход. Со дней пришествия Спасителя для человечества наступило последнее время (1 Иоан. 2, 18), которое грубо можно разделить на три эпохи: христианства до-государственного, государственного и после-государственного. Первые два периода указываются в Апокалипсисе как тысячелетнее Царство Христово на земле (Откр. 20, 4) - согласно общепринятому отеческому толкованию этой загадочной тысячи лет. Действительно, расцвет христианской святости, христианского благочестия, богословия и культуры приходится как раз на это время, большей частью на период христианского государства. Затем, как сказано дальше в Откровении (20, 7), диавол будет освобожден на малое время, или, что то же самое у апостола Павла - будет взят "Удерживающий". Это и есть время непосредственной подготовки, пришествия и краткого царствования антихриста; время, которое начинается падением православного Царства, а завершается вторым и славным пришествием Христовым, воскресением мертвых и Страшным Судом. Именно так и толковали исторический процесс свв. Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Иоанн Кронштадтский. Так гласит слово Божие и святоотеческое.

Значит, нет оснований для каких-либо радужных надежд и мечтаний в отношении долговременного восстановления православного Царства, ведь надобно же исполниться Писанию. Христианская эпоха в міровой политике, увы, прошла, и, видимо, никакой народ не имеет в себе такого нравственного запаса природного добра, чтобы быть способным принять это Царство и жить в нем. Есть у нас, правда, пророчества недавних русских святых о кратковременном восстановлении нам Царства накануне самого пришествия антихриста, да и то лишь при условии, что мы сами этого захотим и будем молиться об исполнении сих пророчеств. Цель сего дара - чтобы дать православным людям образец: вот это Божие, иного не принимайте; а также чтобы защитить остаток верных Христу от самых чудовищных обольще-

ний антихриста, который может дать множество подделок под все христианское. В пророчестве недавно прославленного преп. Лаврентия Черниговского есть прямое указание, что антихрист будет короноваться, как православный царь, от православного же патриарха-отступника.

Истинное же православное Царство может быть дано при условии общецерковной молитвы, при условии руководства народом Божиим от великой силы духовных вождей, в духе не менее чем св. Иоанна Кронштадтского, когда никто бы не мог усомниться в их святости и в их особой духовной миссии. Получим ли мы такой дар, с помощью которого могли бы устоять во времена великой скорби, когда обольщаться и погибать будут даже избранные - это во многом зависит от нас самих. Если мы теперь же не начнем молиться о ниспослании нам особой силы Божиих пророков, обещанных, кстати, и Словом Божиим (Откр. 11, 3), которые смогли бы пробудить религиозную память народа, духовно нейтрализовать на краткое время міровую религию антихриста в ее кознодействиях против Церкви и указать на великого подвижника и страстотерпца, имеющего принять жертвенное царское служение, - если повторяем, не станем об этом всеусильно молиться, то дар сей нам, естественно, не дастся, и останемся со своими слабенькими силами против самых утонченных обольщений сопротивника.

Одним из таких обольщений является распространенное в языческой и просто малоцерковной среде ожидание "русского мессии" - блестящего правителя от міра сего, который, обещая материальные блага народу и демонстративно изгоняя явных служителей антихриста и грабителей России, сам в последний момент вместе со всеми присными своими поклонится антихристу. Именно такого мессию ждут многие, кому гражданское благосостояние дороже церковной истины и благочестия, которые не желают принимать приходящего во имя Божие, а хотят принять приходящего во имя свое. В свое время точь-в-точь такую же ошибку совершили древние иудеи, которым стал не нужен истинный Мессия - Освобо-

4 — 3416

дитель от греха, смерти и диавола, - а понадобился всемiрный царь иудейский, которого они и ждут до сих пор, который и будет антихристом. Результат такого ожидания получился воистину страшным: богоубийство, утрата благодати, всякие казни на земле, наконец потеря жизни вечной для всех последователей такой религии, поклоняющихся антихристу еще задолго до его появления. Но еще страшнее судьба тех, кто, даже видя сей страшный пример, сам повторит подобный же грех. Но да не будет!

Как метко заметил один из иерархов Русской Зарубежной Церкви, древние христиане искали Царства Небесного и получили его, а потомкам своим исходатайствовали св. Константина и Царство Христово на земле. А если бы просили только земного царства, то не получили бы ни земного, ни Небесного. Так и Господь повелевает нам: ищите прежде Царства Небесного и правды его, а остальное все приложится вам (Мф. 6, 33).

1992 *Священник Тимофей*

ОБ УДЕРЖАНИИ И СИМФОНИИ

1. Историческое развитие Церкви

Ключ к пониманию истории Христовой Церкви и тесно связанного с ней новозаветного человечества дают слова Христовы о закваске, положенной в три меры муки, и о зерне горчичном, выросшем в дерево. По словам Апостола, Церковь есть Тело Христово, богочеловеческий организм, и, оставаясь неизменной и самотождественной в своей Божественной части, она подвергается изменениям в своей части тварной, человеческой. Поэтому в истории Церкви можно различить качественно разные эпохи, соответствующие росту, зрелости и старости ее человечества. Это ее славная духовно-цветущая юность, сменяющаяся совершенством мужества, долгий период постепенного ослабления и, наконец, ныне зримое бессилие, являющееся главным признаком близкого конца міра.

Характерной чертой растущего организма является то, что он не укладывается в строгие формы, а постоянно увеличивается количественно, усиливается качественно. Периоду окончания роста и зрелости соответствуют установившиеся зафиксированные формы, поддержание сил на одном определенном уровне. Периоду дряхлости соответствует постепенное, но необратимое размывание и расползание того, что установилось ранее, неуклонное сползание вниз с того уровня, который поддерживался прежде.

В истории Церкви мы видим сначала благодатный рост обновленного во Христе человечества во всех областях: в богословии, в богослужении и в благочестии. Затем, когда был достигнут максимум возможного для тварного человеческого естества, в тех же областях усиливаются сдерживающие, ограничивающие начала, замедляющие сползание вниз с духовной высоты.

Нынешнее апостасийное богословие модернистов более всего вооружается против именно этих сдерживающих и ограничивающих начал. Не признавая предель-

ного греховного повреждения современных людей, церковные либералы вопиют о "свободе творчества" этого падшего человека во всех областях церковной жизни, называют это апостасийное творчество патристическим и евхаристическим "возрождением" и т. д. Не желая видеть знамений времени, модернисты апеллируют ко временам первохристианства, предрекают "новое излияние Духа", при котором-де «не нужен бандаж предыдущей эпохи византизма».

Для апостасийного богословия характерно также, если не явное отрицание, то постоянное умаление роли всего иерархически-упорядоченного, четкого и определенного, выработанного Церковью в течение многих веков. Это и понижение роли догматов вместе с неограниченной свободой богословских мнений, это и отрицание многих канонических установлений, проповедь необязательности богослужебного устава, образа церковного благочестия... Сюда же относится и отрицание государственного идеала Церкви - ее симфонии с православным Царем, и проповедь других идеалов: космополитизма, аполитичности, отделения Церкви от государства, демократичности внутрицерковного устройства и т. д.

2. Сдерживающие начала в церковной жизни

Для Своего творения Богом установлены определенная иерархичность и упорядоченность. Об иерархичности міра учат многие свв. Отцы, особенно св. Дионисий Ареопагит (к авторству творений которого либералы относятся весьма критично, всегда сопровождая имя его приставкой "псевдо"): «Бог не есть Бог неустройства, но чина и мира». Во всем Его творении имеется определенный порядок, строй, лад. Тварь различна, и потому причастна Божеству в разной степени, в меру своего достоинства: одна причастна только бытия, другая - и жизни, третья - еще и разума. И среди самих ангельских сил, по свидетельству св. Дионисия, существует строгая иерархия соподчиненности. По образу Небесной иерархии установлена иерархия церковная.

Зло как раз и состоит в нарушении свободной разумной тварью Божественного порядка, богоустановленной иерархии. В этом смысле очень точно сказано, что "демократия", то есть нарушение Божественного порядка, имеет своим первообразом и источником ад, так как на Небе вечно пребывает установленное Богом Царство.

Одним из центральных пунктов православной догматики является учение о грехопадении человека, понимаемом прежде всего не в юридическом смысле "преступления и наказания", а в смысле глубокого повреждения человеческой природы. Нынешнее состояние человека является падшим, искаженным грехом, и имеет свойство постоянно развиваться в худшую сторону, усиливая это повреждение. С целью ограничения и сдерживания этого греховного развития Богом установлены для падшего человечества семья и государство. Смысл их существования прежде всего в ограничении разрушительной греховной воли человека, посредством как добровольного послушания, так и принудительного подчинения. Безбожный гуманизм именно потому искажает или даже совсем отрицает эти сдерживающие учреждения, что не признает состояние человека греховным, больным, нуждающимся в гипсовых повязках и шинах.

В истории Церкви можно проследить, как постепенно усиливаются ограничивающие, сдерживающие начала во всех областях: в богословии, в богослужении, в благочестии и в церковном управлении. Это не отрицает церковного творчества. Но истинное творчество в Церкви - и это надо подчеркнуть - всегда было уделом святых духоносных мужей, совлекшихся ветхого человека и стяжавших благодать Св. Духа. Всякое же творчество падшего человека неизбежно несло печать падения, было более или менее ложным и, соответственно, причиняло Церкви больший или меньший вред.

В области богословия Церковь в ранневизантийский период дошла в уяснении богооткровенной истины почти до предела возможного тварному человеческому естеству, отчеканила эту истину в богоприличных словах догматов, раскрыла их смысл, и наконец, закрепила в своем бого-

почитании. После этого оставалось только хранить эту истину, преуспевать каждому члену Церкви в ее личном осмыслении и отсекать всякие искажения. Этим и наполнен поздневизантийский и русский периоды истории Церкви, которые вовсе не являются "упадком", как утверждают модернисты.

В богослужении мы также видим вначале интенсивное развитие. В соответствии с правилом: закон молитвы определяется законом веры - богослужебный чин наполняется догматическим содержанием и закрепляется в таком виде. Лучше и совершеннее этого творчества духоносных Отцов уже ничего не придумаешь; последующим поколениям, сильно оскудевшим в стяжании благодати, остается только хранить этот богослужебный чин, точно и благоговейно его исполнять и лично из него вразумляться.

В области благочестия видно развитие свято-отеческого аскетического учения о духовной жизни, стоящего несравненно выше прежнего морализма тертуллиановского типа. Затем по мере оскудения духоносных наставников наступает период закрепления, систематизации и хранения этого учения, спасение лично каждого согласно этому учению. Ту же тенденцию мы видим и в самом укладе жизни всех народов, которые восприняли Православие. Сначала идет процесс углубления христианских начал и воцерковления быта; затем этот воцерковленный быт, охватывающий все стороны жизни христианина, служит ему величайшей помощью в деле спасения, сводя до минимума греховные соблазны и играя чрезвычайно полезную охранительную роль. Только те, кто никогда всерьез не занимался своим спасением, могли издеваться над воцерковленным византийским или русским бытом, создававшим человеку максимально благоприятные условия для спасения.

В этом смысле и всю христианскую культуру можно рассматривать как ограничивающую греховное развитие всех сил души: ума, чувства и воли. Это, собственно, признают и все гуманисты, обвиняющие византийскую культуру в том, что она тормозила развитие падшего человека, "накладывала оковы" на его мысль и нравы.

Конечно, нельзя забывать, что человек является свободной и разумной личностью и его стремления ко спасению не могут остановить никакие самые неблагоприятные внешние условия; равно как и самые благоприятные условия не могут подвигнуть ко спасению того, кто этого не желает. Но исторический опыт показывает, что людей с таким твердым произволением, непреклонным в течение всей жизни, очень и очень немного, а большинство весьма неустойчиво и очень сильно зависит в своем поведении от окружающей их среды. Именно поэтому благая воля Божия, желающая всем спастися и в разум истины приити, в исторической жизни Церкви большую часть времени отвела под благоприятный период Православного Царства, охраняющего христианскую культуру и воцерковленный быт народа, то есть под условия, наиболее благоприятные для спасения.

Во внутрицерковном управлении преобладание сдерживающих начал выражается прежде всего в его регламентации и оформлении канонического права.

3. Внешняя ограда Церкви

Все вышеперечисленные установления являются внутренними церковными опорами и ограждениями. Но Промыслу Божию было угодно оградить Свою Церковь еще и внешней оградой, защищавшей само ее земное тело - церковный народ, и все ее устои. Это было православное Царство во главе с Царем, признающим веру Церкви своей верою, дающим догматическим определениям и канонам Церкви силу государственных законов, а от Церкви получающим благословение на свое Царское служение как особое служение Богу и Его Церкви. Православное Царство ограждало все стороны церковной жизни, а главное - охраняло своим мечом Церковь от внешних гонителей христианства.

Установление православного Царства посредством чудесного призвания ко Христу Императора Константина Великого воспринималось, несомненно, как Божественное, промыслительное действие всей тогдашнею Церковью и

всей последствующей, прославившей первого христианского Императора в лике святых. Только нынешние модернисты не склонны обращать внимание на это чудо, а то и вовсе отрицают факт явления звездного Креста на Небе святому Царю и напутствие сим побеждать.

Церковь времен свв. Отцов отнюдь не была аполитичной в том смысле, какой вкладывают в это слово церковные либералы, то есть равнодушной к тому, признает ли наличная власть учение Церкви или воюет против него, ставит ли она своей целью содействие Церкви в деле спасения человеческих душ, или же она ставит прямо противоположные цели. Так, например, сразу же после Миланского эдикта Императора Константина, отменившего гонения на христиан, Арльский собор (314 г.) постановил отлучать от Церкви тех, которые будут дезертировать из войска Императора, воюющего с гонителями Церкви.

Св. Григорий Богослов свидетельствует, что во время краткого правления нечестивого Юлиана Отступника (361-363 гг.) вся Церковь молилась об избавлении от такой власти и о даровании ей православного Царя. По случаю смерти Юлиана и восшествия на престол благочестивого Царя Иовиниана св. Григорий пишет: «Призываю к духовному ликованию всех, кто постоянно пребывал в посте, сетовании и молитве, и днем и ночью просил избавления от обстоящих нас скорбей и надежное врачество от зол находил в непосрамляющем уповании... Какие запасы оружия, какие тьмы и полчища людей произвели бы то, что сделали наши молитвы и Божия воля?» (1-е и 2-е Слово против Юлиана). К сожалению, эта добрая традиция Церкви ныне совершенно забыта и заменена противоположной - поминать любые власти и воинства. Соответственным бывает и результат таких поминовений - по вере нашей будет нам.

А вот как приветствовали св. Константина Отцы Никейского (I Вселенского) Собора: «Благословен Бог, избравший тебя Царем земли, рукою твоей истребивший идолопоклонство и водворивший через тебя в сердцах верных мир... На сем веровании в Троицу утверждается, Государь, величие твоего благочестия. Сохрани его для

нас целым и ненарушимым, дабы никто из еретиков, проникнув в Церковь, не подверг нашей веры поруганию... Повели, Государь, чтобы Арий, оставив свое заблуждение, не восставал против Апостольского учения, или, если он останется упорным в своем нечестии, изгони его из Православной Церкви, да не колеблет он своим нечестием душ слабых» ("Деяния Вселенских Соборов". Казань. 1859, т. 1, с. 86).

Здесь ясно признается: а) Божественное избрание Царя Константина как внешнего защитника Церкви; б) его обязанность и право содействовать ей в сохранении правой веры; в) его правомочность в соответствии с соборным приговором изгонять из Церкви еретиков.

Роль ограждающего Церковь «епископа [надзирателя - греч.] внешних дел Церкви», как назвал свое служение сам св. Константин, - преемственно перешла к следующим христианским Государям. Вот как оценивал св. Григорий Богослов сына св. Константина - Царя Констанция, изображаемого либеральной историографией исключительно как покровителя ариан. Авторитет св. Григория и тот факт, что эти слова были сказаны им несколько лет спустя после смерти Констанция, избавляют от подозрения в какой-либо тенденциозности. Об этом упоминает и сам св. Григорий:

«Стыдно было бы не сказать правды о Констанции по переселении его из здешнего міра, когда нет и места мысли, что мы льстим, когда слово наше свободно от всякого худого подозрения... Констанций, - продолжает св. Григорий, - сам возрастал с наследием Христовым и, постепенно утверждая оное, возрастил в такую силу, что стал чрез сие именитее всех прежних царей. Он очистил пределы царства от варваров и усмирил внутренних мятежников, на одних действовал убеждением, а на других оружием. Мышца Божия руководствовала его во всяком намерении и действии... Кому из знавших сколько-нибудь Констанция не известно, что он для благочестия, из любви к нам христианам, из желания нам всякого блага, не только готов был презреть честь всего своего рода или приращение царской власти, но за нашу безопасность, за наше спасение отдал бы и самую державу, целый мір и

свою душу, которая всякому всего дороже? Никто ни к чему не пылал такой пламенной любовью, с какой он заботился об умножении христиан и о том, чтобы возвести их на высокую степень силы и славы. Ни покорение народов, ни благоустройство общества, ни сан царя царей - ничто не радовало его столько, как одно то, чтобы мы через него и он через нас прославлялись пред Богом и людьми и чтобы наше господство пребыло неразрушимым. Кроме прочего, рассуждая истинно царски и выше многих, он ясно усматривал, что с успехами христиан возрастало могущество римлян, что с пришествием Христовым явилось у них самодержавие, никогда дотоле не достигавшее совершенного единоначалия»*.

Здесь важно свидетельство св. Отца, что православное самодержавие своим установлением обязано именно благодатному руководству Церкви, а не "традиции восточного деспотизма", как утверждают модернисты.

Относительно покровительства Констанция арианам и притеснений им православных епископов св. Григорий пишет: «Если же и оскорбил он нас несколько, то оскорбил не из презрения, не с намерением обидеть, не из предпочтения нам других, но желая, чтобы все были едины, хранили единомыслие, не рассекались и не разделялись расколами. Но простота неосторожна; человеколюбие не без слабостей, и кто далек от зла, тот всего менее подозревает зло. Посему не предвидел он будущего, не проник притворства, - и нечестие вкралось постепенно» ("Творения". СПб. 1912, т. 1).

Главный вывод из этого тот, что и погрешности Констанция, как и других христианских Царей, не упраздняли значения царской власти как *удерживающей* мировое зло, как ограждающей Церковь. Ереси и беспорядки в церковной жизни были внутрицерковными болезнями, порождаемыми прежде всего недостойными пастырями. Доказательством этого служит отпадение в свое время большинства епископата в арианство, монофелитство, иконоборчество. Цари не придумывали ересей,

---

* Намек на то, что Христос родился при кесаре Августе, первом самодержце всей империи, каковый факт получил и своеобразное литургическое отражение в службе Рождеству Христову.

а лишь увлекались иногда ими как наличным явлением церковной жизни, и случалось это чаще всего по той причине, которую выше указал нам св. Григорий: они желали церковного мира и единства больше всего, а потому часто шли за большинством епископата. Важно отметить, что почти во всех подобных случаях Цари увлекались еще не осужденными ересями, в то время, когда Церковь еще не высказала окончательно своего догматического вероопределения.

Цари же собирали и все Вселенские и множество поместных Соборов, обеспечивали их проведение и давали их решениям силу государственных законов. Без христианской государственной власти невозможно было бы собрать и провести Вселенский Собор. Вмешательство Царей в церковное управление, хотя и не всегда бывало удачным, но никогда в принципе не отвергалось церковным сознанием, впоследствии было закреплено и в византийском, и в русском законодательстве. Обосновывая это, преп. Исидор Пелусиот в середине V века писал:

«Нынешние архиереи, делая не одно и то же с прежними, и получают не одно и то же; противное же им предприемля и сами испытывают противное. Удивительно было бы, если бы, не делая ничего подобного предкам, они пользовались бы тою же с ними честью. При тех и цари, впадши в грех, уцеломудривались, а при нынешних не бывает сего и с мірянами. Древле священство и царскую власть исправляло, когда та погрешала, а ныне ждет от нее вразумлений; не потому, что утратило собственное достоинство, но потому, что вверено оно тем, кои не подобны бывшим при наших предках. Прежде, когда священством были увенчаны жившие жизнью евангельскою и апостольскою, священство по праву было страшно для царской власти; а ныне царская власть страшна священству, лучше же сказать не священству, но тем, которые по-видимому священствуют, а своими поступками оскорбляют священство. Почему, кажется мне и царская власть справедливо делает, когда, признавая само священство Божественным, наказывает оскорбляющих его и пользующихся им недолжно» ("Творения". М. 1860. Т. 3, с. 400, 410).

Усиление сдерживающих начал в церковной жизни, одним из проявлений которого служило вмешательство в церковное управление православных Царей, было следствием ослабления благочестия не только церковных пастырей (о чем говорит преп. Исидор), но и всего церковного народа. Именно с этим и была связана так называемая "клерикализация" Церкви, то есть отстранение народа от выбора кандидатов в епископы и предоставление этого права только епископам данной области. Царю же предоставлялось право выбора Патриарха из трех представленных ему кандидатов. Эти и подобные им "ограждающие" решения Церковь приняла в результате горького опыта, когда массы малоцерковного народа, руководимые своими страстями и подстрекаемые злонамеренными людьми, во время выборов своих архипастырей разделялись на партии и производили беспорядки.

Относительно права православного Царя выбирать Патриарха и замещать епископские кафедры А.С. Хомяков писал: «Народ передал Царю всю власть, какою был облечен сам во всех ее видах. Государь стал главою народа в делах церковных, так же как и в делах гражданского управления. Народ не мог передать своему Государю прав, каких не имел сам. Он имел изначала голос в избрании своих епископов, и этот голос он мог передать своему Царю. Он имел право, или точнее обязанность блюсти, чтобы решения его пастырей и их соборов приводились в исполнение - это право он мог доверить своему избраннику и его преемникам. Он имел право отстаивать свою веру против всякого неприязненного на нее нападения, - это право он также мог передать своему Государю. Но народ церковный не имел никакой власти в вопросах догматического учения, общецерковного благочестия, - а потому и не мог передать такой власти своему Царю» ("Сущность западного христианства". Монреаль, 1974).

Таким образом из всех областей церковной жизни «епископу внешних дел Церкви» были предоставлены определенные права только в одной, не самой важной - в области церковного управления. Эти права вытекали из

обязанности Царя ограждать Церковь. Священство же «пребывало в молитве и служении слова», оставив за собой важнейшее - богословие, богослужение и благочестие. И права, предоставленные Церковью православному Царю, основывались не только на том, что он представлял народ в делах церковных, но и на том, что он давал Церкви обет верности в хранении ее веры, а сам получал от нее благодатное посвящение в таинстве Міропомазания на Царство.

Те поместные Церкви, которые остались без ограды православного Царства, продержались очень недолго, и либо исчезли под ударами гонителей, как например, Карфагенская Церковь, Церкви Малой Азии и Ближнего Востока, либо были поглощены ересью, как например, персидская - несторианством, армянская и сирийская - монофизитством и т. д. Оказавшиеся под властью магометан остатки Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского Патриархатов сначала держались исключительно поддержкой православной Византии, откуда к ним присылали пастырей и все необходимое для Церкви, а после падения Константинополя - поддержкой Русского Царства, которое служило гарантом существования христиан в мусульманском міре. Трудно представить, что осталось бы от восточных Церквей, если бы не постоянная военная, дипломатическая, материальная и иная помощь России.

В подобном же положении оказалась и западнорусская Церковь в пределах Польши. Никакие магнаты-"спонсоры", даже такие покровители, как князья Острожские, не могли собой заменить ограждающей власти православного самодержца. Несмотря на героическую борьбу церковного народа, объединенного в братства, Православие в западной Руси неуклонно таяло, и к моменту присоединения этого края к России в конце XVIII века в основном было поглощено унией. Вновь возродилось оно только под державой Российских Императоров.

Поэтому, сколько бы ни кричали либералы, что Церковь может существовать при любой власти, история убедительно их опровергает. Да, Церковь может какое-то

время жить и в условиях гонений, как может еще оставаться в живых какое-то время умирающий человек. Но как последний желает избавления от своей болезни, так и Церковь всегда желала такого устроения, когда спасающихся будут стада, а не единицы, - а этого можно достичь, только будучи огражденной властью "Удерживающего".

4. Симфония

Либеральные историки Церкви, полностью игнорируя роль "Удерживающего", которую играло православное Царство, сосредоточивают все внимание на симфонии Царства и священства, провозглашенной в 6-й новелле св. Императора Юстиниана, и злорадно повествуют о многочисленных нарушениях этой симфонии в византийской и русской истории. Симфонию они изображают достаточно узко, только в виде отношений Царя с епископатом или даже с одним Патриархом.

На самом же деле симфония Царства и Церкви понималась Церковью достаточно широко и глубоко. Эта симфония распространялась в Византии и России не только на область церковного управления, но и на все остальные области церковно-государственной жизни. Вера Церкви была верой Империи, догматические вопросы заслоняли в народном сознании политические и имели государственное значение; каноническое право Церкви имело силу государственного законодательства; православный календарь и церковное благочестие определяли порядок и ритм жизни православного Царства. Сердцем Империи, по словам Юстиниана, был Константинопольский храм св. Софии.

Симфоничность в церковном управлении только начиналась на уровне Царя и Патриарха, а продолжалась на уровне епископа и епарха (также получавшего церковное благословение на свое служение) и завершалась на уровне приходского попа и его ктитора. При такой глубокой и всесторонней воцерковленности жизни православного Царства, симфоничности всех уровней церковно-государственной пирамиды, нарушения симфонии на

самом верхнем уровне были, хотя и досадны, но не особенно опасны. Главным все-таки оставалось служение "Удерживающего", которое выполнял православный Царь в симфонии со всей Церковью, а не только лично с Патриархом. Решающим являлось личное самосознание Царя и основанная на нем деятельность.

Так, Юстиниан всецело осознавал себя христианским Государем и всю жизнь стремился к тому, чтобы весь мiр стал христианским. Симфония с Патриархом была желательной как удобное средство для этого, но не являлась самоцелью. Во времена самого Юстиниана в Империю входило пять Патриархатов, в том числе и Римский, и не со всеми лично Патриархами складывались у Императора "симфонические" отношения (как, например, с папой Вигилием, не желавшим принимать решения V Вселенского Собора). Но симфония со всей Церковью была, и доказательством этого служат и V Вселенский Собор, собранный усилиями Юстиниана и принявший представленные им догматические определения против ересей; и множество святых, просиявших в его царствование и относившихся к нему вполне "симфонически" (например, преп. Савва Освященный); и общий расцвет христианской культуры.

Не следует забывать, что и самый институт патриаршества сложился уже после того, как Промыслом Божиим возникло вокруг Церкви православное Царство. Патриархи появились после Царей (в середине V века), полтора столетия спустя после Константина. Константинопольские Патриархи являлись именно первыми епископами при Царе. В отличие от них, римские Папы отвергли православных Царей как "Удерживающих" и этим открыли путь ко всемiрному отступлению.

Процесс апостасии, постепенный, но необратимый, растянутый в веках, начался отпадением Рима от Вселенской Церкви. Но собственно церковному отрыву предшествовало отвержение Папами православного Императора Византии, коронование ими альтернативных франкских императоров, начиная с Карла Великого (коронованного папой Львом III в 800 г.). Созданию римской "антицеркви", направленной главным образом против

Церкви Православной, предшествовало создание "антиимперии" для борьбы с ограждающей Православную Церковь Империей Византийской.

И в других православных странах (Русь и Болгария) Господь сначала воздвигал православных Государей и потом уже на огражденном ими месте насаждал Свою Церковь. Патриаршество появляется на Руси поздно, когда после падения Византии к Москве переходит значение Третьего Рима, а к Московскому Царю - значение "Удерживающего", ранее принадлежавшее византийскому Императору. Московское патриаршество возникает по почину Царя и при Царе для лучшего обеспечения этого служения.

То, что сохранение формального патриаршества в отсутствие Царя-"Удерживающего" может быть бессмысленным, видно уже из истории восточных Церквей в период турецкого ига. Константинопольский Патриарх был сохранен врагами христианства - магометанами в качестве "ответственного" за всех христиан турецкой империи, или "первого епископа при султане". Централизованное патриаршее управление позволяло гонителям Церкви держать под контролем всю церковную жизнь и постоянно ее душить. В XX веке еще меньше пользы принесло такое патриаршество Русской Церкви, а также Церквам балканских стран. Сразу же взятое под контроль антихристианской властью, оно в их руках стало использоваться для разложения Церкви изнутри.

5. Удержание или соборность?

Возвращаясь к истории Русской Церкви XX века, мы видим, как большинство иерархов и церковной общественности, отравленное ядом различных либеральных учений, совершенно не понимало значения Царя как "Удерживающего". Вся энергия этих людей была направлена на борьбу за "отделение Церкви от государства", за "восстановление соборности и патриаршества", а то и прямо на борьбу против самодержавия. Бездумно повторялся лозунг итальянского масона Кавура: «Свободная Церковь

в свободном государстве». Как в Италии этот лозунг использовался масонами против Римской церкви, так и в России он немало послужил разрушению вокруг Церкви внешней ограды и преданию ее на расхищение врагам.

Недооценивали значение "Удерживающего" и те иерархи, которые, будучи свободны от крайностей либерализма, держались за идеи славянофилов. Источник заблуждений славянофилов лежал в области догматики и состоял в том, что они, не преодолев до конца влияния "просвещения" XVIII века и особенно идей Руссо, не понимали греховного повреждения человека, верили в добро падшего естества, видели зло в основном во внешней среде. Отсюда их идеализация простонародья и сельской общины как единственной хранительницы веры и устоев народной жизни. Преувеличивая природную стойкость народа в борьбе, славянофилы соответственно приуменьшали значение охранительных учреждений и прежде всего Царской власти.

С этой идеализацией натурального падшего человека у славянофилов соединялось и нечувствие настоящего исторического момента, невидение близкой апокалипсической перспективы. Весь пафос славянофильства в "соборности", в "земстве", в "народном характере монархии", а не в ее служении "Удерживающего". Византия, в которой не было ни Земских Соборов, ни земского самоуправления, вызывала у них лишь раздражение и использовалась ими для оттенения свободной "славянской стихии". Русский Царь для славянофилов прежде всего "народный царь", а не Царь Третьего Рима. По свидетельству Константина Леонтьева, еще сам Государь Николай Павлович заметил, что из-под русского кафтана славянофилов торчат панталоны самой пошлой европейской демократии и либерализма (К. Леонтьев. "Славянофильство теории и славянофильство жизни").

В справедливой критике славянофилами петровских реформ акцент был также сделан на разрушении уклада народной жизни, на отмене соборности и патриаршества. Главное же зло "петровщины" было не в этом, а в перемене государственного идеала: вместо Святой Руси как последнего оплота православной веры - Великая Россия,

5 — 3416

стремящаяся исключительно к земному могуществу и преуспеянию.

Но служение "Удерживающего", хотя и подорванное, русская царская власть сохранила и после Петра - и это надо подчеркнуть. Сохранила потому, что ни народ, ни Церковь от самого идеала православного Царства не отказывались и, как отмечал даже В. Ключевский, продолжали считать законом то, что соответствовало этому идеалу, а не петровские указы. Поэтому и в период вдовства царского Престола из-за отсутствия законного Царя-Помазанника во времена "бабьего царства" (XVIII в.), значение царской власти как "Удерживающего" не было целиком утрачено. Даже немец русской службы Миних с удивлением отмечал, что «Россия - единственное государство, которое непосредственно управляется Богом». В силу этого оказалось возможным, хотя и с немалым трудом, восстановить к концу XVIII в. законного Царя-Помазанника с православным самосознанием в лице Императора Павла Петровича и его потомства.

Некоторые противопоставляли взглядам славянофилов взгляды "официальных охранителей": Шишкова, Аракчеева, Победоносцева, Каткова и, находя ошибки у последних, делали вывод о справедливости первых. Но, думается, эта дилемма ложна. И Шишков, и Победоносцев не были "назначены" выразителями церковной истины в последней инстанции, но были поставлены "государевыми служилыми людьми" и своей верной *службой* православному Царю принесли Российскому государству больше пользы, чем славянофилы своей общественно-литературной деятельностью.

Со взглядами же славянофилов стоит сопоставить взгляды святых Русской Церкви того времени: свтт. Филарета Московского, Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника, св. прав. Иоанна Кронштадтского. Все они очень хорошо знали греховное повреждение человека вообще и своего народа в частности, трезво оценивали состояние самой Церкви, из наблюдаемой картины отступления чувствовали приближение конца и ясно прозирали близкую апокалипсическую катастрофу.

Свт. Игнатий, ровесник первых славянофилов, писал в 1840-х годах: «Наше духовенство чрезвычайно легко поддается любым ложным мнениям не только неправославных, но даже неверующих философов и мистиков. Духовная школа, особенно академия, а также духовные журналы совершенно поражены лжеучениями Запада. Белое духовенство в огромном большинстве сдерживается в лицемерном православии только боязнью народа, еще держащегося за веру предков. У нас осталась только кое-какая внешность от Православия, но это мертвое тело без жизни. Россия находится накануне взрыва безбожного либерализма» (цит. по: Г. Флоровский. "Пути русского богословия". Париж, 1937).

Позже он писал: «Здание Церкви, колеблемое давно, может поколебаться внезапно и сильно. Некому остановить падение. Сосуды Духа иссякли окончательно. Страшно подумать, кому вверено настоятельство над душами". Ему вторит свт. Феофан: «Того и гляди, вера наша совсем испарится - епископы и попы всюду спят. Через поколение, много через два, иссякнет наше Православие».

Посему эти свв. Отцы, признавая главным не внешние реформы, а аскетическое возрождение человека, не увлекались планами восстановления соборности, а предпочитали охранительные учреждения, как более соответствующие наличному состоянию Церкви. Свт. Игнатий особо подчеркивал, что только духоносные мужи могут принести Церкви пользу, а реформы людей самообольщенных, пропитанных лжеучениями, принесут ей смертельный вред.

(Это наставление чрезвычайно важно и для нашего времени. Если даже под ограждением Царского скипетра нечто доброе в Церкви могли сделать только люди Духа, то тем более ныне, когда враждебный Христу мір проникает в Церковь свободно, возвратить утраченную силу Церкви могут только духоносные вожди. В условиях православного Царства Церкви можно какое-то время не иметь пророков и харизматиков вроде Василия или Златоуста, сама внешняя ограда помогает Церкви расти и держаться. Но в безгосударное время даже искренняя верность догматам и канонам, церковное управление по

5*

всем правилам - сами собою решительно недостаточны. Даже в таком благоприятном случае Церковь обречена на постепенное таяние, более или менее быстрое.)

Выступая в 1860-е годы против восстановления соборности и патриаршества, митрополит Филарет отмечал, что «повреждения, накопившиеся в Церкви, превосходят все силы исправителей», что «про соборы нашим епископам известно лишь из книг, а не из жизни». Этот святитель более всех других подчеркивал охранительное значение власти православного Царя и всю свою церковно-государственную деятельность направлял на укрепление этой власти, а не на ее ослабление посредством либеральной псевдособорности.

Свт. Феофан, ссылаясь на св. Златоуста и блаж. Феофилакта Болгарского, так объяснял слова апостола Павла об "Удерживающем" пришествие антихриста (2 Сол., гл. 2) : «Древние толковники Св. Писания удерживающим явление антихриста считали и римское Царство. В наше время можно разуметь под этим Царскую власть. Царская власть, имея в своих руках способ удерживать движения народные и держась сама начал христианских, не попустит народу уклониться от них, будет сдерживать его. А так как антихрист главным делом своим будет иметь отвлечение всех от Христа, то он и не явится, пока будет в силе царская власть. Она не даст ему развернуться и помешает ему действовать в его духе. Вот это и есть *удерживающее.* Когда же всюду заведут самоуправство, республики, демократию, - тогда антихристу откроется простор для действования. Сатане нетрудно будет подготовлять голоса в пользу отречения от Христа, как это показал опыт французской революции прошедшего и нынешнего столетия. Некому будет сказать "вето" властное; смиренного же заявления веры и слушать не станут. Вот когда заведутся такие порядки, благоприятствующие раскрытию антихристовых стремлений, тогда и явится антихрист. До того же времени подождет, удержится».

Уже XIX век представил два ярких примера того, к чему приводят Церковь, не имеющую ограды в виде православного Царя, "соборность" и "симфоничность" с

либерально-демократической общественностью. В 1820-х годах демобщественность новообразованного греческого государства увлекла архиереев Эллады в раскол от Константинопольского Патриарха. Затем аналогичную схизму в 1860-х годах спровоцировала демобщественность болгарская, не только толкнув болгарских архиереев на конфликт с Константинопольским Патриархом, но и попытавшись (правда, безуспешно) втянуть в него Русскую Церковь.

6. Либеральная лжесоборность как признак церковной апостасии

К сожалению, эти горькие уроки прошлого, равно как и заветы свв. Отцов, усвоили себе весьма немногие пастыри Русской Церкви начала XX века. Большинство желало "шагать в ногу со временем" или просто плыть по течению. В отличие от традиции свв. Отцов, обращающих главное внимание на своего внутреннего человека, на аскетический путь ко спасению, церковные преобразователи свое внимание всецело сосредоточили на внешних церковно-политических мероприятиях, осуществляемых к тому же в разрушительном либеральном духе. Церковные либералы начала века домогались отмены ограничений во всех областях: в догматике - отвергая авторитет свв. Отцов и провозглашая неограниченную свободу мнений; в богослужении - ревизируя церковный устав; в области церковного права - отвергая многие "обременительные" для жизни духовенства и мiрян каноны, вплоть до отмены их впоследствии "явочным порядком".

Именно на этом фоне разгула апостасийных настроений в церковной среде, на фоне уже начавшейся революции 1905 г., и был поставлен вопрос о созыве церковного Собора и восстановлении патриаршества. Повторялась та же картина, что и в случаях созыва Государственной Думы и восстановления земского самоуправления: старые формы русской жизни наполнялись новым революционным содержанием и играли уже совершенно про-

тивоположную роль. Если в Московской Руси, в эпоху крепко воцерковленного народа и Земские Соборы, и земское самоуправление являлись опорами православному самодержавию, то в условиях всеобщего отступления от веры и нарастания революции подобные учреждения - Госдума и земства - сыграли роль мин, заложенных под самодержавие и взорванных в феврале 1917 года.

Подобная ситуация повторилась и в церковной области. Церковные и околоцерковные либералы домогались восстановления соборности с прямой целью - отделения Церкви от государства. Восстановление патриаршества тоже мыслилось ими не для укрепления Царя в его служении "Удерживающего", а для его ослабления. Патриарх был нужен церковным либералам не в качестве «первого епископа при Царе», как было прежде в Византии и Москве, а в качестве некоего противовеса Царю, некоей "точки приложения левых сил" в их борьбе с Царем. Очевидно, что Патриарх, поставленный этими силами, контролируемый демобщественностью и демпрессой, должен был оказаться в полной от них зависимости.

Поэтому, когда в 1905 г. Государь (по свидетельству С. Нилуса) спросил членов Синода, каких кандидатов в Патриархи они наметили, чтобы согласно византийскому законодательству самому выбрать из трех одного, ему не ответили *ничего.* Прекрасно понимая, что в обстановке господства апостасийных настроений чаемый Собор будет так же похож на подлинно церковный, как и Госдума на Земский Собор времен первых Романовых, что это будет лишь церковно задрапированное либерально-демократическое сборище, - Государь такому собору собраться не разрешил.

Либеральные историки Церкви считают это действие Государя его роковой ошибкой или даже его главным грехом. Врагами Церкви они изображают всякого рода "охранителей" и особенно обер-прокуратуру. Но не так считали наши духоносные Отцы XIX столетия. От них мы не слышим жалоб на охранительные церковно-государственные учреждения. Первоначально вредные для Церкви при их установлении Петром, эти учреждения к началу века играли более положительную, нежели

отрицательную роль. По свидетельству товарища обер-прокурора кн. Жевахова, обер-прокуратура, занимаясь преимущественно делами церковного управления и хозяйственными вопросами, избавляя от них самих пастырей, не мешала тем, кто хотел молиться и спасаться. Мешала она тем, кто был всецело обмірщен, пропитан либерализмом и поглощен заботами о земном преуспевании. Ибо, как учит апостол, «начальник страшен делающим не добрые дела, но злые... Если делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч» (Рим. 13, 3-4).

Но и просто непредвзятому церковному человеку очевидно, что позором Русской Церкви того времени были вовсе не оберпрокуроры, а церковные революционеры вроде Георгия Гапона, Григория Петрова, Илиодора Труфанова или тех двадцати попов-эсеров, депутатов 2-й Госдумы, которые, прикрываясь рясой, вели революционную пропаганду, распространяли грязную клевету на Царя и призывали к его свержению - и одновременно с этим попирали обеты монашества и священства, вели блудную жизнь. Позором Церкви были и те, которые, хотя и не дошли до такого падения, но в то же время, когда все силы ада обрушились на последнее православное Царство, на своих собраниях пытались узаконить себе легкую жизнь, отменяя канонические постановления Церкви относительно поведения духовенства.

Под знаком единодушного отвержения православного самодержавия и принятия Февральской революции прошел и церковный Собор 1917-1918 гг. Это был первый в истории Церкви Собор, одобривший падение православного Царства и тем самым нарушивший свою преемственность с учением Церкви о государственности. Но соблюсти полную аполитичность и "отделенность Церкви от государства" не удалось и здесь. Собор проходил в условиях запрета со стороны власти "монархической пропаганды" под угрозой смертной казни. Вместо православного Царя открывал Собор и первоначально на нем председательствовал обер-прокурор масонского Временного правительства. Не получилось и "полноты церковного представительства". Иерархи, сохранившие верность православной монархии, - такие, как например, митрополит

Макарий Невский - не были допущены на Собор. Зато в числе членов Собора было не только много представителей партий кадетов и эсеров, но и явные масоны, как например, бывший (первый) обер-прокурор Временного правительства В.Н. Львов.

Не случайно этот Собор в течение десяти месяцев ни слова не сказал в защиту заключенного Государя. Этим молчанием он придал смелости его палачам. Никак не прореагировал этот Собор и на цареубийство: было только личное выступление Патриарха Тихона, но и в нем отмечалось лишь убийство бывшего Государя, а не ритуально-мистическое уничтожение Помазанника Божия - лица Богом освященного.

Главным в деятельности Собора 1917-1918 гг. было то, что он узаконил слом внешней ограды Церкви и вступил в сотрудничество с теми, кто эту ограду сломал, а также разрушил и некоторые внутренние ограждения: ослабил церковную дисциплину, узаконив полную свободу политической ориентации и деятельности, и кроме того, реабилитировал церковных революционеров типа Григория Петрова. Всем этим он обрек Русскую Церковь на разгром, предоставив ее врагам наилучшие условия для ее расчленения и уничтожения по частям.

То, что этот Собор (не разогнанный даже большевиками, открыто объявившими уже красный террор) не выражал голоса всей полноты Русской Церкви, доказывают решения двух других Соборов того времени: Карловацкого 1921 г. и Владивостокского 1922 года.

На Карловацком Соборе, наконец, вспомнили и о благословении преп. Сергием христианского Государя Димитрия Донского на битву с врагами Церкви и отечества, и о борьбе за Православное Царство свт. Ермогена Московского. Поднимался вопрос и о "грехе февраля", но из-за личной причастности к нему некоторых видных деятелей Собора, вопрос был оставлен без детального рассмотрения. Дальнейшего официального развития положения этого Собора в церковной жизни не получили, в связи с начавшимися расколами как в Зарубежной Церкви, так и в монархическом движении. Но вопрос о восстановлении православного Царства в России

был поставлен, и зарубежная мысль детально его разобрала в трудах сначала кн. Н.Д. Жевахова и прот. Вл. Востокова, а затем более глубоко - в трудах архиепископа Серафима (Соболева), проф. М.В. Зызыкина, архимандрита Константина Зайцева, В.Н. Воейкова, Н.П. Кусакова.

Владивостокский Земско-церковный Собор, ныне почти забытый, высказался еще более определенно, признав единственно законной властью в России православное самодержавие.

В наши дни необходимо наконец понять, что не только "сергианское", но и "профевральское" наследие является тяжким греховным грузом, держащим Церковь в плену чуждых политических сил. "Профевральский" курс помог врагам Церкви ее обмануть, расколоть и пленить, а потому должен быть отвергнут.

Возвратить благоволение Божие можно не иначе, как покаявшись в том грехе, из-за которого это благоволение утрачено, - учат свв. Отцы. Поэтому правый путь церковный ныне видится в общих чертах таким:

- покаяние в "грехе Февраля", подчинившем Церковь революционерам, а не только в грехе "сергианства", подчинившем Церковь явным богоборцам;

- вместо лукавой проповеди "аполитичности" и демократической "свободы политического курса" - совместное исповедание учения Церкви о государственности и молитва о даровании Церкви внешней ограды;

- осознание необходимости для любого благого преобразования в Церкви (преодоления расколов и ложных увлечений, должного ответа на вызов и искушения века сего и т. д.) - подлинного духоносного руководства Церковью, которое могут осуществить не просто благочестивые мудрые пастыри, но люди особого пророческого духа, о даровании которых необходимо всецерковно молиться.

На таком пути есть надежда получить милость и помощь Божию, без которой одни потуги человеческие всегда останутся бессильными.

Ноябрь 1992 *Иеромонах Дионисий*

(Ранее статья распространялась за подписью А.Тускарев.)

ЭТАПЫ СПУСКА

Размышления о поступательном ходе церковной апостасии

Эти мысли были навеяны чтением апологетических статей в "Журнале Московской Патриархии" № 11-12 за 1992 г. в защиту Декларации 1927 г. митрополита Сергия и всей его дальнейшей церковной политики. Создается впечатление, что структуры Московской Патриархии впервые начали защиту сергианства как экклезиологического принципа столь рьяно и последовательно, на высоком академическом уровне, привлекая к делу все наличные интеллектуальные силы. Еще совсем недавно мы слышали из уст самых высоких иерархов МП о том, что, мол, Декларация нас не связывает, так как это документ политический, а не вероисповедный. Ныне довелось прочесть совсем другое: «Лично меня, - пишет игумен Иноккентий Павлов, - она связывает узами церковного Предания, в русле которого она выдержана, так же точно, как связывают меня с ним, например, "Апологии" св. мученика Иустина Философа». За этим поразительным сравнением и непреоборимыми "узами" столь "мученической связи с Преданием" проглядывает уже что-то новое и, прямо сказать, удручающее.

Впрочем, и сторонники и противники Декларации зачастую придают этому документу значение большее, чем он того заслуживает. Более того, здесь почти всегда теряется из виду общий ход революционных процессов, происходящих в Русской Церкви в XX веке, и место Сергиевой Декларации в ряду прочих апостасийных явлений. Мы не оговорились, сказав о революционных процессах внутри самой Церкви. Тому, что совершилось в ней за последний век и, возможно, имеет совершиться в ближайшем будущем, трудно подобрать иное название, если окинуть взглядом весь исторический период и вникнуть внимательно в современное состояние Церкви.

Слово "революция" в приложении к церковным делам мы понимаем прежде всего как изменение коренное, в главном и основном, и кроме того, достаточно быстрое в

сравнении с общим возрастом Церкви. При этом следует учесть, что революционные процессы в Церкви происходят медленнее общественных потрясений и могут быть подразделены на несколько этапов. Шествие по этим этапам от одного к другому и составляет процесс апостасии (отступления).

У церковной апостасии, как и у общественной революции, есть, кроме объективных предпосылок, и субъективные движущие силы, и наша общая беда в том, что о них с некоторых пор не принято говорить. Вероятно, что и само понятие о них исчезло. Этот субъективный двигатель апостасии мы условно назовем мировой системой зла (МСЗ), которая вот уже две тысячи лет творит "тайну беззакония" (о чем предупредил апостол) и ядром которой является "сонмище сатанино", то есть религия, ждущая и имеющая породить из своих недр антихриста, предварительно подготовив все условия для его пришествия и воцарения.

Писание свидетельствует нам, что Бог уже заранее попустил этому сонмищу добиться своей цели на краткое время, поэтому не в человеческих силах было бы пытаться противостоять ему на последнем этапе. А противостояние мировой системе зла в наше время наглядно показало, что мы имеем дело действительно с этой самой системой, а не с какой-либо ее апробационной моделью, которых было немало и в прошлом. Одной из таких моделей антихриста и его царства был, скажем, Юлиан Отступник, не осуществивший своего служения в качестве ложного мессии единственно потому, что отступление в Церкви еще не пришло.

Наше же время характерно тем, что, с одной стороны, отступление не только пришло, но уже вполне созрело и вступило в завершающую фазу (в конце XX столетия это можно констатировать однозначно), а с другой стороны, противостоящая Церкви синагога сатаны, сменяя множество масок, из-под которых неизменно торчат все те же козлиные рога, не только никуда при этом не исчезает с общественно-политической арены, но и становится всеобъемлющей и всеконтролирующей религиозной силой, под каким бы флагом она ни выступала:

иллюминатским, коммунистическим, масонским, демократическим и проч.

Фактором, удерживающим наступление МСЗ, по единодушному толкованию свв. Отцов является система богоустановленной Царской власти. Об этом в последние годы говорилось и писалось достаточно много, и мы не будем задерживаться на доказательстве сего положения, которое уже как нельзя лучше доказано жизнью.

Обратим внимание лишь на то обстоятельство, что доколе церковномыслящий человек исповедует свою приверженность идее православного самодержавия, дотоле он видит и противостоящую ему МСЗ. И как только понимание роли Царя в чисто церковном бытии, роли всей системы нравственно-ответственной царской власти исчезает или нарушается, - тотчас же наступление "тайны беззакония" пропадает из виду, и противник получает возможность наносить свои удары из полного мрака, прикидываясь то "исконно-русским" атеистом-коммунистом, то демократическим другом Церкви, то еще кем-нибудь. А вместе со слепотой в отношении МСЗ приходит и невидение общецерковного апостасийного процесса во всей его монотонно-нисходящей поступательности и эсхатологической ограниченности во времени, и начинаются наивные разговоры о совершающемся в наши дни православном возрождении в России.

Первый раунд в борьбе с религией антихриста был проигран нашей Церковью в 1917 г., и следствием его явилось (на духовном уровне прежде всего) исчезновение врага из виду, открывающее путь к новым духовным поражениям. Грех клятвопреступления в отношении Царя - Помазанника Божия, а также грех церковного признания революционной власти за законную и "благоверную" ослепили нас в отношении нашего врага, так что мы перестали понимать самые очевидные вещи.

Напротив того, такие светильники Церкви, как свтт. Феофан Затворник, Игнатий Брянчанинов, Филарет Московский, в особенности же св. прав. Иоанн Кронштадтский и архиеп. Никон Вологодский, свт. Николай Японский, не будучи запятнаны сими грехами, ясно видели эту систему зла, историческое преемство ее, роль

ее в мировом революционном процессе и ее цель - борьбу со Христом и Церковью Его. Видели они, что противостоит Христу не просто диавол, искушающий человеков через помыслы, а именно организованное земное воинство его. Видели они и медленное, постепенное отступление в самой Церкви.

Удивительно, что все это видение было у них не результатом анализа исторических фактов, которыми руководствуемся мы и которые еще не свершились в их времена, а было плодом правильного аскетического подвига и всестороннего усвоения святоотеческого церковного наследия. В равной мере удивительно, что у нас исчезло видение исторической перспективы Церкви на ее последнем земном этапе, хотя прошедший век обогатил нас и учением, и предостережениями этих самых святых, и множеством исторических факторов, вполне согласных с их пророчествами и наставлениями.

Не выступив вовремя за Помазанника Божия против революционной власти как передового полка религии антихриста, отцы Собора 1917-1918 гг. открыли революции путь к дальнейшему углублению, к большевицкой тирании. Если бы всем было ясно, как правильно следовало поступить в марте 1917 г., может быть, не пришлось бы думать, как легализовать Церковь в 1927 году. Тогда в марте были все условия для дружного единодушного анафематствования революционеров, которые наверняка бы сразу присмирели. Слово Церкви, кроме определенного общественного влияния, имеет ведь колоссальную духовную силу. Оно привлекает (или наоборот, отводит) помощь всесильного Бога, в руце Которого заключен весь мiр, в том числе и сама МСЗ, воспретить действие которой Всемогущий силен во мгновение ока.

Конечно, лучше было бы сразу всеми силами единодушно молить Гопода о пресечении революционного зла и о восстановлении законной власти, словом и делом исповедуя свою непричастность к этому злу, отталкивая его от себя как мерзость. Вместо этого предпочли отречься от Царя и разрешить войска от присяги ему и крестного целования, предпочли молиться за масонское "благоверное" Временное правительство, иными словами, пред-

почли ужиться со злом, договориться и обняться с ним. Естественно после этого, что карающий меч Божий был удержан: как бы ему вместе с революционным злом не посечь и обнявшуюся с ним Свою Церковь...

Потеряв из виду врага, утратив понятие об "Удерживающем" мировое зло православном Царе, утратили мы во многом особое дерзновение ко Господу, которое позволяло Церкви ходить по бушующим волнам житейского моря, как по суху, в подражание св. апостолу Петру (Мф. 14, 29). Так "ходила по водам" Церковь первых мучеников, вообще даже не ставя вопроса о "легализации" у христоборных властей, а лишь молясь о том, чтобы власть имущие прозрели бы наконец и стали сами христианами. У нас же грех отречения от той власти, которую за три столетия все-таки вымолили мученики того времени, - этот грех был, а для очищения от него, естественно, потребовались и большие страдания.

Не получая за неверие свое особой помощи от Господа, пришлось искать путей, как бы ужиться с системой. Этот вопрос встал еще перед свт. Тихоном, и к концу жизни он был вынужден проводить уже далеко не тот курс, которого неуклонно держался в 1918 году. Следует отметить, что свт. Тихон как хороший капитан уходил с тонущего корабля последним, отступал, но не впереди, а позади всего церковного воинства. Свидетельством тому - общецерковное сознание, которое признает его святость, его труды и борения во славу Церкви. И Патриархия, и Зарубежная, и Катакомбная Церковь, - все прославляют его как святого. Он отступал, повторяем, но отступал вместе со всею Церковью, и притом сумел-таки не переступить некоей роковой черты, за которой начинаются уже необратимые последствия. Господь призвал его к себе, не попустив ему утратить нетленного венца своего.

Условно можно считать, что кончина свт. Тихона завершает первый крупный этап церковной апостасии XX века, суть которого - отказ от исповедания православного самодержавия и от принципиальной бескомпромиссной борьбы с МСЗ. Отступление идет, но святость Церкви при этом не исчезает, не всякий грех влечет за собою сразу утрату истины, благодати и святости.

При этом, однако, неизбежно и незаметно происходит внутренняя переоценка такого понятия, как благо Церкви, в соответствии с ослаблением веры и дерзновения ко Господу. В современных апологиях "сергианства" как-то уже априори под благом Церкви понимается только лишь сохранение внешней церковной организации, при условии, правда, хотя бы внешнего сохранения догматов и канонов. «Надо *любой ценой* сделать все, чтобы только люди могли причащаться» - вот "благочестивый" сергианский девиз. А во спасение ли будет нам *любое* причащение - об этом почему-то не спрашивают.

Если под благом Церкви понимать только организационное благоустройство, то, конечно, спора нет: путь митрополита Сергия с его Декларацией был наилучшим для тех времен. Ну, что ж, по вере нашей да будет нам, «в не же достигохом, то же да мудрствуем и тем же правилом жительствуем» (Флп. 3, 16). Это был уже новый этап отступления по сравнению с прежним уровнем. Не нам, конечно, судить грехи наших предков, будем помнить всегда не только тогдашние условия и наши нынешние, но и то, что мы сами отстоим еще двумя ступеньками ниже от них. Но мы занимаемся сейчас не судом, наша цель не Хамова, нам важно проследить развитие процесса, уяснить, что на сем нисходящем пути не было сколько-нибудь заметных подъемов. А чтобы покрыть наготу наших отцов, надо хотя бы перестать показывать их в голом виде при народе, восхищаясь одновременно их блестящими нарядами (как в известной сказке Андерсена).

Беда митрополита Сергия в том, что он, в отличие от свт. Тихона, отступал на своем этапе не последним, а ближе к первым. Поэтому волей-неволей пришлось ему погрешить и против обличавших его и отошедших от него собратьев-архипастырей, запрещая их в служении и даже объявляя их таинства безблагодатными. Самое страшное в общей сергианской линии - это именно вражда с братьями, помощь гонителям Церкви в их ликвидации, а вовсе не пресловутые «ваши радости - наши радости»...

Второй этап прочно утвердил все отрицательные последствия первого и присовокупил к ним еще некое добавление, пока что не на уровне вероучительном, а скорее, на уровне психологическом. Выработалась особого рода привычка ко лжи, благоволение к неправде (2 Сол. 3, 12). Конечно, уровень этой неправды был далек от нашего нынешнего, когда ложь нагло и дерзновенно объявляет себя хранительницей и исповедницей истины. Ложь времен Сергиевых пыталась еще исподволь намекать, что она вынужденная, недобровольная, но привычка ко лжи продолжала укореняться все глубже, подготовляя следующий этап процесса - экуменический.

Говоря о митрополите Сергии, справедливости ради следует напомнить о его верности прочим догматам Церкви, о его личном, так сказать, "келейно-бытовом" благочестии. Экуменический период сильно пошатнул в общецерковном сознании и то и другое. Начался он в Русской Церкви очень резко, от прямо противоположного. Одни и те же лица из ярых противников экуменизма как разновидности космополитизма превращаются в его сторонников буквально за несколько лет. Богословские и святоотеческие обоснования вредоносности экуменической деятельности быстро сменяются богословием "конфессиональной широты".

Такое хамелеонство, заметное и неприятное даже для внешнего человека, конечно, невозможно было бы без воспитания на предыдущем этапе "благочестивой" сергианской привычки ко лжи, а с другой стороны, это положило начало воспитанию нового типа верующих, которые через два-три поколения не смогли бы отличить своего Православия от приготовленной для них религии антихриста.

Следует оговориться, что такая обработка экуменическим ядом в ту пору затрагивала лишь высшую иерархию и образованную часть духовенства, не спускаясь в глубину сознания простого церковного народа. Народ медленнее поддается воспитанию, и пока для него были оставлены прежние "механические" запреты на религию вообще.

Цель у МСЗ была, конечно же, не атеизм. Атеизм чем-то очень похож на нуль. Сам по себе он человеку противоестественен, потому любой атеист напоминает калеку, всадника без головы. Много ли зла в духовной области может сотворить такой калека? - Он может уничтожить многих православных, но идейно против любой, даже ложной религии, он чрезвычайно слаб.

Гораздо больше зла сделает человек противоположной христианству религии, хотя бы потому, что он тоже "верующий". Атеист по сравнению с таким верующим ненадежен: вдруг его придушенный и обуморенный дух проснется, и он еще уверует в истинного Бога, да вдобавок крепко, после своей духовной голодовки. Гораздо надежнее верующий - только не в истинного Бога.

Но такого "верующего" воспитать из христианина можно не сразу, не в первом поколении, а только проведя через атеистическую обработку, подобно тому, как температура воздуха за окном, понижаясь от жары к морозу, неизбежно проходит через нулевую отметку и задерживается на ней некоторое время, пока вся вода не замерзнет. Так и МСЗ, воспитывающей нового человека, необходимо было провести его от Православия к религии антихриста через атеистический период. Предел падения человеческого естества не есть атеистическое скотоподобие, но антихристианское демоноподобие. Падшие ангелы стремятся воспитать людей по своему образу и подобию, приобщая к своим собственным грехам, а ведь самих бесов вполне можно признать "верующими" в Бога, ведь они точно знают о Его существованиии - уж они-то никак не атеисты!

Атеизм призван был подготовить человека плотского, в значительной степени безрелигиозного или религиозно-всеядного, подобно тому, как и сами демоны, при всей своей условной бестелесности и легкоподвижности, пресмыкаются в плотском мудровании, а с другой стороны любят всякую ложь, не привязываясь особо к какой-либо отдельной ея разновидности.

Человеку плотскому и религиозно-безразличному, которого воспитают два-три поколения атеизма, можно начать постепенно прививать отрицательную религию,

6 — 3416

злую антихристову веру, которая удовлетворила бы лучше атеизма остающиеся у него духовные запросы, направив их в противоположную от Бога сторону. Как в благом и созидательном деле необходимо и уклониться от зла, и сотворить благо (Пс. 36), так и в духовно-разрушительном деле необходимо наоборот, сперва уклониться от блага Христовой истины в безбожие, а затем уже сотворить зло - сформировать и привить народу религию антихриста.

Но вернемся к истории церковной апостасии. Экуменический период в верхних слоях иерархии и духовенства был уже началом формирования новой религии, был уже творением зла в собственном смысле, движением не просто в отрицательную сторону, но уже и в отрицательной части шкалы. В нижних же слоях, которые промерзают несколько медленнее, поддерживалась пока нулевая температура атеизма. При этом и в самом народе масса атеистического льда нарастала. Формировались постепенно такие условия церковной повседневности - служения, требоотправительства и пастырства, которые к настоящему времени уже можно легче, при соответствующей установке сверху, подвести под основание религии антихриста.

Вся эта работа велась под контролем системы зла. Когда система сочла основную часть подготовительной работы сделанной, а сформированного "верующего" вполне созревшим потенциальным отступником от Христа - тогда начался новый, нынешний этап церковного "ренессанса": непосредственное насаждение ложной религиозности под видом Православия.

Характерные черты сего послеатеистического периода следующие. Во-первых, двигатель апостасии, который ранее приходилось раскручивать системе зла, ныне передан некоей части церковной организации внутри самой Церкви. Условия плена кончились, идет конструктивная работа иерархии и духовенства в деле утверждения нового церковного бытия, и система зла уже не подталкивает, а лишь старается чутко направлять внутренние церковные процессы, особенно во влиятельных кругах, которые во многом уже идут в нужном для системы на-

правлении. Взять хотя бы эти статьи в ЖМП, с которых мы начали. Авторы называют себя апологетами, защитниками. Как продуманно, принципиально и совершенно добровольно, а уже не вынужденно, защищают и оправдывают они те принципы, которые 60 лет назад насаждались силой и кровью. Да и сам митрополит Сергий ужаснулся бы, если взглянул бы сейчас, кого он вырастил! Ведь в условиях нормального существования он сам, думается, первым делом сжег бы свою Декларацию, чтоб ее никто не видел, а тут уже доказывается, что она «в русле церковного предания», да еще в духе св. муч. Иустина. Воистину, поступательное движение вниз налицо...

Почему-то мало кому приходит в голову вопрос: кто дал Церкви нынешнюю свободу? Говорят: Господь. Это не совсем верно. Господь дал бы эту свободу Церкви при условии массового покаяния и обращения, но мы видим вместо этого продолжающееся утверждение лжи на верхах, развитие ее вниз, а вследствие этого вместо подъема настоящего неотмирного православного благочестия - поощрение благочестия декоративного, не отказывающегося от прежнего злочестия во всем XX веке, не дающего духовной оценки властвовавшему и все еще властвующему злу (в лице тех же самых атеистов-номенклатурщиков КПСС) и никого ни к чему не обязывающего.

Стало быть, Господь не благоволил, а лишь попустил сию свободу для Церкви с тем, чтобы какие-то остатки верных попытались бы спастись. Роль Господа здесь, возможно, не столь активна, сколь активной оказалась роль противоположных сил. За освобождение Церкви от коммунизма боролись громче всех немногие либерально-околоцерковные диссиденты. Эти люди не могли отвоевать свободу Церкви у МСЗ. Система сама развязала внешне Церковь, стараясь еще крепче связать ее внутренне.

Несколько разъяснил дело еще в самом начале перестройки сам председатель Совета по делам религий Харчев, заявивший о том, что к настоящему времени удалось воспитать «новый тип священнослужителя». Впрочем, имеющие очи да видят это сами без всякой посторонней помощи. Новизна этого типа священнослужителя теперь в том, что он уже умеет апостасировать

6*

сам, без внешнего давления. Вскоре после этого признания Совет был распущен и духовные дела были переданы непосредственно системе патриархийной. "Давить" на священно-церковно-служителей стало незачем.

Помимо того, характерной чертой нынешнего этапа апостасии стало "симфонирование" с антихристианской демократической властью. Это уже не союз кошки с мышкой сергиевых времен, а симфония равноправных и искренне дружественных (насколько там возможна искренность) партнеров, которые совместно решают общие, диктуемые им извне задачи по распространению на Россию "Нового мирового порядка". Партнеры уже привыкли (еще на предыдущем этапе) разговаривать одним и тем же гуманистическим языком и прекрасно понимают друг друга.

Кстати, по-видимому, МСЗ оценила сталинскую церковную оттепель с массовым открытием храмов после войны как преждевременную, ибо тогда она еще могла бы хоть как-то походить на настоящее духовное возрождение - по той простой причине, что к тому времени народ, не будучи развращен западной цивилизацией, сохранил еще настоящие духовные потребности. Не та уже обстановка ныне*...

И сколь необходима, полезна и спасительна для Церкви симфония со властью православного самодержца, столь же пагубна для нее симфония с государственным руководством, представляющим политическую сторону МСЗ.

Но, пожалуй, самой важной и наиболее всеохватывающей чертой нынешнего этапа является общение с той религией, которая имеет стать основой идеологии антихриста. Есть две религии на земле, которые вот уже две тысячи лет ждут пришествия в мир Мессии, который приведет все человечество в некое качественно новое состояние. В этом утверждении религии, ожидающие

---

* Интересна статистика: после второй мировой войны на территории СССР было открыто 22.000 православных храмов, которые были полны молящихся. Теперь же Московская Патриархия имеет во всех странах СНГ и дальнего Зарубежья около 16.000 храмов, далеко не столь полных народом. - *Прим. автора 1997 г.*

нового Мессию, сходны; во всем остальном, прежде всего, в нравственном отношении, их оценки этого властителя расходятся в прямо противоположные стороны.

И когда у земных возглавителей этих двух религий появляется не просто «общность гуманитарных задач», но и «единые положительные религиозные интересы»**, то есть когда ожидание мессии представителями обеих религий вызывает сходные радостные чувства, - то становится понятным, что последняя точка в земной летописи Церкви где-то уже очень близко. Этот "мессианский" экуменизм с религией, противоположной христианству, видимо, заменит экуменизм между христианскими конфессиями и экуменизм с мусульманами и язычниками. Все те виды экуменизма были лишь подготовительными к этому, они лишь воспитывали у человека экуменические способности и задатки. Ведь никакая иная религия, кроме чающей скорого пришествия мессии, не станет ядром его универсальной веры, которую он даст всем конфессиям как необременительное приложение к их собственным модификационным вероисповедным особенностям.

Можно провести одну сравнительную аналогию с трансплантацией (пересадкой) органов. Церкви за все послереволюционные десятилетия старались пересадить, и ныне, не исключено, уже пересадили, чужое сердце. Начиналась эта операция болезненно, со всеми положенными разрезаниями. Нынешний же этап похож на накладывание швов, залечивание ран. Кровь после долгого перерыва начала поступать от сердца к затекшим конечностям. Жизнь, по-видимому, возвращается, остается даже сознание и память. Отсутствует только у тела понимание, что сердце в груди бьется уже чужое. Во всем остальном почти не видно внешних повреждений, их пытаются устранить как можно скорее.

Даруй, Господи, умереть со своим сердцем в груди!..

Заживление раны от большевицкой операции идет очень быстро. Храмы, книги, радио, благотворительность,

---

** Из выступления Патриарха Алексия II перед раввинами в Нью-Йорке 13 ноября 1991 г.

старчество, - все у нас теперь есть. Но при виде платимой за это цены, невольно встает вопрос: кто все это дал?.. Как тут не вспомнить: «Вся сия дам Тебе, аще пад поклониши ми ся»; а не хочеши покланятися - теперь даже не требую от тебя сего, пусть лишь будет у нас «один отец» и «одни религиозные интересы»...

Если при митрополите Сергии не стеснялись предавать несогласных братьев анафеме и объявлять их таинства безблагодатными, то теперь всех стремятся собрать в единую Церковь, никого бы не потерять, как бы кто-нибудь не ушел "в раскол". Трогательная забота одних и тех же опекунов Церкви о вроде бы противоположных вещах: тогда говорили, что нужен новый раскол в "тихоновщине", а теперь только и твердят о единстве. Но все понятно: тогда разрывали грудь, а теперь, подменив сердце, зашивают все обратно.

Великую роль в нынешнем церковном строительстве играют старцы и духовные наставники, преподобные отцы нашего времени. Наше время вообще богато на "святых": бессловесные исповедники, дружащиеся со тьмой святители, есть у нас и прижизненно канонизированные церковным сознанием преподобные и окруженные женами-мироносицами затворники. Мы не ставим им никакого упрека за это, просто так, к слову пришлось. Но велика их заслуга в том, что когда у верующих возникло сомнение по поводу общности наших «положительных религиозных интересов» с сатаной, они прекрасно его разрешили так, что не только волки остались все целы, но и овчии одежды на них не полиняли. И овцы пока вроде бы сыты и удовлетворены, хотя кое-где и погрешили против волко-пастырей своей нервозностью и капризностью. Но "раскола" удалось избежать...

Среди прочего системе удалось выработать новые критерии духовного авторитета, порою даже не включающие такой стороны, как бескомпромиссность в исповедании истины Православия. Святым и духоносным человека нередко почитают за все, кроме этого: за ласковое (или наоборот, бесцеремонное) обращение, за красивое служение и молитвенный с придыханиями голос, за обилие духовных чад, за умение строго заклясть миря-

нина послушанием себе, которое паче поста и молитвы, за возможность легко "скинуть" все грехи на старца, требующего взамен лишь послушания себе, за экстравагантные духовные советы, совершенно не учитывающие положение и настроение самого пасомого.

Оборотной стороной благоволения ко лжи является воспитание в народе безответственного отношения к членству в Церкви (то есть, прежде всего, к исповеди и причащению). Можешь ходить в Церковь и причащаться и при этом не оставлять своих собственных философских умствований, худых сообществ, в том числе и религиозных, развращающих добрые нравы, прежних своих смертных грехов. Можешь при этом заниматься спекуляцией или экстрасенсорикой, смотреть развратительный телевизор и читать картавоязычную прессу, можешь стоять у престола и похвалять желтые листки за "объективное и глубокое освящение" церковных вопросов. Очень многое, оказывается, можно совмещать, вплоть до борьбы с латинским прозелитизмом, которая удивительно легко уживается с поиском этих самых «положительных религиозных интересов» в синагоге.

При этом блага духовные, принесенные свободой, явно служат нам в осуждение - в противном случае система бы нам их не дала. Церковь ныне имеет все - и, к сожалению, этим всем торгует. Нательный крестик или иконка, проданные в качестве сувениров явному безбожнику - уже наносят немалый духовный ущерб и продавцу и покупателю. Но мы торгуем не только крестиками, а таинствами: крещениями, венчаниями, соборованиями, отпеваниями; более прикрыто - и причащением, хотя не то что торговля, а просто отдание святыни не желающим превратиться в овец Христовых, и то уже запрещено Господом. Этот самый главный порок церковной системы советского времени никакая "перестройка" не только не тронула, но даже полусловом не осудила.

Во времена первого пришествия Христова Церковь ветхозаветная имела те же самые пороки, что и сейчас, которые помешали ей принять Христа и помогли распять Его. Внутри фарисейского учения уже найдены были

глубокие "общие интересы" с халдейской магией, пантеизмом и оккультизмом, а в народе шла бойкая торговля жертвенным скотом прямо в храме. То и другое Христос обличил и пресек самыми резкими и решительными действиями и словами. То и другое на самом деле - две стороны одной апостасийной медали: верхняя и нижняя.

На нынешнем этапе отступления обе стороны не просто сохранились, но получили качественное приращение. Если продолжить аналогию с ветхозаветной Церковью, то напрашивается предположение, что дальнейших ступеней вниз уже не будет, будет резкий обрыв...

В свете сказанного остро встает общий вопрос: как уклониться от нарастающего зла во все более апостасийной церковной организации? Без этого уклонения от зла, строго говоря, с некоторого времени уже невозможно будет сотворить какого-либо настоящего блага. В условиях церковной системы, зараженной апостасией, у человека или воспитывается апостасийная психология, или идет постоянное насилие над совестью, возбраняющее духовный рост. Размежеваться с апостатами необходимо, и решимость к этому должна созреть в сердце свободно, спокойно и бесповоротно...

Апрель 1993 г. *Священник Тимофей*

(Напечатано с сокращениями)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Возрождение идеи православной монархии в России в значительной степени обязано русскому Зарубежью, той его части, которая через три четверти века пронесла и сохранила эту идею, осмыслив трагический опыт минувшего столетия. Никто в современной России не стал монархистом иначе, как использовав труды мыслителей русского Зарубежья.

В среде русских патриотов довольно быстро совершается переход от советского мiровоззрения к национально-русскому и от государственного идеала советской империи к идеалу православной монархии. Однако на этом пути участников подстерегают многие опасности, начиная от распространения заведомо ложных идей и кончая сетью псевдопатриотических организаций провокационного характера, призванных дискредитировать саму идею национально-государственного возрождения России.

Рассмотрим некоторые вопросы современного монархического движения, не претендуя на полноту изложения и на бесспорность оценок.

1. Нравственный критерий как решающий при оценке участников

Взаимоотношениям наших монархистов между собою и с монархистами Зарубежья очень мешает то, что часто решающее значение в оценке людей, изданий, организаций придается внешним атрибутам: словам, позам, символике и т. д. В результате бессовестной демагогии, беспринципные авантюристы, бизнесмены от монархизма, увешанные орлами, крестами и погонами, слывут за "белых" и часто оказываются среди вождей движения; а многие честные люди, не до конца преодолевшие прежнее советское мiровоззрение, шельмуются как "красные" и "национал-большевики".

Между тем в самом міровоззрении человека всегда следует учитывать не только наличные взгляды, но и динамику их развития: с чего человек начинал и к чему пришел. Бывший советский человек, воспитанный в духе атеизма и коммунизма, преодолевший соблазны западного республиканства и космополитизма и пришедший к исповеданию принципиальной установки русского человека: Православие - самодержавие - народность, прошел уже большой путь вверх. И если такой человек имеет какие-то умственные "загибы" и уклоны, то чаще всего это "болезни роста", объясняемые безпорядочным самообразованием. Главное, что вектор его мысли направлен снизу вверх: от красного знамени к двуглавому орлу. Наша история знает примеры и обратного движения мысли.

Всегда следует учитывать также искренность взглядов человека. По голосу ли совести или по соображениям расчета и земных выгод высказывает человек данное убеждение. Вспомним, как И.А. Ильин настаивал на том, что безнравственность и беспринципность несовместимы с подлинным русским патриотизмом. В безгосударную эпоху, которая длится с февраля 1917 г. по нынешний день, когда в России отсутствует законная Богоустановленная царская власть, решающим в оценке деятельности различных патриотических движений и в особенности в оценке членства в них, является критерий нравственный.

Мы почитаем Белое движение за его нравственный протест против врагов веры и отечества, за бескорыстное служение родине, за самопожертвование его участников, но не за его масонских лидеров и их республиканские программы. Ублажаем не всех, кто носил мундир добровольца, но тех, кто не запятнал своей чести: Дроздовского, но не Романовского; Кутепова, но не Скоблина.

И в оценке монархических объединений и лиц нравственный критерий является важнейшим. Сама царская власть есть власть нравственно-ответственная перед Богом, служение такой власти связано с понятием присяги и долга. Поэтому аморального монархизма не может быть. Забвение этих простых вещей приводит к тому,

что в нынешней России монархистами почитают часто политических шулеров, периодически меняющих свои взгляды то на фашистские, то на демократические, и дельцов, делающих бизнес на монархической символике. Беспринципность лидеров многих легальных монархических организаций, балаганно-шутовской характер проводимых ими мероприятий, отталкивают от них многих серьезных и честных русских патриотов, а вместе с тем дискредитируют и саму монархическую идею.

Попутно отметим, что вопрос ношения военной формы, особенно офицерской, также имеет свое нравственное значение. Уже неоднократно отмечалось, что форма должна соответствовать положению человека, как все внешнее должно соответствовать внутреннему, выражать его. Военная форма императорской Русской армии принадлежит лицу, которое принесло присягу законному Императору и находится на государевой службе - и никому иному. Право производства в офицеры и награждения орденами принадлежит, как известно, также только Императору или лицу, наделенному от него полномочиями. Поэтому "балы-маскарады" с использованием военной формы Русской армии, которые проводят у нас монархические организации, не есть пропаганда монархизма, а его профанация. Всякое лицедейство есть деяние безнравственное, годное для достижения низких целей, но для проповеди высокой идеи оно не годится.

Монархические организации только тогда станут пригодными к строительству великого здания монархической государственности, когда они будут опираться на совестливых людей, готовых к самоотверженному труду и подвигу. "Клубы любителей монархии", подобные "клубам любителей дворянства", труппы ряженых для устройства представлений и кооперативы по продаже предметов монархической символики - песочные куличи, а не строительные кирпичи русской государственности. Монархизм в качестве "хобби" есть мыльный пузырь, величина дутая и бессильная. Силой монархизм становится лишь тогда, когда воспринимается как подвиг и возлагается на себя не как эполеты, но как крест подвижника. Именно из

подвижников идеи складывались в свое время ударные белые батальоны - небольшая, но вполне реальная сила.

В наше время, после того, как русский народ был пропущен через большевицкую мясорубку и кампанию нравственного растления последних лет, людей идеи найдется вообще очень немного. С каждым годом все меньше тех, кто верен нравственным принципам, тех кто исповедует своей жизнью, что не все продается и покупается. Только среди таких людей имеет смысл искать прозелитов монархической идеи. Человек с жизненной установкой дельца, как указывал еще Д.А. Хомяков, вовсе не может быть ни монархистом, ни патриотом. К сожалению, именно люди последнего типа захватили во многих патриотических организациях в России руководящую роль. Устраивая свои дела, они неоднократно предательски подставляли под удар людей искренних (как например, в октябрьских событиях 1993 г. в Москве).

Разочаровавшись на множестве горьких опытов в вождях патриотического движения, большинство честных русских патриотов разошлось ныне по домам. Поэтому любому кандидату в лидеры надо много потрудиться, чтобы заслужить доверие многократно ранее обманутых людей.

2. Церковное осмысление монархической идеи и ее исповедание

Как нравственные принципы монархиста есть принципы православного христианина, так и само учение о православной монархии органически связано с учением Церкви, с цельным православным міровоззрением. Наиболее крепким монархистом может быть только глубоко верующий церковный человек, у которого монархические убеждения составляют неотъемлемую часть той веры, которую он исповедует. Таковыми были все глубокие идеологи монархии, начиная с К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова и кончая Н.Н. Кусаковым. Настоящий монархист, вслед за архим. Константином Зайцевым, видит место монархии в контексте міровой истории, в пер-

спективе борьбы Христа с грядущим антихристом, и сознает свою борьбу за монархию как борьбу за имя Христово под знаменем Креста.

В современной России в силу глубокого расцерковления народа такое понимание монархии находит немного сторонников. В широких кругах монархия ассоциируется с сильной единоличной властью, с "железной рукой", которая наводит какой-то порядок. Власть православного Царя путают с властью диктатора, типа Сталина или Гитлера, ведут разговоры о "монархофашизме". В лучшем случае останавливаются на "популярной монархии" И. Солоневича, лишенной духовного понимания нашего великодержавия. Этот вариант монархии, делающий упор на своем народном характере, остроумно был назван "пугачевской монархией".

В последнее время среди патриотической общественности приобретает все большую популярность салазаровская или франкистская модель фашизма (вспомним, что и И.А. Ильин, и А.В. Карташев считали ее оптимальной для Португалии и Испании того времени). Для земного благоустройства нации, это, возможно, так и есть. Единственное превосходство православной монархии перед диктатурой типа Салазара - это ее духовно-нравственное содержание, ее богоустановленный характер и служение "Удерживающего" мировое зло. Просто народный характер монархии этих преимуществ перед сильной национально-авторитарной властью не обеспечивает.

Ясно, что здание монархизма, возводимое лишь на русской народной традиции и самобытности, стоит как бы на одной ноге и весьма непрочно. Крепость учению о монархической государственности придает обращение к наследию Вселенской Церкви. Монархизм как русская самобытная государственность есть частное политическое убеждение, которое может и меняться в зависимости от политической обстановки. Монархизм же как составная часть учения Православной Церкви есть нечто твердое, неизменное, требующее своего постоянного исповедания.

В 1992 г. группой духовенства Русской Церкви оно было сформулировано в таком виде:

«Исповедую в Церкви Православной чину Царя Самодержавнаго быти и благодати Божией на главе Помазанника, в таинстве Царства приемлемой пребывати. Вящшим же в сем служении Православного Царя быти охранению Церкви Святой и учения ея, и образа благочестия ея, и уставов ея, и всего земнаго бытия ея.

Исповедую, яко вне Царства сего Православнаго Церковь Христова гонима есть яве или отай, и немнози суть иже при гонении сем спастися имут. Сего ради, якоже и прежде во вся века Церковь о Царстве Православном моляшеся, тако и аз ныне молюся, да созиждет Господь Царство сие в земли нашей во еже оградити Церковь Свою от всякаго гонения и соблазна» (см. Прав. 104 Карфагенского Собора, Чин св. Миропомазания на Царство).

Здесь нет никакой "ереси монархизма" или его "догматизации", о чем так любят кричать церковные модернисты. Не одни догматы составляют учение Церкви, есть еще обширная область церковного Предания, не отчеканенная в виде догматических формулировок на Вселенских Соборах, но тем не менее также обязательная для полноты православного мiровоззрения. Церковь из девятнадцати с половиной веков своего земного бытия шестнадцать веков прожила в православном Царстве (от Константина Великого до Царя-Мученика Николая), она выразила свое учение о нем как о государственном идеале во многих канонических памятниках и отеческих творениях, в литургическом предании.

В этой области апостасийно настроенные церковные либералы за последние десятилетия произвели целую революцию. Мы уже не говорим о множестве курсов церковной истории, в которых идеал и эпоха православного Царства представлены в самых черных красках. Сами литургические тексты подверглись в эти годы коренной переработке. Достаточно просмотреть внимательно переизданные Московской Патриархией богослужебные книги, чтобы убедиться, что малейшее упоминание о царях изъято из всех церковных песнопений.

И здесь прямая обязанность православных монархистов как части церковного народа исповедывать учение

о Православном Самодержавии как часть учения Вселенской Церкви, не стыдясь визга и свиста, поднимаемого апостатами-республиканцами. Конечно, нельзя требовать этого от тех, кто принципиально отвергает идею монархии. Но кто признает себя монархистом, тот должен исповедывать это не только в монархическом собрании, но и в Церкви. И, конечно, необходимо твердо противостоять как попыткам искажения в либеральном духе церковно-государственной истории, так и попыткам "республиканского" перекраивания церковного богослужения.

К сожалению, даже в Зарубежье смирились с некоторыми искажениями богослужебных текстов, допущенными в угоду февральским временщикам, например, с формулировкой тропаря Кресту: «Спаси Господи люди Твоя...», изгнавши упоминание о Царях. Напомним указание свт. Иоанна Шанхайского, что отсутствие законного Государя не может служить основанием таких изъятий. Довод, что, мол, Царя сейчас нет, любят приводить те, которые не хотят его иметь, то есть имеют иной, неправославный государственный идеал.

Таким образом наш монархизм для нас - это наше знамя, которое бывает всегда одним и не перекрашивается под цвет местности. К сожалению, значительная часть нынешних патриотических лидеров предпочитает для своих знамен наиболее безопасную пятнисто-камуфляжную окраску, но монархист не может уподобляться таковым.

3. Чему нас учит опыт Византии?

Обращение к наследию Вселенской Церкви неизбежно приводит нас к опыту Византии, где были заложены основы христианской государственности и был осуществлен первый многовековой опыт православного Царства. Отрицание византийского наследия всегда приводило наших монархистов к искажению и приземлению идеала. Ущербность, непоследовательность, внутренняя противоречивость - вот признаки монархизма, не признающего преемственности с Византией и повторяющего

против нее обвинения протестантов и гуманистов. Напротив, внутренняя цельность, последовательность, стройность видна у тех наших идеологов, которые как К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров и архим. Константин признавали преемственность своего монархизма с Византией. Без апокалипсического осмысления церковной истории, а стало быть, и без Византии, вообще невозможно правильное понимание православной монархии.

Опыт Византии имеет для нас не только историческое значение. Установление православной монархии при Константине и его преемниках в разноверной и разноплеменной распадающейся империи, в условиях нравственного и общественного разложения - разве это не злободневная для нас тема?

Наша нынешняя ситуация вовсе не походит на обстоятельства первой смуты в России, когда междуцарствие длилось лишь несколько лет и был крепко воцерковленный народ, единый в своих монархических убеждениях и разделявшийся лишь по поводу кандидата на Престол. У нас же в результате 75-летних сатанинских экспериментов взорваны все национальные, религиозные и семейные устои и основы, произошли, видимо, необратимые изменения на уровне как личности, так и большей части народа, утратившего национальное и государственное самосознание. Поэтому к нам гораздо более подходят в этом смысле условия разложения и падения Римской империи, чем условия крепкой духом и верой Московской Руси. Очевидно, что если в Москве мог с успехом царствовать и Феодор Иоаннович и Михаил Феодорович, то для спасения Рима нужен был Царь такого ранга, как Константин Великий, Феодосий Великий, Маркиан или Юстиниан, который бы не только царствовал, но и управлял, был бы и воином, и законодателем, и богословом.

Ясно, что восстановление Царства в России не может быть результатом политической борьбы, следствием каких-либо рациональных причин, а только особенным действием Божиим, подобным тому, каким было установление православного Царства при Константине, не имевшее необходимых материальных предпосылок. И

такой Царь не может быть лишь очередным представителем последней династии, а непосредственным избранником Божиим, какими были все византийские Императоры, стоящие в наших святцах: и Константин, и Феодосий, и Маркиан, и Лев Великий, и Маврикий.

Это непосредственное Божие избрание должен будет возвестить, скорее всего, пророк Божий, подобно тому, как было при самом установлении царской власти в древнем Израиле, а потом и в Византии с вышеупомянутыми Императорами. *Восстановление подлинного православного Царства невозможно без восстановления истинного пророчества и духоносного священства.* Царство крепко в союзе со священством, а для предотвращения духовно-нравственных искажений этой симфонии нужно истинное пророчество. Такова идеальная установка. В современной России говорят: нам нужен Моисей (но не Урицкий), нужен Константин (но не Боровой).

Здесь мы приходим к главному отличию нашей эпохи от эпохи Константина и Феодосия: тогда была сильная Церковь, богатая святителями и преподобными, исповедниками и пророками. Тогдашняя Церковь покоряла мiр, приводя его ко Христу, дерзновенно молилась об избавлении от власти императора Юлиана Отступника и о даровании ей в защиту православного Царя. Именно святые были «колесницей Нового Израиля и конями его», увлекавшими православное Царство к Небу.

В наше время заключительного этапа всемiрной апостасии Церковь как никогда бедна на живых святых, забыла и думать о православной государственности, а лишь обслуживает наличные, антихристианские по своей природе режимы. Даже из внутрицерковной литургической жизни молитвы о православном Царстве изгнаны и заменены молитвами о наличных "властех", готовящих установление Нового мiрового порядка во главе с антихристом.

Возможно ли в таких условиях серьезно говорить о восстановлении монархии в России? Это зависит от того, удастся ли монархическому крылу в Церкви добиться исправления профевральских и более поздних апостасийных искажений. Во всяком случае, если бы вся здо-

ровая часть Русской Церкви, не стыдясь мнения желтой прессы, исповедывала бы учение о православном самодержавии и дружно молилась о даровании его нам, надежда на его восстановление была бы, ибо невозможное человекам возможно Богу. А пока этого нет, а есть церковная молитва за промасоненные режимы, мы и получаем по вере своей.

Из необходимости здоровой истинно православной Церкви для восстановления православного Царства в России вытекает необходимость для монархиста посильно противодействовать всем отступническим, еретическим поползновениям в церковной среде. В основном это касается тех, кто надеется на возрождение монархии с помощью нынешних епископов Московской Патриархии, уповает на их особую мудрость, которая через ложь якобы приводит ко спасению и с помощью зла творит добро. К сожалению, и многие зарубежные монархисты заняли в принципиальном церковном споре позицию нейтралитета: мы, мол, выше юрисдикций, - оставив немногих "правых" апологетов Зарубежной Церкви изнемогать в неравной борьбе. Тем самым была предоставлена возможность вмешаться апологетам "левым" - принципиальным врагам монархии, которым удалось в немалой степени скомпрометировать Зарубежную Церковь перед патриотической общественностью в России. Думается долг зарубежных монархистов - защитить свою Мать-Церковь, а также по-отечески и по-братски убеждать своих единомышленников в России в пагубности их приверженности к нынешним руководителям Московской Патриархии, которые неизбежно предадут их при первом же удобном случае.

Л.А. Тихомиров отмечал главные недостатки византийской монархии: неизжитая связь с республиканским цезаризмом, недостаток династичности и легитимности. Все это так и было. Была прогнившая бюрократия, но не было таких опор, как социальная база и единая нация. Все это еще в более ужасном виде представлено сейчас в России. Но при этом Тихомиров не отмечает главного, что подчеркивает архим. Константин, а именно, что при всех этих язвах византийский Престол играл

роль удерживающего міровое зло и пришествие антихриста. А ведь нам нужен именно "Удерживающий", а не просто чистая монархия.

Остатки традиций цезаризма, при которых Император сосредоточивал в своих руках все управительные функции, в условиях возрождения России даже необходимы и могут помирить с такой монархией тех русских патриотов, которые, следуя традиции Ильина, видят выход в установлении сильной переходной авторитарной власти - национальной диктатуры.

Династичность есть средство для наилучшего преемства царской власти, обеспечивающее ей спокойное существование в течение длительного периода, но не есть самоцель. Согласно пророчествам последних русских святых, православное Царство, если оно и будет даровано России, то лишь на малый период времени перед концом міра, а потому и не потребует династичности. Почти все святые византийские Императоры (Феодосий, Маркиан, Лев и Юстиниан) были, по выражению Тихомирова, «из мужиков», не имея предками не только венценосцев, но и просто лиц благородного сословия. Формальная легитимность, поставленная выше духовного содержания монархии, даже вредна, ибо может привести к установлению лжемонархии.

4. Главный враг России и проблема династии

В наше предапокалипсическое время опасность лжемонархии особенно велика - ведь и антихрист будет лжецарем, то есть лицом, претендующим на Божественное происхождение своей власти, а не просто очередным диктатором или президентом. Наше время особенно богато на всевозможные подтасовки, подделки и мимикрию, когда русские национальные и даже церковные формы наполняются прямо противоположным содержанием.

Готовит пришествие антихриста мировая система зла (или "мировая закулиса", по выражению И. Ильина), завершающая в настоящее время разрушение националь-

7*

ной государственности и мутацию национального духа бывших христианских народов, их полное экономическое и политическое объединение и подчинение себе. В своей основе эта система по-своему религиозна и духовна, имеет главной целью борьбу со Христом и Его Церковью, и возникла на базе того сонмища, которое распяло Христа. Одним из орудий этой системы до последнего времени был коммунизм во всех его видах, но и он имел служебное значение, не играл самостоятельной роли. Выполнив свою задачу тотального разрушения наиболее крепкой христианской державы - России, он ныне сдан в архив. Сама же система зла продолжает свою работу с помощью других орудий, более тонких и более действенных в современных условиях.

Об этом в патриотической русской печати в последние годы писалось много, много было переиздано трудов зарубежных мыслителей по этому вопросу. И потому странно читать в некоторых монархических изданиях заявления, будто главным нашим врагом по-прежнему остается национал-большевизм*. Такая слепота в отношении главного врага Православной России ничем не объяснима. Разумеется, и национал-большевизм имеет свое измерение по отрицательной шкале, зрящей в бездну адову, но не на самом дне. Разве национал-большевики распяли Христа, гнали Его Церковь и разрушали христианскую государственность в продолжение девятнадцати веков? Разве национал-большевиком будет антихрист? Разве, наконец, *национал*-большевиками были первые разрушители России - "февралисты" и первые палачи ее из большевицкого *Интернационала*?

Эта тенденция не называть вещи своими именами, ополчаться не против главного врага - напоминает игру с "соблюдением негласных правил", когда шайбу гонят в одни ворота, боясь "свистка" желтой прессы. Для многих патриотов России это служит немалым соблазном, и,

* Полемику вокруг этого вопроса см.: Белая эмиграция против национал-большевизма // Наша страна. Буэнос-Айрес. 1994. № 2305. 15 окт. С. 1; перепечатано в России: Новый мир. М. 1995, № 1; Назаров М. Необходимый разговор с белой эмиграцией // Литературная Россия. М. 1995, № 30. - *Прим. ред. "РИ"*.

видимо, здесь кроется основа расхожего обвинения русского Зарубежья в его пленении масонством и иудейством. Мы понимаем, что условия зарубежного политического бытия часто не позволяют сказать всего - категорично и официально; мы знаем, что русскому Зарубежью пришлось выдержать долгую и неравную борьбу, в которой были и тайные похищения, и убийства, и выдачи в советские лагеря, и много провокационных лиц и организаций. Но мы знаем и то, что "кто ясно мыслит, ясно и выражается", и боимся, как бы невозможность ясного слова и оторванность от российской жизни не привели к серьезным заблуждениям и сдаче бескомпромиссных позиций.

В непосредственной связи с этим стоит вопрос о династии, точнее о ее "кирилловской" ветви. Мы не будем здесь упоминать о формальных возражениях против этой ветви канонического и юридического характера, приводимых проф. М. Зызыкиным, Н. Тальбергом, К. Веймарном и иными монархистами Зарубежья, чьи свидетельства неоднократно перепечатывались в последние годы в России. Преемником Царя-Мученика не может быть лицо сомнительное и порочное, или настолько презирающее своего святого предшественника, что не стесняется праздновать свадьбу в день его мученической кончины. И уж во всяком случае родственники или свойственники "спонсоров" русской революции (Кирби, Шиффов и пр.) русскими Царями быть никак не могут.

Видимо, тот факт, что никто из членов династии не поддержал Государя в страшные февральские дни, что все нарушили присягу ему и принесли присягу "временщикам" (а некоторые и активно участвовали в перевороте), говорит за то, что Царь-Мученик и его Семья были последними представителями династии и после них уже не нашлось достойных царского служения. Подтверждается это и тем, что в годы гражданской войны ни один из представителей династии не был в рядах Белой Армии и не попытался придать Белому движению монархический характер.

И сторонники "кирилловской" ветви не могут не сознавать, что самопровозглашение "императором" Вел.

Кн. Кирилла Владимировича произвело раскол в монархическом движении Зарубежья, вместо его сплочения; что головка поддерживавших его младороссов была откровенными провокаторами, компрометировавшими монархическую идею, и что, следовательно, все "кирилловское" движение только подыграло врагам России.

Мы уважаем тех сторонников Вел. Кн. Кирилла, которые действовали по соображениям Гринева-отца, оставшегося верным присяге недостойному Петру III, или капитана Миронова, не нарушившего присяги узурпаторше Престола Екатерине II перед лицом явного вора - Пугачева. Всякая такая верность достойна уважения. Но возражения против "кирилловской" ветви настолько серьезны, носят не только личный характер, но и затрагивают самые основы православной монархии в России, что с ними нельзя не считаться*. Для большинства патриотической общественности в России "кирилловская" ветвь абсолютно неприемлема.

Необходимо дать себе отчет, что нам дороже: сам принцип православной монархии, его духовное содержание, или такие претендующие быть "законными" претенденты на Престол, которые угрожают упразднить это содержание?

Если мы исповедуем царскую власть как богоустановленную и верим, что силен Господь и в настоящее время воздвигнуть царский Престол в растерзанной России, то должны верить и в то, что именно Господь укажет в таком случае Своего избранника Своим Промыслом или через пророческое откровение, так что это избрание Божие будет для всех ясно и непререкаемо. Да, здесь мы вступаем в область иррационального, но любой серьезный наблюдатель скажет, что рациональных предпосылок для восстановления монархии в России сейчас нет никаких. Последовательный рационалист вообще не может быть монархистом.

* На эту тему см.: Назаров М. Кто наследник Российского Престола? М. 1998, 2-е расш. изд. - *Прим. ред."РИ"*.

5. Заключение

Судьба нашего монархического движения тесно связана с общей судьбой движения патриотического. Монархист не может ставить себя в исключительное положение "чистого" по отношению к своим братьям, не может хладнокровно наблюдать, как этих братьев убивают в Белом доме. Не таковы были истинные монархисты, как, например, А.П. Кутепов и М.Г. Дроздовский, которые при всем своем несогласии с республиканскими шатаниями лидеров Белого движения все же не покинули его рядов. И сегодня, когда враги нашей веры, родины и народа гонят и убивают многих честных патриотов, а монархистов пока не трогают, - этот факт не может быть причиною самодовольства, но напротив, должен быть причиною сетования. Не гонят - значит, мы столь слабы, что нас не считают достойными противниками, и хорошо, если тайно не предполагают в нас возможных союзников.

Из этого не следует, что надо теперь же бросаться в гущу какой-то битвы, бежать на баррикады, носиться с выборами в очередную Думу, пытаться прибиться к какой-то легальной организации. Нет, все сие от лукавого и на погибель душ и телес человеческих. Нужно сосредоточиться, - как говорил в свое время кн. Горчаков, - собраться в своей келье, поучаться, обдумывать и более всего молиться о спасении державы Российской.

Архимандрит Константин писал: «Подвиг русскости, который до недавнего времени был подвигом православно-патриотическим и церковно-государственным, для нас теперь превращается в особый подвиг верности Богу и Его Церкви». В ответ на эту верность и на эту молитву силен Господь воздвигнуть нам мужей мудрых и сильных, способных собрать и возглавить остатки верных идеалам Святой Руси и ее государственной формы - православного Царства.

Октябрь 1993 г. *Иеромонах Дионисий*

(Статья написана о. Дионисием еще до принятия им монашества и священнического сана; публикуется впервые.)

РОССИЯ ПЕРЕД ВТОРЫМ ПРИШЕСТВИЕМ

Недавно в свет вышла книга "Россия перед вторым пришествием"* - сборник пророчеств святых Отцов и размышлений всякого рода мыслителей о судьбах России и ее эсхатологической перспективе. В предисловии игумен Исаия предупреждает нас, что в книге почти нет авторского текста, но лишь выдержки из первоисточников. Однако же, при чтении убеждаешься, что это не совсем так. Составитель С. Фомин хотя и очень кратко, но излагает свои собственные оценки, достаточно широко распространенные в наши дни, с которыми можно поспорить.

Следует, конечно, оговориться, что сам по себе сборник уникален; работа, проделанная составителем, огромна; тема взята самая животрепещущая, на книге нет официального архиерейского благословения - а значит составитель не был чем-то формально ограничен в трактовке вопросов. Все это располагает читателя к тому, чтобы самым внимательным образом изучить книгу, впитывая сердцем каждое слово**. Но хорошая полиграфия и внушительный тираж (100 тыс.) сразу зарождают невольные сомнения: неужели так громко и в столь приличной печатной форме можно ныне сказать и распространить по всем церковным приходам полную правду по теме, вынесенной в название книги? Неужели правда вылезла из самиздата и машинописи на стотысячные тиражи?

---

* Россия перед вторым пришествием. Сост. С. Фомин. Изд. Свято-Троицкой Лавры. 1993.

** В данной статье имелось ввиду первое издание книги, в котором не было еще явных выпадов против Русской Зарубежной Церкви, например, поддельной вставки в житие и пророчества преп. Лаврентия Черниговского, который "проходил по делу" как непоминающий митрополита Сергия и потому на самом деле не имел отношения к Московской Патриархии. Второе издание уже явно показало позицию составителя в этом отношении. - *Прим. автора 1997 г.*

Более близкое знакомство с книгою подтверждает сомнения. Мы не посягаем здесь на достоверность приводимых материалов. Смущают лишь некоторые оценки их. Можно привести много листов святоотеческого текста, а затем дать лишь очень краткое его пояснение применительно к нашим дням, и неискушенный читатель усвоит в основном комментарий, имеющий к нам гораздо более прямое отношение, чем древнее пророчество. Поэтому, хотя слов составителя в книге, действительно, мало - вес их призван быть решающим.

Начнем с частности и постараемся уловить скрытую, более глубокую причину некоторых ошибочных суждений уважаемого составителя.

Прежде всего ошибочным представляется его мнение, что якобы Царь Мученик, пострадав за грехи народа, искупил его вину своими страданиями. Мы искуплены от греха только Крестом Христовым, причем эти слова нельзя понимать юридически, и истинный смысл Голгофской Жертвы остается до конца неведом никакому тварному уму.

Ни один человек своею смертью и страданием не может ни заменить, ни дополнить Голгофу, единую и всемирную Жертву Безгрешного, Иже во единем Лице Архиерей и Овча бысть. Аще же во ином ком оправдание - убо Христос туне умре (ср.: Гал. 2, 21). Конечно, мученики - семя Церкви - своими молитвами укрепляют верных и помогают обращению неверных, и по смерти успевают в сем деле более, чем при жизни на земле. И тем не менее, их небесное предстательство нельзя понимать так буквально, как искупление одного человека страданиями другого.

Могут возразить, что это просто придирка к словам, слишком буквальное понимание смысла образного выражения. Но увы, из этого выражения вытекает некая практическая установка, которая показывает, что речь идет не просто о словах, а об аскетической ошибке по существу.

Вывод делается тот, что достаточно покаяния в цареубийстве, в нарушении Соборной Клятвы 1613 г., достаточно канонизации Царской Семьи - и последствия чер-

ного для Руси Февраля будут сами собой ликвидированы. Послание Патриарха и Синода МП к 75-летию Екатеринбургской Голгофы доводит этот не сформулированный в книге вывод до логической точки. В этом послании говорится, что никакие самые благие начинания (которые, как подразумевается, намечала революция по социальному переустройству) не должны достигаться худыми средствами. Далее приносится покаяние в гибели бывшего Императора и его семьи среди прочих жертв революции, жертв не идеи революционной, а ее дурных методов. При этом подчеркивается, что такое покаяние приносится независимо от отношения к монархической идее.

Из этих слов Послания некоторые поспешили даже сделать вывод, что грех цареубийства уже не тяготит нашу соборную совесть, главное, мол, сказано, и все хорошо. И при этом, к сожалению, не сказано ни слова осуждения греха революции как эсхатологического явления, как отверстия врат для антихриста; ни слова об исповедании Церковью православного самодержавия как единственного богоданного устройства общества, ни слова о грехе отречения Русской Церкви от самой идеи монархии и от Царя лично в Феврале 1917 г. и на последующем Поместном Соборе.

Причина этих достаточно явных ошибок - неправильный, слишком упрощенный взгляд на грех Февраля 1917 г., на возможность перекладывания греха народа на рамена Царские. Очень хочется кому-то, чтобы грех народа полностью бы взял Царь, а мы остались бы лишь при своих мелких, ежедневных грешках. Даже поговорка откуда-то нашлась: народ согрешит - Царь умолит. Увы, народ согрешил, Царь кровь пролил, душу спас и ждет того же от нас. Но не проще того!

Вторым и тоже распространенным заблуждением является восприятие явления Державной иконы как знамения установления скрытого "*Удерживающего*" в лице Божией Матери вместо православного Царя, который по единодушному мнению свв. Отцов является "Удерживающим" мiровое зло вместе со всей системой православной царской власти. Это классическое святоотеческое понимание "Удерживающего", надо отдать должное, раскрыто

в книге подробно, аккуратно и с любовью, но это тем более лишь подчеркивает нелогичность вывода о том, что роль "Удерживающего" полностью переходит в руки Божией Матери. Как будто раньше не являла Пречистая Владычица Своего заступления роду христианскому во дни православного Царства! Как будто не удерживала Она тогда нашествия тьмочисленных варварских орд! Как будто помощь Ея в те годы была менее заметной, чем ныне! Зачем тогда, спрашивается, нужен был Царь? Кого он тогда удерживал, если все и без него удерживалось?

Более того, разве можно чудеса от Державной иконы сравнить с обстоятельствами Хозроева нашествия на Царьград или Тамерланова нашествия на Москву, или хотя бы с Балаклавской бурей, разметавшей в щепки английский флот в Крымскую войну? Безусловно, помощь Божией Матери и иных святых боголюбивому воинству и православному народу в благословенные царские времена была неизмеримо больше, чем после 1917 г., хотя, столь же бесспорно, что помощь частным лицам, верным, разумеется, не оскудела. То и другое - в соответствии с духовным состоянием народа и отдельных лиц.

Здесь опять-таки возможно возражение и упрек в цеплянии за слова, в попытке "измерить" благодатную помощь тогда и сейчас. Могут возразить и так, что вот, антихрист уже 75 лет никак не придет, хотя по логике вещей должен был бы появиться сразу после Февраля. Значит, кто-то его все это время удерживает. Человеческих средств к его удержанию просто не осталось. Отсюда вывод, что удерживает его лишь благодать Божия, да молитвы Владычицы.

Но, к сожалению, из этого может быть выведено и совсем неправильное следствие - хотя оно не всегда провозглашается громко: что и не нужны теперь человеческие средства удержания. Был Царь земной, а теперь вместо него Небесная Царица. И вроде как все в порядке.

На самом же деле, *удержания* в апостольском смысле слова сейчас просто нет. Зло движется семимильными шагами. Адский змий, освобожденный на малое время, использует это время на погоню и растерзание своей жертвы. Только этой малой задержкой и объясняются, на

наш взгляд, десятилетия, прошедшие без антихриста, но в напряженнейшей подготовке к его воцарению. Зло наступает открыто, с каждым днем все больше обольщенных, погибающих, все меньше спасающихся. Некому сказать властное *вето*, смиренного исповедания веры никто не слушает. Роль православного самодержца, истинного и любезного Господу, не самозванца, не вора - эту роль в истории не сыграет никто иной.

В Церкви, по учению архим. Иустина Поповича, все богочеловечно, всюду взаимодействие Божественного и человеческого фактора. И есть какие-то человеческие видимые институты - богоданные! - без которых нельзя обойтись, которые нельзя исключить из умозрительной картины. Как нельзя было Богу обойти своим чисто Божеским действием Плоть и Крест, - вещи чувственные, - точно так же нельзя заменить православное земное Царство чем-то иным, чисто Небесным. Точно так же нельзя полностью заменить постов и поклонов только богомыслием и чтением Библии. Нужно всегда сочетание земного с небесным, видимого с невидимым, иначе мы впадем либо в материализм, либо в монофизитство. Если какой-то из земных факторов в приведенных примерах отнять, то, может быть, что-то останется, но совсем не то, искажение будет неустранимым.

Поэтому тезис об исполнении Божией Матерью функций "Удерживающего" мiровое зло требует важной оговорки. Небесное Удержание остается лишь на последнем этапе и не заменяет полностью функции православного Царя. Царь же удерживает зло, конечно, также силою Божией и молитвами Пречистой, но он, как орудие Промысла, используется раньше и *удержание* зла им является более глубоким и полным. Непонимание этого вредно тем, что отводит нас от исповедания православного самодержавия как единственного политического идеала Церкви и от молитвы за его восстановление.

Далее, в книге дана совершенно непонятная оценка Фатимскому явлению, полностью выпадающая из общего православного контекста. Описание фатимского "Чуда солнца" в сопоставлении с учением свт. Игнатия Брянчанинова о чудесах и знамениях, невольно приводит на па-

мять слова поэта: «Чистейшей прелести чистейший образец», равно как и требования к Папе от лица якобы Божией Матери о посвящении России Ея сердцу, что является условием спасения России.

Акт такого посвящения, сам по себе Церкви не известный, притом без всякого участия самих русских, представляется бессмысленным. Как Папе спасти Россию без самой России? Почему это должно делать лже-главе лже-церкви? Темно и непонятно для православного сердца*.

Зачем же было составителю обращать такое внимание на это сомнительное явление? Позволим себе высказать предположение, быть может, неверное, но небезосновательное. Рассказ о Фатимском чуде создает общее впечатление важности высказывания "главы" Церкви, его личного слова вместе со словом епископата. Если Папа посвятит Россию сердцу Божией Матери, - все будет хорошо. А если не Папа, или не посвятит, или не Россию, - то плохо. Папа до сих пор (говорится в книге) этого не сделал - и вот все никак дело не клеится. А как только сделает**... С. Фомин, конечно, совсем не стремится воз-

---

* В православной среде существуют разные оценки самого явления. Однозначно и категорически отвергается требование такого "посвящения России". Даже если бы португальским детям являлась Сама Божия Матерь, то это условие никак не могло исходить от Нее. Такое требование простирает владычество Папы на то, что ему никак не может принадлежать, по сути на весь міp. Неужели же Божия Матерь станет настойчиво требовать такого утверждения главной ереси латинства? Неужели Сама будет помогать Папе взять на себя промыслительные действия Ея Сына? Скорее же всего, в Фатиме являлась не Божия Матерь, как это явствует из других деталей описания чуда. - *Прим. автора 1997 г.*

** Вышеприведенные сомнения относительно "посвящения" России оправданны. Однако С. Фомин отмечает, что слово "посвятить" может здесь означать: отдать Богу, то есть отказаться от попыток "обращения" России в католицизм. Возможно, что явление Божией Матери в Фатиме было истинным - для вразумления апостасийного Запада, предавшего удерживающую Россию, но католики исказили смысл этого явления (так они поступали и ранее, например, с явлением в Лурде), что-то замолчав, что-то добавив, что-то перетолковав... Ведь мы знаем о содержании этих слов Божией Матери только в официально апробированном пересказе Ватикана. Известно также, что "главную тайну", переданную Божией Матерью детям, Ватикан по каким-то причинам скрывает до сих пор - видимо, как невыгодную для себя. - *Прим. ред. "РИ".*

высить католического Папу, но в приведенном им тексте чувствуется, как важно слово *главы*... Остается только на место плохого Папы поставить хорошего Патриарха.

При всем сказанном составителя никак нельзя упрекнуть в однобокости подачи материала. У него мы видим многое, что, по-видимому, напечатано в России впервые или печаталось раньше в малотиражных полулегальных газетах типа "Земщины" и "Града Китежа". Аккуратность и скрупулезность подготовки первоисточников налицо. Но при всем этом сказывается и такой фактор, который называется "*влиянием школы*". Школы Московской Патриархии.

Наряду с распространенными ныне частными ошибками, три из которых мы указали, существует и ряд недоговоренностей и неясностей в оценках, и это еще в большей мере подчеркивает влияние указанной "школы" на міропонимание.

Так, составитель цитирует пророчества об отступничестве в епископате, естественно, без комментариев. Как и с чего начинается, продолжается и заканчивается это отступление, сказать нельзя, не употребляя слов "сергианство" и "экуменизм", однако эти темы в структурах Патриархии как правило запретные. О них не просто нельзя говорить, но и мыслить в таких категориях возбраняется. В результате получается "провал" в логике суждений. С чего бы это вдруг архиереи, как сказано в пророчестве, так онечестивятся, что главному догмату воскресения веровать перестанут? А читатель смотрит и думает: да ну, когда-то еще все это будет, наши-то вроде в воскресение веруют... И не разумеет, что всякое неверие вырастает постепенно из неверности.

Вообще в рамках такой "школы" не может быть доступно представление о целой системе лже-церкви*,

---

* Здесь разумеются поместные Церкви - члены Всемирного Совета Церквей, в большинстве - новостильные. В марте 1992 г. состоялось их общее Совещание Глав, на котором были вновь осуждены все прочие православные юрисдикции, прежде всего Русская Православная Церковь за границей и различные старостильные группы, не участвующие в экуменическом движении. - *Примеч. автора 1997 г.*

сформировавшейся в недрах официального православия (далее мы будем употреблять сокращение ОП - официальное или, кому больше нравится: отступническое православие). Эта лже-церковь включает в себя уже не только отступнический промасоненный епископат, но и соответствующим образом воспитанное духовенство и мiрян по всему миру.

Системе ОП свойственны, среди прочего, и те заблуждения, которые мы отметили в рассматриваемой книге. Это и отход от политического идеала Церкви - православного самодержавия - открывающий путь ко всяким сделкам с наличными антихристианскими властями. Это и растворение четких и строгих выводов православной догматики и аскетики в громадном скоплении частных образных высказываний, видений, снов, откровений, случайных совпадений, толкуемых нередко весьма произвольно. Это и умаление личной ответственности всякого христианина, желание скрыться за святого-искупителя, за старца, за "Папу", за Собор.

Гибкая сергианско-экуменическая совесть также не выдерживает нагрузки личной ответственности и невольно ищет разгрузчика. Она невольно создает "Папу" в среде прочих пап-архиереев, ей очень нужен вожатый, которому дозволено лгать и ошибаться так, чтобы поддакивающие ему не имели бы греха. В этом сущность нынешнего "папизма", в который превращено в структурах Патриархии старчество. Иногда для лучшей маскировки под "Папою" понимается Собор микро-"пап", но суть остается прежней: не того хотят, чтобы Собор выразил общую веру Церкви нынешней и прошедших времен, а поручить Собору ("Папе") потихонечку лгать для нашего удобства и снятия с нас ответственности.

В рассуждении о последних временах ОП показывает свою принципиальную ограниченность. Ему никак не взять в толк, что антихрист будет порождением всей отступившей Церкви. Кстати, ОП постоянно утверждает, что предсказанное апостолом Павлом отступление относится не к Церкви, а к мiру вообще. Это заблуждение: не мiр отступает от Христа, Которому он никогда и не

был верен, а именно Церковь, сохраняя внешние формы, отступает от сущности христианской веры и жизни.

Если мы примем в качестве отправной точки понятие об отступлении в Церкви, то возникает целый ряд новых догадок, отчасти подтверждающихся свято-отеческими предсказаниями. Все, что будет сказано ниже, ни в коем случае не следует воспринимать, как претензию на пророчество, как обобщение всего свято-отеческого опыта и т. п. Это не более, чем частное мнение.

Рассуждение начнем с того, что антихрист не есть только частное лицо. Он будет подготовлен и порожден целой религиозной системой и сам возглавит всемiрную диктатуру, свое антихристово Царство.

ОП, вступившее в сговор с системой подготовки антихриста, естественно, не говорит о ней, а простые люди, слепо шествующие за руководством ОП, ее не видят, почему те и другие так увлечены исследованиями личности антихриста и всякими поисками блудницы из колена Данова.

Между тем, ничего не возражая против предсказаний об этой ужасной личности, постараемся поставить вопрос несколько шире. Антихрист не как историческое лицо, а как эсхатологическое явление, тоже будет происходить от блудодеяния. Кого с кем? - При рассмотрении современности напрашивается ответ: от блудодеяния Церкви Христовой с синагогой. Когда это духовное блудодеяние совершится, тогда и отыщется искомая блудница из колена Данова. Священное Писание под блудодейством гораздо чаще понимает грех народа Божия против первой и второй заповедей, чем грех частного лица против заповеди седьмой.

Согласно пророчествам, например, Лаврентия Черниговского, антихрист будет короноваться как всемiрный царь. Описывая его коронацию, старец упоминает о крестном знамении и чтении Символа веры. Это наводит на мысль, что человек беззакония будет посвящен на царство в православной церкви-блуднице, то есть в системе ОП, и он будет преподнесен народу как "православный" царь, помазанный столь же "православным" патриархом.

Все это вполне согласно со стратегической задачей антихриста: прельстить, аще возможно, и избранных, то есть православных. ОП, навыкшее послушанию паче поста и молитвы, уже сейчас вполне способно принять такого царя, если ему сделана будет соответствующая реклама и если старцы, обладающие определенного рода близорукостью, благословят его, ошибочно приняв за пророчествованного перед концом истинного Государя. Не потому ли, кстати, враг так охотно попускает рекламу последнего перед антихристом Царя? Именно за этого Царя и выдаст себя беззаконник. И человек неискушенный, не видящий за лицом антихриста породившей его системы, может здесь легко обмануться.

Итак, вполне сформировавшееся к тому времени отступническое сонмище легко примет антихриста. Примут его, естественно, и те, кто его подготовит и породит, то есть талмудисты. Их не испугает и не отвратит флирт Мошиаха с христианством, они прекрасно знают, что такое ОП, ибо они сами выпестовали это явление долгими десятилетиями кропотливой селекции.

Для лучшего прельщения православных уже создано мощное иудействующее крыло внутри ОП. Прочие же народы или признают антихриста сразу, или будут им сразу уничтожены.

Роль современного ОП еще несколько веков назад вполне могло сыграть и папство. Институт централизованной церковной власти и абсолютного духовного авторитета - разгрузчика совести - вещь чрезвычайно удобная и даже необходимая для сговора Церкви с антихристом. Но, к огорчению талмудистов, тогдашнее папство оказалось еще к этому не способным, располагая само значительными материальными средствами, стремясь само к мiровому господству без помощи еврейского капитала, и кроме того, не потерявшее до конца христианского мiросозерцания, включая и понятие о последних временах. Кратко сказать, столь "антисемитский" Папа для коронации антихриста еще не годился. Ныне, впрочем, он уже вполне до этого созрел.

Однако же талмудизм не сделал ставки на Рим, главным образом даже не в силу указанных причин, но

8 — 3416

потому, что еретическому латинству тогда противостояло сильнейшее православное крыло. Прельстить Запад было проще, используя его привязанность к земному, но вся изюминка состояла в том, чтобы прельстить православный Восток.

Для этого-то и пущена в дело вся механика в духе "Протоколов сионских мудрецов", создающая материальные предпосылки прельщения православных. Для этого же, начиная с "русской" революции, или даже чуть раньше, начала формироваться новая - "живая" или обновленческая - церковь. Способы устройства этой церкви мiровая закулиса меняла, но ныне результат ее работы налицо. Видимо, цель уже почти достигнута. Параллельно удалось приручить и папство, используя в основном рычаги финансово-экономические.

Итак, блудодейственный чертог подготовлен и ожидает своих участников.

Кто же такая вавилонская блудница? Наверное, все-таки не Россия и не Америка, даже не иудейская синагога, иначе с чего бы было так сильно дивиться на нее тайнозрителю? (Откр. 17, 6.) Очевидно, имелась ввиду соблудившая Церковь - то, что мы назвали здесь ОП, ведь образ жены в пророческих писаниях, как правило, указывает на духовную невесту Божию*.

Есть в Писании и в отеческих пророчествах много неясных мест, касающихся массового обращения иудеев к истинному Богу и Спасителю при антихристе. Апостол Павел, раскрывая некую тайну римским христианам из необрезанных, говорит даже, что «весь Израиль спасется» (Рим. 11, 26). Весь Израиль! Речь идет не о Новом, но именно о Ветхом, плотском. Кто честно, положа руку на сердце, может сказать, что он безоговорочно с этим согласен? Кто не испытал внутренней борьбы, читая это пророчество? Ах, если бы это было только словом кого-либо из свв. Отцов, можно было бы еще спрятаться за

---

* Недавно в Москве издана неизвестная автору ранее книга Льва Тихомирова "Религиозно-философские основы истории", в которой на основании и некоторых святоотеческих свидетельств дается именно такое раскрытие образа Вавилонской блудницы - отступническая церковь. - *Прим. автора 1997 г.*

расхожую формулу "частное мнение". Но ведь это - Священное Писание, высший авторитет в Церкви.

По отеческому толкованию, речь идет все же об остатке Израиля, который уверует во Христа. Но остаток сей не два-три человека, а 144 000 - символическое число полноты: 12 x 12 x 1000. Таким остатком нельзя пренебречь, нельзя посчитать его стремящимся к нулю. Откуда же он возьмется?

Совершенно согласимся с теми, кто ныне не видит во Израиле никаких, самых малых, признаков обращения. Полной ошибкой было бы посчитать за "костяк" этого остатка нынешних евреев, заполнивших систему ОП. Это - лучшие проводники антихристовой идеи, они находятся в официальной Церкви именно вследствие ее отступления, одновременно являясь катализатором самого процесса отступления. В большинстве своем они уже нашли способ оставаться евреями в среде еврейской и сделаться православными в среде православной. Еврейский Мошиах, становящийся "православным царем", для таковых просто находка, его понесут на руках как последнюю надежду, объявляя его тем самым долгожданным "государем", который и защитит Россию от антихриста.

Нынешние официально-православные евреи, типа последователей Александра Меня - замечательно творческие люди. Они создали совершенно особое, свое православие, сочетающее еврейскую клубность, кружковщину с приверженностью официальному курсу нынешнего "православного папства". Они более всех поддерживают нынешнего Патриарха и рекламируют разных нынешних старцев. Всякий, кто мог бы хотя бы внешне претендовать на роль старца, окружен плотным кольцом услужливых картавоязычных неофитов. Найти среди них истинного православного, отошедшего от своего еврейского кружка, понимающего всю неправду и все духовноблудные цели ОП, понимающего всю опасность своего наследственного и воспитательного багажа, не забывшего о своем еврействе, но воспринимающего свою национальность как дополнительное тяжелое искушение, как особую ветхость своего ветхого человека - найти такого еврея в Православии очень сложно, тем более, что ОП

8*

воспитывает прямо противоположный взгляд на еврейский вопрос в Церкви.

И тем не менее, слова апостола остаются. Кого же он, в конце концов, имел в виду? Уж не себе ли подобных, обращающихся из ретивых «преуспевателей в жидовстве» (Гал. 1, 14) в избранные сосуды Христовы? Таких трудно найти в нынешней "евангелизированной" еврейской среде - не поискать ли их "на противоположном конце", в самых глубинах иудаизма? Может быть, такие найдутся, например, в среде сефардов, составляющих примерно седьмую часть в общем составе «глаголющихся быти иудеи» и не составляющих по материальному влиянию особой конкуренции остальным. Характерно, что именно "хазары"-ашкенази, возможно, не являясь (как предполагают некоторые еврейские же авторы) собственно иудеями и даже семитами по крови, так торопятся с поиском Мессии, и именно сефарды охлаждают их ретивые головы. "Хазарам" от своего мессии нужны лишь земные блага. Сефарды в этом отношении как будто осмотрительнее и глубже. "Хазарская" религиозность гораздо более поверхностна и экуменична, среди "хазар" гораздо больше ассимилянтов по крови и духу, наконец, именно в "хазарских" руках все мiровые деньги, кадры и информация. "Хазар" - человек будущего, сефард погружен в свою традицию*.

Необходимая черта христианина - верность, внутренняя замкнутость и идейная обособленность своей веры, несовместимость своего храма с идолами, независимость своих религиозных убеждений и жизни от лукавого духа времени. На этих чертах еще возможно построение благовестия Христова - на гибкой же экуменической "веро-

* Такое складывается о них впечатление со стороны. Вероятно, что и главная роль в создании тайных обществ, в «работе среди гоев» принадлежит большей частью ассимилянтам, которые легко внедряются туда, откуда благочестивый традиционный иудей бегом побежит омываться от скверны. Впрочем, для решительного суждения еврейскую среду нужно знать лично и изнутри, каковой возможностью мы не обладаем, потому и все оценки оставляем лишь как приблизительные, в том числе и вопрос происхождения тех или иных частей еврейства. - *Прим. автора 1997 г.*

терпимости" оно неосуществимо*. Сам апостол Павел до своего обращения, при всей своей озлобленности против Христа, сохранял эти положительные качества, он всегда был человеком не времени, а идеи, почему и избран "сосудом избранным".

Конечно, ошибочно было бы предполагать уже ныне в среде сефардов неких союзников против антихриста. Пока они такие же и еще худшие Савлы-гонители. И тем не менее, есть основания предположить, что именно из этой среды стойких, не ассимилированных иудаистов выйдут - не иначе, как особым великим действием благодати Божией - подобники апостолу Павлу, коль скоро суждено же в конце концов сбыться его пророчеству. Как это может произойти? Возможно они первыми почувствуют - раньше православных - фальшь Мошиаха в его флирте с христианством. «Зачем это наш Мошиах рядится в православного царя? Зачем представляет себя гоям в качестве их Иисуса из Назарета? Почему опять этот Иисус в центре внимания? Если ты всесильный избавитель Израиля, то для чего тебе под кого-то подделываться? Кстати, делал ли что-то подобное Сам Иисус? Напротив, Он не стремился к популярности, всячески обличал лицемерие. Рядился ли он в одежды какого-то еретика? Нет. Более того, Он предсказывал, что придет иной во имя свое, которого примет Израиль, и вообще многие придут под Его именем и так угодят толпе, что она их примет. Наверное, истинный Мессия не имел бы нужды в каком-то приспособленчестве под человеков, Он действовал бы Сам от Себя. Уж не Иисус ли в самом деле это был?» - Вот возможная логика честного иудаиста, если она может быть предугадана.

Евреи вообще очень хорошо чувствуют чужую фальшь и лицемерие, они замечательные психологи. Мо-

* Не случайно еврейские ассимилянты постоянно проповедуют в церковной среде "открытость міру", отсутствие абсолютных истин, бесконечные "диалоги" и т. п. Наиболее ярким открытым выразителем этой идеологии "открытого общества" является повсеместно рекламируемый в России миллиардер Дж. Сорос, ставящий своей задачей ни много ни мало как формирование этого нового міровоззрения у всех русских людей. - *Прим. автора 1997 г.*

жет быть, это объясняется тем, что они столько веков обучались актерскому режиму поведения, живя среди гоев, обманывать и дурачить которых есть немалая добродетель благочестивого талмудиста. Характерно, что именно евреи дают самую строгую и нередко более точную оценку нынешнего православия. Там, где мы по своей русской мечтательности склонны видеть духовное возрождение, они с тайным удовлетворением отмечают скорее признаки комедии. Так что и спектакль Мошиаха чуткие евреи оценят по достоинству. И если "хазарское" большинство сочтет его нужным, талмудически благословенным и крайне необходимым средством покорения гоев, то, может быть, среди самых обособленных и глубоких традиционалистов найдутся такие, кто не простит лжи претенденту на Мессию и не примет его.

Такие, быть может, послушают проповеди имеющего прийти пророка Илии, познают Мессию истинного, «воззревше Нань, Егоже прободоша» отцы их. Они на деле повторят историю обращения апостола Павла, который и в иудействе своем был предельно искренним. Вот и получится, что собственно Израиль и спасется, - если допустить, что "хазары" даже этнически не Израиль, а тюркское племя, яфиты, принявшие талмудизм и разработавшие его дальнейшие идейные вариации от вольтерианства до коммунизма и "открытого общества" сегодняшнего дня.

Еще раз повторим, что все сказанное - не больше, чем предположение. Если ему суждено сбыться, то это лишь подтвердит верность исходной посылки о том, что антихрист есть порождение духовного блуда Церкви с синагогой.

Обратим внимание еще на одни слова Апостола: «...ожесточение произошло в Израиле отчасти до времени, пока войдет полное число язычников» (Рим. 11, 25). Сказано это язычникам, чтобы они «не мечтали о себе». Можно ли это понимать так, что ныне наступает то время, когда полное число язычников уже почти вошло, эпоха широкого миссионерства закончилась? Теперь Церковь сохраняет лишь незначительное число верных. Широкого обращения язычников уже ждать не прихо-

дится. Но при самом антихристе ожидается широкое обращение последней волны иудеев. История может "вывернуться наизнанку" вот в каком смысле. Опять оправдается притча о званых, которые отвергли Божию брачную вечерю, и о незваных, собранных потом по стогнам и халугам, которые вошли в чертог. Только теперь роль званых будут играть не ветхие (как во времена Христовы), а новые израильтяне, последователи ОП в основном из язычников; а роль не отвергших призыва Божия - этот самый остаток Израиля, ныне еще чуждый истинной веры, но зато, быть может, сохранивший каким-то чудом искренность в своей религиозности, духовно еще не соблудивший.

Страшно, будучи православным, писать такие строки. Такая возможность и в голову не могла бы прийти, когда бы не наблюдение церковной апостасии с одной стороны, и пророчества об обращении - с другой. Но опять же поясняет Апостол: «Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы» (Рим. 11, 30-31), а это произойдет, как нам представляется, как раз когда кончится послушание тех, кто из язычников стали христианами. Эти иудейско-языческие "качели обращения", как растолковывает дальше сам апостол, и дают возможность спастись всякому человеку, всякого рода и племени, лишь бы он сам того захотел: «ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать». Одни обращаются, другие ожесточаются, затем наоборот.

И что же сказать, глядя на это? Не согласиться ли с апостолом, воскликнувшим сразу после своего дивного и тайного для многих поколений вперед пророчества: «О бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неизследимы пути Его!» (Рим. 11, 33).

Сентябрь 1993 г. *Священник Тимофей*

ДВА ПОЛЮСА РУССКОЙ ЦЕРКВИ*

В последнее время в общественных кругах России и Зарубежья активно обсуждается вопрос о преодолении раскола в Русской Церкви. В качестве посредников-миротворцев нередко выступают политики разной ориентации, но почти все они с удивительным единодушием вину за раскол возлагают на епископов Русской Зарубежной Церкви, прибегая при этом порою даже к прямой неправде,

---

* Статьи в этой части книги содержат особенно резкие суждения о положении в Московской Патриархии. Насколько широко они применимы и к кому - судить читателю. В любом случае, продолжая сказанное в предисловии, необходимо еще раз подчеркнуть, что *эта критика не касается тех многих искренних членов Русской Православной Церкви разных уровней, которые понимают опасность ситуации и стремятся к ее преодолению.* Они, вероятно, согласятся не со всеми суждениями, публикуемыми здесь. Но все же данных авторов, искренне озабоченных судьбами Церкви и своего народа, нельзя смешивать с критиками вроде Г. Якунина, нападающими на Московскую Патриархию совершенно с противоположных (демократических) позиций. *Эсхатологическое* видение близящихся последних времен, а не стремление к обличениям - вот причина и цель данной критики, отношение к которой должно зависеть прежде всего от ответа на этот вопрос: насколько близки последние времена.

Для лучшего понимания позиции авторов необходимо также учесть, что они, будучи сельскими клириками МП в глубокой провинции - как раз в это время перешли в юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви, следуя голосу совести и сознавая, что уходят из господствующей структуры в гонимую. Ведь приходы зарубежной юрисдикции в России уже несколько лет подвергаются притеснениям, изгнаниям из храмов, несколько священников были убиты...

Одновременно и во всем мире усилились гонения на Русскую Зарубежную Церковь: ее монахи изгнаны греческой полицией из Ильинского скита на Афоне за отказ поминать Константинопольского Патриарха-экумениста; при помощи палестинской полиции отнят Хевронский монастырь у Мамврийского дуба на Святой Земле; убит монах Иосиф, хранитель Мироточивой иконы Иверской Божией Матери, а о ее местонахождении, к моменту сдачи книги в печать, сведений получить так и не удалось; сожжен собор первоиерарха Зарубежной Церкви в Монреале; Патриарх Алексий II поставил вопрос о "возвращении" эмигрантских храмов в Германии, от которых СССР официально отказался в 1930-е годы...

Эти условия противостояния, к сожалению, отражаются и в напряженном тоне дискуссии по этим вопросам с обеих сторон; тем не менее нельзя упускать из виду ее содержание. - *Прим. ред. "РИ".*

и призывают к объединению всех частей Русской Церкви вокруг Московской Патриархии (МП).

Такие слова, как "раскол" и "единство", которые используют также и подобные обвинители из самой МП, к сожалению, оказывают большое воздействие на умы людей честных, но малоцерковных. Слово должно быть одеянием мысли, но в наше время слова сплошь и рядом имеют совсем не тот смысл, что в прошлом. Так, например, слово "раскол" в житейском понимании означает разделение некоей организации на большинство и меньшинство, или на две половины одного достоинства. В церковном же понимании "раскол" означает отделение от Кафолической (вселенской) Апостольской Церкви. Понятие кафоличности в свою очередь также понимается ныне по-новому. Кафоличность Церкви на самом деле означает не равнение на большинство или на "начальство", а единство учения Церкви с Откровенной истиной, ее всецелое духовное преемство с основоположниками - апостолами. "Кафоличность" в отличие от "экуменичности" есть внутренний критерий Церкви, а не внешняя характеристика, кафоличность означает особое духовное качество, а не внешний пространственный или количественный охват.

Два критерия русскости

В русском обществе со времени революции и доныне существуют две оценки того, что считать Россией. Одни полагают, что Россия - это евразийская котловина в одну шестую часть суши, либо империя в границах 1914 (или даже 1945) года; а русский народ - это население, которое там проживает, работает и голосует "*за*". При таком критерии России оказывается, что и Сталин был "выразителем русского духа" и "воссоздателем Российской Империи", и те, кто обслуживал его режим, пребывали «с нашим правительством и с нашим народом», - как писал об этом в Декларации 1927 г. митрополит Сергий. Люди этого направления всегда подчеркивали, что они стоят на своей земле, что они с большинством, что мас-

сы идут за ними. Для этих людей истина не являлась самоценностью, все решал текущий момент. Поэтому они легко меняли вехи и знамена, снимали погоны и снова надевали их, легко вступали в любые коалиции и легко предавали вчерашних союзников, а "диалектическое мышление" избавляло их от угрызений совести.

Люди другого направления полагают, что Россия - понятие прежде всего духовное, что Российская Империя - лишь футляр, который хранит драгоценную сердцевину - Святую Русь (выражение архим. Константина Зайцева), что потому русскими не рождаются, а становятся, и русскость есть особое духовное качество человека, а самосохранение в этом качестве есть особый "подвиг русскости", к которому каждый из нас призван свыше. Люди этого направления, жалея, что многие из них живут на чужбине и что большинство соотечественников идет не с ними, почитают более важным свое преемство с исторической Россией, свою духовную связь с ее святым прошлым. Для таких патриотов вопрос истины важнее всего и какие-либо компромиссы с ложью неприемлемы. Очевидно, что два указанных направления не сводимы друг к другу.

И в Русской Церкви с самого начала революции четко определилось подобное разделение по двум направлениям: одни считали Русской Церковью земную иерархическую организацию и любой ценой "спасали" ее легальное существование; другие почитали важнейшим свое духовное преемство со святым прошлым и ради этого жертвовали удобствами земного бытия. И мы, пытаясь понять нынешнее состояние Русской Церкви, желаем пребывать в духовной связи с теми, для кого вопрос церковной истины был важнейшим, а потому и обращаемся к их наследию. Особенно актуальными для нас являются труды идеологов и учителей Русской Зарубежной Церкви - архиепископа Аверкия (Таушева) и архимандрита Константина (Зайцева). Ключевым же является понятие апостасии, разработанное ими.

Две первых формы апостасии: папство и экуменизм

Отпадение папского Рима от Кафолической Церкви открыло в ее истории новую эпоху - эпоху апостасии. Содержа в себе многие догматические заблуждения и канонические нарушения, *папство* полностью не исчерпывалось понятиями ереси и раскола, ибо имело и качественно новые черты: оно *подменяло собою истинную Церковь Христову* и всеми средствами *вело борьбу за ее уничтожение.*

Папство ввело понятие о Церкви как прежде всего о чисто земной иерархической организации во главе с Папой, подменяющим собою Христа и заслоняющим Его от верующих. Несмотря на явно антихристианский характер такой подмены, она удалась, так как для множества людей с минимальными духовно-нравственными запросами необходим внешний авторитет, снимающий с каждого личную нравственную ответственность в награду на слепое повиновение себе.

Латинская форма апостасии породила и нечто новое - "восточный обряд", который совершенно обесценил догматические вероопределения и таинственно-богослужебные чины по сравнению с единственно важным для него - признанием папского примата.

Второй формой апостасии, организационно возникшей в этом столетии, явился *экуменизм.* Своими корнями он уходит в учение масонских лож XVIII-XIX вв. с их проповедью "универсального христианства" (см.: прот. Г. Флоровский. "Пути русского богословия"). В экуменических категориях мышления совершенно исчезают грани, разделяющие истину и ложь, Христово и антихристово, все становится относительным и условным. Низведение на один уровень правды и неправды и их смешение выражается в совместных межконфессиональных и межрелигиозных молениях и богослужениях, в которых заключен весь пафос экуменизма. Как отмечал архим. Константин, главное в экуменизме - это полная утрата духовного целомудрия, это постоянные измены своей вере, постоянное духовное прелюбодеяние.

Третья форма апостасии: "советская" Церковь

Причиной появления этой формы апостасии в нынешнем столетии послужило стремление части духовенства Русской Церкви (во главе с митрополитом Сергием) спасти земную церковную организацию в условиях гонений от богоборцев путем выполнения всех требований гонителей. "Сергианство" вывело наружу те апостасийные тенденции, которые накопились в Русской Церкви за предыдущие два столетия во многих областях церковной жизни. Проф. Флоровский отмечал, что к концу XIX в. четко определились два крыла: сторонников истинного Православия и сторонников модернизированного христианства - и размежевание стало неизбежным. Революционная катастрофа, имевшая глубокий эсхатологический смысл, привела это размежевание в действие, хотя и придала ему политическую окраску. Но это не должно заслонять от нас духовного смысла разделения в русской Церкви - того, что произошло отпадение от истинной Церкви всех отступнических сил.

Эти силы по-разному были оформлены организационно: обновленческое "Высшее Церковное Управление", "сергианская" Патриархия, "евлогианский" Экзархат в Западной Европе, польская, украинская, финская, американская автокефалии... Они выступали подручными разных политических сил: большевиков, промасоненных западных демократий, украинских и иных националистов. Но все они были едины в своей отступнической сути: они отказались от свидетельства Христовой правды и поставили себя на службу силам антихристовым, предали истинную Русскую Церковь и стали более или менее активными пособниками ее гонителей. Таковыми были не только обновленцы и "сергиане", но и польские и финские автокефалисты, гнавшие русских исповедников Православия в своих странах. Не все эти апостасийные группировки сотрудничали с компартией и ее карательными органами, но все они отказались от «подвига православной русскости перед лицом апостасии» (выражение архим. Константина), все они отказались нести крест

гонений, возложенный Промыслом Божиим на всю Русскую Церковь. Именно этот крест провеял гумно Божие, отделив на нем честное от недостойного.

И никакие оправдания отступников, будто они разорвали с "правыми русскими политиканами" ради "чистого аполитичного христианства" или ради "единства со своим народом" в странах своего пребывания - нас обмануть не могут. Всякий дезертир, бежавший с поля брани, оправдывает себя тем, что в силу какого-то высокого принципа он не может стоять вместе со всеми. Когда вся Церковь введена Промыслом Божиим в огонь и воду испытаний, пытающиеся избегнуть общего подвига неизбежно уклоняются на путь погибельный - и чаще всего прямо на путь Иудин.

Только две части единой Русской Церкви не уклонились тогда от подвига исповедничества: Российские Новомученики и зарубежные исповедники. Хотя этот подвиг совершали они в разных формах, суть его была одна - единым был дух верности Православию и заветам Святой Руси, и потому они составляли одну Церковь. Сегодня в глазах многих бескомпромиссных верующих неповрежденное и несомненное епископское преемство сохранилось только в Зарубежной части Русской Церкви, поэтому в последние годы все ревнители Православия в России и организационно стали стягиваться к Зарубежному Синоду.

Параллельно с этим и все апостасийные силы бывшей Российской Церкви подтянулись к неообновленческим структурам Патриархии, поддерживая их. Кто-то прямо вошел в МП, кто-то именно от нее получил автокефалию, кто-то находится в полном единомыслии с ее руководством. Причем, как нам кажется, современное возглавление МП, сохраняя апостасийное преемство с прежним сергианством, к сожалению, вместо преодоления былого греха - продвинулось еще дальше по пути отступления и в наши дни являет в себе *синтез всех предыдущих форм апостасии.*

Патриархийный папизм

С латинством нынешние структуры МП роднит прежде всего прочно укоренившееся в большинстве духовенства и народа представление о Церкви как о земной иерархической организации во главе с "Папой" - Патриархом. «Христос - Глава Церкви на Небе, а на земле ее глава - Патриарх». «Кто не поминает Патриарха, тот пойдет в ад». Подобного рода высказывания стали уже поговорками в устах духовников МП. Даже лидер правого крыла МП митрополит Иоанн С.-Петербургский наиболее развернуто подытожил такое отношение к Патриарху: «Патриарх - это звено, соединяющее Русь Небесную и Русь земную, ... это единственная опора грядущего русского возрождения. Убойтесь! Посягающий на Патриарха есть святотатец и кощунник» ("Советская Россия" 13.09.1993).

Во всех этих словах видно явное исповедание папизма, при котором Христос есть лишь "бледная тень на заднем плане", а впереди стоит "Папа". Большинством такого духовенства Христос бессознательно воспринимается не как Единый Истинный Глава Церкви, обетовавший пребывать с нею во вся дни до скончания века, а лишь как почетный председатель земной организации, реально возглавляемой Патриархом. Соответственно и себя эти священнослужители сознают рабочими данной системы, выход из которой приравнивается к предательству. Священников же, отказавшихся от такого понимания Церкви и перешедших в ведение Зарубежного Синода, везде поносят как клятвопреступников, предателей, нарушителей присяги Патриарху. То есть слова иерейской присяги, где иерей обязуется быть верным «Слову Божию, правилам Святой Церкви и священноначалию в лице Патриарха и епархиального архиерея», понимаются как присяга на верность лично "Папе"-Патриарху. О том же, что послушание епископам не может быть безусловным, но зависит от верности этих епископов их собственной архиерейской присяге - у таких священнослужителей и мысли не возникает.

В этом - очевидный отказ от свободы духа, дарованной нам во Христе, добровольное греховное рабство, сменившее прежнее рабство советчины. При таком перерождении православного сознания практически невозможна настоящая борьба за Православие в рамках МП. Наглядным подтверждением этого явился быстрый крах "движения непоминающих" (возникшего стихийно как протест против экуменических связей МП с иудаизмом): не было никаких гонений, а только старцы и духовники напомнили "взбунтовавшимся" иереям вышеприведенные "прописные истины" Патриархии и тем "поставили их на место". В этом смысле к патриархийному духовенству, похоже, применима оценка А.С. Хомяковым латинян, что изначальная ложь папизма помрачает в католицизме самые светлые умы и сковывает их души железной цепью.

Признаков родства МП с латинством, к сожалению, много. Это и ставший нормой поведения принцип необходимости лжи для блага Церкви - тот же иезуитский принцип "лжи во спасение". Это и торговля святынями и таинствами для всех желающих, вплоть до безбожников. О недостойной и даже хульной продаже всем всего можно говорить много; сребролюбивые дельцы в сане почти превратили Церковь постсоветской эпохи в своего рода торговую фирму, совершающую также постоянные операции с ценными бумагами и недвижимостью. Несколько лет назад в программу Московской Духовной Академии был введен особый предмет - церковная экономика. Нередко рукополагают уже готовых бизнесменов, которые оказываются способными подвизаться в обоих амплуа. И потому взгляд на приход как на торговую точку, извлекающую доходы из религиозных потребностей населения, установился в таких структурах МП довольно прочно. Здесь по сравнению с несвободной советской эпохой, в нынешних условиях относительной свободы выбора, сделан огромный шаг вниз.

Всем этим такое руководство МП отвращает от Православия множество совестливых людей из неверующих. Воистину никакая советская атеистическая пропаганда не

могла бы так скомпрометировать Церковь, как это сделало руководство МП, особенно за последние годы*...

К такому церковному возглавлению применимы слова митрополита Антония, сказанные им о латинянах: «То представление о христианстве, которое внушает латинство, окончательно отвратит от него нравственно лучших между неверующими, но зато привлечет нравственно худших, коих в сто раз больше».

Так, к сожалению, происходит духовная селекция и самого церковного народа определенного качества. У прихожанина исчезают или подменяются понятия спасения и нравственного выбора; вместо них укореняется понятие "удовлетворение религиозных потребностей", понимаемое по-латински как "торговля с попом" (даже не с Богом): какие обряды нужно "пройти" и сколько это будет стоить.

В свое время митрополит Антоний писал: «Нет христианства там, где полный нравственный переворот в жизни язычника заменяется лишь частичным и внешним ее облагороживанием». В практике же МП часто не наблюдается даже внешнего облагороживания жизни безбожника, купившего себе крещение или причастившегося после общей исповеди. Таким образом, нынешние структуры МП как система не выполняют своего главного назначения - служить духовному возрождению русского народа. Несомненно в ней есть еще оазисы благочестия, где пытаются жить и служить по-православному, но мы сейчас говорим не об исключениях, а о поощряемом сверху правиле. Никому не придет в голову оценивать экологическую обстановку страны по ее заповедникам. Так и общее состояние МП нельзя оценивать по немногим "заповедникам Православия".

Родство с латинством в МП усматривается и у значительной части ее духовенства. Выходцы из Западной Ук-

---

* Эти слова были написаны еще задолго до ставших ныне известными торговых операций МП с импортными куриными окорочками, сигаретами, спиртными напитками, нефтью, алмазами. Это сказано и до признания Патриарха Алексия II на Архиерейском Соборе 1996 г., что МП сумела все свои общецелевые программы, прежде всего духовно-образовательные, профинансировать за счет оборота ценных бумаг. - *Прим. автора 1997 г.*

раины до сих пор составляют добрую половину епископата МП, благочинных и настоятелей крупных приходов даже в великорусских епархиях. Известно, что в свое время политика КГБ по разложению Русской Церкви предусматривала и непропорционально большое привлечение "западенцев" в ряды российского духовенства. Кроме особого униатского благочестия, чуждого православно-русской духовной традиции, эти люди нередко несли с собою особый взгляд на священство как на выгодную специальность, обеспечивающую панское положение в обществе. Свои шляхетские замашки в отношении мiрян некоторые передали и своим преемникам. Точно писал об этом митрополит Антоний, что в основе латинского пастырства лежат два стремления ксендзов: по возможности не утруждать себя и при случае унизить мiрянина. Как и в современном латинстве, в рядах духовенства МП в последние годы выросла доля сомнительных деятелей еврейского происхождения. Эти лица, часто занимающие ключевые посты, попали в МП вследствие ее апостасии, и они же являются главными проводниками апостасийных процессов. Достаточно привести пример экуменической и воспитательной деятельности прот. Александра Меня. Показательно, с какими католиками он имел тесные связи.

Аналогом "восточного обряда" в латинстве явился провозглашенный в МП "плюрализм в рамках Церкви". Согласно этому принципу, в пределах послушания Патриарху можно заниматься любой деятельностью: проводить экуменические моления или разоблачать экуменизм, проповедывать иудео-христианское единство или кричать о ереси жидовствующих; в области богослужения можно быть и новатором, и "типиконщиком"; можно благословлять и космополитов, и патриотов, освящать любые знамена и коммерческие объекты, служить молебны для палачей октябрьского погрома в Москве в 1993 г. и панихиды по их жертвам.

Суть такого плюрализма на приходском уровне некий епископ МП одному иерею-монархисту сформулировал так: «Хочешь повесить в алтаре вместо иконы Спасителя портрет Царя - повесь, хочешь петь вместо "Царю Небес-

ный" гимн "Боже, Царя храни" - пой, только поминай Патриарха». В этих словах и патриархийный "папизм" проявляется очень выпукло, как в восточном обряде: главная ценность - послушание "Папе".

И, наконец, самыми удручающими признаками родства таких структур МП с латинством являются признаки антихриста: стремление подменить собою истинную Церковь и уничтожить ее. Руководство Патриархии старается любой ценой сохранить монополию на Православие и воюет против бескомпромиссной Русской Церкви со всем ожесточением, используя даже оба главных метода диавола: ложь и насилие.

Новые шаги в экуменизме - "траектория змея"

Характерная черта эпохи апостасии - полное обесценивание вероопределений и каких бы то ни было документов принципиального характера, их вольное перетолкование.

Многие соглашения подписываются экуменистами в обстановке полной секретности. Например, по сообщению журнала "Русский пастырь" № 17-18, в марте 1993 г. в Афинах проходила конференция "Православие и иудаизм" под председательством Константинопольского Патриарха Варфоломея с участием представителей МП - и более о ней ничего не известно. Если надводная часть патриархийного айсберга отпугивает многих православных, то какова же его подводная часть? Впрочем, и тех документов, которые открыто подписаны руководством МП (в двустороннем порядке и на многосторонних экуменических сборищах) достаточно, чтобы приложить к таким правящим структурам МП оценку митрополитом Антонием обновленцев: «Это не просто раскол и не просто ересь, это - отступничество».

Один из способов протаскивания экуменической лжи - это всякого рода интервью иерархов МП, которые якобы "не имеют характера вероопределений". Духовники и старцы именно так и успокаивают встревоженных мірян:

«Ведь то, что сказал, положим, Патриарх Алексий в Нью-Йоркской синагоге (13.11.1991), он не провозгласил как обязательное вероопределение, ведь он не отменил петь на литургии Символ веры», и т. д.

Глядя на все это многообразное лукавство отступников и тех, кто прикрывает их деяния своим авторитетом старца, вспоминаешь характеристику деятельности Юлиана Отступника, данную св. Григорием Богословом: «Как у змея одновременно одни части тела изгибаются вправо, другие влево, между тем как голова змея движется вперед, к своей цели - такова была его деятельность». Такова же и вполне определенная в духовном отношении деятельность апостасийных лидеров в МП, несмотря на их змеиную изворотливость.

Экуменические встречи, моления и сослужения воспитывают в их участниках постоянную неверность своей вере, приучают душу к нераскаянному пребыванию в духовном прелюбодеянии. Митр. Антоний главным качеством священника считал его исповедническую настроенность, его верность однажды избранному знамени, а отступления от этого считал тяжким грехом, кладущим на душу отступника дегтярные пятна. Между тем, вся система воспитания патриархийного духовенства устроена так, чтобы насаждать в душах будущих пастырей именно неверность и безпринципность. С этой целью, например, семинаристов посылают в качестве "мальчиков" обслуживать экуменические конференции, командируют для продолжения учебы в зарубежные инославные учебные заведения. Еще в советское время сложилась поговорка: «академию скончах, веру соблюдох», - чем на деле могли похвалиться далеко не все.

В последние годы в деятельности экуменических кругов МП наступил качественно новый этап. Во-первых, вся она совершается добровольно и сознательно, и не может быть речи о том, будто духовенство МП не понимает этого или будто его кто-то принуждает. Во-вторых, если раньше экуменические встречи проходили в основном на уровне "высокой" иерархии, то теперь они спустились на епархиальный и даже приходской уровни. В некоторых епархиях уже активно действуют экумени-

ческие центры, многие приходы и даже монастыри оказались связанными с инославными спонсорами посредством разных подачек. В поисках таких спонсоров настоятели приходов получают поддержку епархиального начальства. В такой обстановке постоянных сделок с совестью, когда с одной стороны манит соблазн корыстью, а с другой давит угроза лишиться всех благ своего положения - как устоять в правде надломленной душе иерея?

Новый шаг в бездну - введение в Церковь темной духовности

Еще одна сторона деятельности в структурах МП последних лет выглядит особенно зловеще: это связь ее служителей с оккультными методами воздействия. И ранее уже поступали данные о том, что отдельные иереи МП занимаются экстрасенсорикой и гипнозом. Когда в годы "перестройки" и "демократии" в Россию хлынул поток всевозможных чародеев и волхвов, руководство МП гласно не осудило это массовое насаждение бесовщины, не предупредило о полной несовместимости ее с христианством, о том, что нельзя одновременно пить чашу Господню и чашу бесовскую. Возвышали голос, насколько могли, лишь отдельные священнослужители и міряне. Но по местам некоторые иерархи, монашествующие и священники даже благословляли деятельность "народных целителей" как делающих добро, спокойно допускали их без покаяния к церковным таинствам.

Особенно страшной (даже скандальной) выглядит деятельность Международного института резервных возможностей человека (МИРВЧ) с центром в С.-Петербурге, имеющего филиалы уже в 50 городах России. Эта фирма занимается "кодированием" от пьянства и курения гипнотическими методами и за последние четыре года "переработала" уже не одну сотню тысяч человек. Такое кодирование полностью подавляет волю человека, подчиняя ее воле колдуна-"кодировщика". Очевидно, что и спаивание русского народа и его кодирование от пьянства имеют

одну цель - полностью подавить его волю и превратить в безумное, легко управляемое стадо.

И эти гипнотизеры имеют благословение на свою деятельность не только от Патриарха Алексия, но и от лидера правого крыла МП - митрополита Иоанна. Часть выручки от сеансов кодирования перечисляется в кассу МП; среди учеников этой фирмы насчитывается уже не один десяток священнослужителей, особенно в Петербургской епархии. Некоторые из них проводят сеансы кодирования прямо в храме. Подробно об этом рассказано в брошюре "Записка о ритуальном кодировании", изданной ревнителями-мірянами МП в С.-Петербурге. На повестку дня уже поставлен вопрос о введении преподавания методов экстрасенсорики и гипноза в Петербургской духовной семинарии.

Такое введение темной духовности может поставить последнюю точку в истории превращения Церкви Христовой в церковь-блудницу. Из такой пропасти вылезти будет уже невозможно*.

Государственная Церковь в антихристианском государстве

За советский период МП в разное время испытала разное к себе отношение со стороны коммунистического режима: то гонимое (с 1917 по 1930-е гг.), то почти

* Уже после написания данной статьи Архиерейский Собор МП 1994 г. анафематствовал некоторые так называемые тоталитарные секты, широко использующие в своей практике темную духовность. Однако попытки соединения этой духовности с православным пастырством - самые опасные для Церкви деяния - не рассматривались. Тоталитарным же сектам объявлена война не столько как губителям человеческих душ, сколько, похоже, как религиозным конкурентам. И произошло это не раньше, чем миллионы людей при прямом попустительстве руководства МП на деле соприкоснулись с оккультизмом в разных формах.

Точно так же и о деятельности МИРВЧ следует заметить, что разразившийся скандал вынудил иерархию отозвать свое открытое благословение, но, естественно, никто из клириков, виновных в таких чудовищных опытах над людьми, не подвергся никаким прещениям. - *Прим. автора 1997 г.*

9 — 3416

"симфоническое" (после второй мировой войны), то едва терпимое (в 1960-е гг). В целом это походило на отношение к слуге, которого то впускали на кухню, когда он был нужен, то выгоняли в переднюю, но никогда не пускали в гостинную. В это положение епископы МП поставили себя сами, отказавшись от свидетельства Христовой истины и надеясь на служебную "симфонию" с гонителям веры и Церкви. При этом такие епископы МП, будучи причислены к среднему слою советской номенклатуры, имели возможность наладить с партократией полезные для себя контакты (а по экуменической линии и международные связи), накопить определенный капитал и твердо поддерживать свое личное господствующее положение в Церкви.

"Перестройка", завершившаяся демократическим путчем в августе 1991 года, сместила часть высшей советской номенклатуры, но не затронула позиции номенклатуры средней, пересевшей из обкомовских и райкомовских кресел в кресла глав новой, демократической администрации и занявшей ключевые места в бизнесе. Имея чутье реальных политиков, иерархи МП вовремя поддержали эту демократическую номенклатуру и тем упрочили свои позиции.

Сегодня МП обладает огромной недвижимостью и капиталом; кроме десятков собственных изданий, имеет доступ к некоторым "независимым" газетам и другим средствам массовой информации. Обеспечив себе также прочное правовое положение и международное влияние, руководящие структуры МП представляют собою уже большую финансово-политическую силу, с которой заигрывают политики самых разных ориентаций. А откровенная поддержка Патриархом режима Ельцина обеспечила для МП практически статус государственной Церкви при новом режиме.

С этим режимом у многих иерархов МП сложились истинно "симфонические" отношения равноправных партнеров. Был организован церковный камуфляж режима: публичное благословение его главарей, награждение их церковными орденами, призывы голосовать за них на

выборах и т. п. Но каков духовный знак этой "симфонии"?

Режим Ельцина есть прямой наследник интернационал-большевизма образца 1917 г. Он также расчленил Россию новыми "брестскими договорами", довел до обнищания и вымирания народ, распродает национальные богатства за границу, превратив Россию в сырьевую колонию Запада. Как точно отметил один священник Русской Зарубежной Церкви, режим Ельцина есть антигосударство, ибо разрушает все, что государство призвано сохранять.

Самым страшным же является проводимая этим режимом массовая кампания нравственного растления русского народа - в рамках запланированной на Западе "мутации русского духа". Начиная с "перестройки" и доныне государственные СМИ проповедуют культ наживы, рекламируют аморальность, насилие, разврат, темную духовность. Результат этой кампании - не только дикий рост преступности и превышение смертности над рождаемостью; главное - десятки миллионов гибнущих душ.

Со стороны МП против этой кампании нравственного развращения протестовали лишь отдельные иереи; реже - епископы; но даже самому видному из них, митрополиту Иоанну, оказалось невозможно поставить вопрос официально, от имени самой Церкви в общегосударственном масштабе; ни Патриарх, ни Синод никогда официально и однозначно не осудили этой вакханалии аморализма как государственной политики. В открытом письме министру информации в июне 1993 г. Патриарх Алексий даже подчеркнул, что он за плюрализм в области информации, и только отметил, что телевидение недостаточно учит нас добру (?!). Некоторые же иерархи и священники даже сами участвовали в этой кампании, благословляя отвратительные сборища и зрелища, например, порнографические "конкурсы красоты". Такое свободное соучастие клириков МП в нравственном развращении народа есть деяние более преступное, чем вынужденное благословение ею коммунистического режима.

Другое духовно страшное деяние "демократического" режима Ельцина состоит в том, что он, будучи марио-

9*

неткой мiровой политической мафии, активно втягивает Россию в американский "Новый мiровой порядок", строящийся ныне как седалище грядущего антихриста. И здесь возглавление МП нередко предстает как активный пособник строительства нового Вавилона, в основном по экуменической линии. О том, какой вес имеет сам Патриарх Алексий у нынешних хозяев мiра, можно судить по тому, что во время его сентябрьского (1993) визита в США главный раввин Нью-Йорка вручил ему премию фонда "Призыв совести", а во время январского визита в Россию (1994) его лично посетил президент США Клинтон.

Одновременно с этим епископы МП, оказавшиеся в новоявленных суверенных республиках, нарезанных на территории России, поддерживают местные сепаратистские власти. Это тоже вполне согласуется с устроением "Нового мiрового порядка". Вспомним, что еще К. Леонтьев оценивал национальные движения новейшей эпохи как орудия всемiрной революции. Так, украинский епископат МП наперегонки с самосвятами-автокефалами поддерживает тамошнее националистическое правительство с его антирусской кампанией украинизации и благословляет обманную "незалежность" Украины, насильно загоняемой ныне в лоно западного апостасийного мира.

Купив себе такой страшной ценой положение государственной Церкви, руководство МП борется с верной Истине Русской Церковью уже государственными методами: оказывает нажим на местную администрацию, нанимает отряды милиции и ОМОНа для захвата храмов, вошедших в русскую зарубежную юрисдикцию, ведет соответствующую кампанию в государственных СМИ, а кое-кто не брезгует и мафиозными средствами шантажа и расправ.

Известно, что для борьбы с приходами Зарубежной Церкви в России создан юридический отдел МП, который дает во все епархии свои рекомендации. Имеются у структур Патриархии и свои военизированные отряды. Если ранее при советском режиме представители МП выступали в качестве пассивных инструментов на службе у власти, то теперь они сами являются инициаторами

гонений и буквально домогаются у властей применения репрессий против наших общин, там где не могут сделать этого сами. Если раньше наиболее активные из них играли роль Иуды, то теперь выступают в качестве Каиафы.

Важно, что соучастие в подобных деяниях связывает их участников круговой порукой, и покаяние становится для них все менее возможным. Непосредственно в захватах участвует немного патриархийных священников, но и те, кто одобряет такие действия перед народом, понося гонимых и очерняя Русскую Зарубежную Церковь, также связывают свои души прочными узами греха. К участию в такой кампании привлекается патриархийное духовенство той епархии, где есть наши общины. Как правило, в ход идет самая грубая неправда: "немецко-фашистская" или "власовская" церковь, "предатели веры и родины", "молятся американскому богу" и т. п. Бабушек-прихожанок, помнящих времена коммунистических гонений, пугают отнятием пенсии.

В этом порою участвуют даже те иереи МП, которые бывали за границей, посещали там эмигрантские приходы, увозили оттуда чемоданы подарков, в том числе книги об экуменизме и сергианстве, и даже миро от Мироточивой Монреальской иконы. Бывает, даже такие "интересующиеся" Зарубежной Церковью, состоящие в переписке с зарубежными священнослужителями, - кричат здесь про "американскую церковь" и нанимают ОМОН против наших общин.

Статус госцеркви для МП в условиях нынешнего режима обусловлен взаимовыгодным сращиванием ее руководства с номенклатурно-мафиозными властями не только на центральном, но и на епархиальном, и более низком уровне. Поэтому по поведению иерархов МП можно прогнозировать и некоторые изменения на политической арене: особо близкие отношения с теми или иными политиками позволяют предположить, что шансы именно этих деятелей растут.

"Отец Апостасий" - новый тип современного духовника

К сожалению, нельзя не видеть, что апостасийные метастазы затронули все тело МП, а не только ее иерархию. Началось отступление сверху, через сергианский епископат, подобранный гонителями Церкви. Но за 70 лет почти все пороки "советской" иерархии проникли глубоко внутрь церковной системы. Церковь, как и вся иерархическая система, строится сверху вниз, от епископов к мiрянам. Митрополит Антоний писал волынскому духовенству: «Не было бы унии у ваших предков, если бы польские короли предварительно не подобрали бы в епископы прелюбодеев и христопродавцев, которые при всяком удобном случае ставили таких же иереев». И в советское время десятилетиями шла целенаправленная духовная селекция, которая привела к выведению новой породы священнослужителей, составляющих ныне немалую часть клира. Они уже сами угадывают, какой нужно сделать новый шаг по пути отступления и как его оправдать. По меткому выражению одного иерея Зарубежной Церкви, произошло следующее: "отца Звездония", жившего в "горьком плену" и служившего гонителям Христовым, когда за страх, когда за совесть, ныне сменил "отец Апостасий", который вроде бы не служит никому, кроме себя самого, но при этом является сам гонителем всего лучшего в своей Церкви.

«О. Звездоний в свое время читал в церкви советские политинформации, о. Апостасий проповедует духовность: учит послушанию - себе - которое паче поста и молитвы (и совести); смирению - перед нагло шествующей ложью; покаянию - в осуждении подобного ему духовенства; милостыне - чтобы сдавали ваучеры в патриархийную корвану; братолюбию - к проповедникам ересей и разорителям России, единству - со всем отпавшим от Христа мiром; непримиримой ревности по Бозе - в отношении "раскольников"; аполитичности - в смысле голосования *за* антихристианскую, антинациональную власть как "от Бога данную"; то есть учит всем ложно понимаемым добродетелям» (свящ. Т. Сельский).

Тлетворное влияние "о. Апостасия", отличающегося широтой взглядов и гибкостью совести, особенно заметно на окормляемом им патриотическом движении. "Квас фарисейский еже есть лицемерие" он передает всем, с кем соприкасается. Деятели движения, имеющие таких клириков своими духовниками, усваивают себе их черты и способность к лукавству, прикрываемому внешней церковной обрядностью. Бросается в глаза, как некоторые люди, начинавшие искренними патриотами, за два-три года превратились в расчетливых дельцов, ради каких-то "деловых" выгод сознательно защищающих неправду и прикрывающих это демагогией об аполитичности Церкви, о спасении души и т. д. В этом видно прямое печальное следствие лжеправославного пастырства.

В соответствии с таким духовничеством формируется и определенный тип прихожан. Разумеется, в Церковь идет лучшая часть нашего народа. Но в массе своей и она состоит из бывших советских людей, а такой человек, в отличие от русского, все еще боится не Бога, а начальства и большинства - что и ныне усиленно поощряется. Русский человек не удовлетворялся писаным законом, а искал высшей нравственной правды, по которой и строил свою жизнь. Советский же человек насильно приучен быть равнодушным не только к нравственной правде, но и к явному беззаконию; а согласно марксизму, окружающее его беззаконное бытие по сей день определяет и его сознание.

Наивно надеяться, что с удалением от дел наиболее одиозных иерархов МП или даже с обновлением всего епископата, Православие сразу воссияет в ней в чистоте. Кроме епископов и духовенства (значительная часть которого поставлена с нарушением канонических норм и потому крепко связано со своей иерархией), останется еще и формируемый ими церковный народ, который привык именно к такому благочестию, не знает ничего другого и послушанием которого можно легко злоупотребить.

Размежевание с отступниками - единственный путь духовного самосохранения

Исповедники последних времен завещали нам, что не расчетливость человеческая спасет Русскую Церковь и Россию, а только Господь в ответ на нашу верность Его истине и стояние в этой истине до конца. Поэтому наши усилия должны быть направлены не на безвольное объединение с отступниками, лишающее нас помощи Божией, а на размежевание с ними, привлекающее эту помощь.

Не случайно именно в последнее время, когда в Русской Зарубежной Церкви ослабел дух исповедничества, Господь явил в ней дивное знамение - мощи свт. Иоанна Шанхайского, укрепляя ее на том пути, которым шествовал этот святитель, единственный из дальневосточных епископов не признавший Патриарха Алексия I в 1945 г., когда Зарубежная Церковь, казалось, будет уничтожена окончательно. Епископы - очи Церкви, и святой епископ - явление уникальное для нашего времени и подтверждение правильности пути той Церкви, в которой он пас народ Божий.

Другое свидетельство Божия благоволения к исповедническому пути Русской Зарубежной Церкви - это явление в ней Мироточивой иконы Божией Матери. Этому постоянно длящемуся знамению также нет аналогов в современном міре. Даны эти знамения Божии не по достоинству нынешних членов Зарубежной Церкви, а по заслугам ее основателей и исповедников.

Итак, размежевание православных с отступниками совершается под водительством Промысла Божия. В последние годы все здоровые силы Русской Церкви естественно потянулись к Зарубежному Синоду, апостаты же концентрируются вокруг нынешнего руководства МП.

И в порядке нормальной духовной жизни у новообращенного к вере очень скоро появляется ощущение, а затем и понимание насаждаемой неправды. Кто-то заглушает голос совести лукавыми объяснениями апостасийных духовников, а кто-то, следуя этому голосу, уходит из апостасийных структур. Отток совестливых людей из МП

в последние годы довольно значителен, только, к сожалению, не видя перед собою здоровой альтернативы, большинство из них разбредается по разным сектам или сидит дома. Если Русская Зарубежная Церковь будет высоко держать в России знамя православного исповедничества, то в нее постоянно будут вливаться новые люди, желающие истинного Православия. Опыт показывает, что даже при нашем гонимом состоянии такие люди постоянно к нам приходят. В этом смысле в России их до сих пор несравненно больше, чем на родине отступления - темном Западе. И только духовные слепцы или лукавствующие могут утверждать, что образование двух полюсов в современном Православии: официального апостасийного - и гонимого за верность Истине, есть результат каких-то человеческих склок и политиканства.

Вспомним, на каких условиях предлагают апостаты "объединение" Зарубежной Церкви и МП. В своем послании первому Конгрессу соотечественников Патриарх Алексий II сформулировал их так: «Восстановление литургического общения и создание единой канонической юрисдикции при автономии Зарубежной Церкви».

Ясно, что это будет не объединение, а присоединение "раскольников" к единой юрисдикции МП, которая милостиво предлагает им автономию из рук непогрешимого "Папы"-Патриарха. Такое "объединение" для истинного Православия станет духовным самоубийством, то есть грехом непрощаемым. Это будет капитуляция, добровольная сдача в плен, позорная сделка вроде Флорентийской или Брестской унии. Побуждения ко всем капитуляциям известны: это нежелание нести свой крест, возложенный Христом, стремление поудобнее устроиться в земной жизни. Но вспомним строгие слова митрополита Антония к пастырям, отказывающимся от подвига крестоношения: «Сними с себя не только иерейскую одежду, но и нательный крест и запишись в евреи или магометане, ибо Поруганный и Распятый не признает тебя Своим».

Необходимо также отвергнуть ложное представление, внушаемое за рубежом структурами МП, что Русская Зарубежная Церковь должна сидеть за границей и не

вторгаться в Россию на "каноническую территорию" МП. Русские православные за рубежом имеют не меньшие права на Россию, тем более что они во всех катаклизмах XX века никогда не отказывались от ее духовного и исторического наследия - оно-то и есть "легитимация" их прав. Территориальный принцип, закрепленный в канонах эпохи Вселенских Соборов, сложился, когда деление Церкви приводилось в соответствие с административным делением христианской Империи. С падением православного Царства Российского этот принцип имеет ограниченное применение, и может быть лишь одним из средств для достижения главной цели - сохранения истинного Православия.

По свидетельству отцов Русской Зарубежной Церкви, единственным оправданием ее существования все эти годы было противостояние апостасии - временно, на территории русского рассеяния - до первой возможности возвращения в Россию. Сейчас такая возможность есть, тем более что и основная битва с силами антихриста идет на русской земле - это главное оправдание возвращения Зарубежья на "каноническую территорию МП". При отказе же от участия в русской жизни существование Зарубежной Церкви теряет прежний высокий смысл. Не исключено, что при отказе от него и без притока свежих русских сил она когда-нибудь и сама может капитулировать перед лжеправославием и слиться с ним.

1994 г. *Иеромонах Дионисий*

(Статья ранее распространялась за подписью А. Тускарев.)

ЦЕРКОВЬ ФАРИСЕЕВ*

Образ религиозного вождя иудейского народа настолько часто появляется на страницах Евангелия, что порой это может показаться неоправданным. Почему бы евангелистам не показать образ Христов просто, так сказать, в чистом виде, без противопоставления его фарисеям?

Наверное, дело не только в том, что Евангелие изображает вместо морального кодекса действительную историческую картину реально совершившегося на земле спасения человеческого рода от греха и смерти, но еще и в том, что, подводя черту под Ветхим Заветом, оно завершает праобразовательную, сеннописанную историю человечества, историю, написанную (если не покажется дерзким такое выражение) начерно, для того, чтобы во Христе написать ее набело. Общепринят в Церкви взгляд, что весьма многое в ветхозаветном Писании было образом будущего. Думается, мы не сильно погрешим против истины, если скажем, что история Церкви как народа Божия в своих самых основных принципиальных духовных моментах после Христа повторяется, не в смысле подобия конкретных исторических событий, а в смысле развития духовных тенденций.

Можно сказать, что Бог провел народ Свой через всю ветхозаветную историю и воплотился под конец веков, между прочим, и с тою целью, чтобы Церковь, живущая в эру спасительную, поглядывала бы на свою ветхозаветную сень, не просто извлекая для себя нравственные уроки, но и разумевая времена и сроки, понимая пути и способы промышления Божия в мире.

Действительно, в самых общих чертах, разве не заметно сходство у эпохи непосредственной теократии при Моисее и судиях израильских с ранней Церковью апос-

---

* Для уточнения этого понятия стоит сразу привести фразу автора из последней части статьи: «Церковь фарисеев в новозаветные времена еще не появилась до сих пор на исторической сцене... Мы пока наблюдаем лишь некую фазу ее становления». То есть, речь идет лишь о такой тенденции в церковных кругах, а не о самой Церкви. - *Прим. ред. "РИ"*.

толов и харизматиков? Разве не похожи победы Иисуса Навина на победную проповедь апостолов с введением поправки на разность плотского и душевного? Разве нет сходства в смене этой непосредственной теократии - теократией, делегированной от Бога, то есть Царством, Царством Израильским и после-Константиновским? Разве нет сходства с изменением характера богослужения при переходе от одной эпохи к другой? Разве не похожи отпадения в идолопоклонство израильского народа на ереси Константиновской эпохи? Не сам ли Господь уподобляет еретиков-николаитов соблазненным к идоложертвию сынам Израилевым? (Апок. 2, 14-15). Разве не видно сходства в Божиих наказаниях за нечестие в царскую эпоху, выражающееся в Вавилонском пленении? Неужели даже численное совпадение в 70-летнем сроке не наводит на раздумье и сравнение?

Видя все это, неужели же нам не поглядеть внимательнее и на послепленовую эпоху. И здесь мы вплотную подходим к фарисеям.

Фарисейство есть продукт именно Вавилонского плена. Отроки и Даниил как последние верные из эпохи старой, царской, за время плена из земной жизни уйдут. Живых хранителей живого церковного предания не останется. Конечно, еще появятся и Ездры, и Малахии, и Маккавеи, но наряду с ними придут и другие духовные вожди, которые путем долгих компромиссов с гонителями сумеют "спасти внешнюю церковную организацию", точнее свое в ней лидирующее место. В себе же самих и в своих потомках они воспитают совершенно новые качества, прежде всего - повышенную живучесть в дарвинской борьбе за существование. Этим лидерам нового типа Богом попущено возглавить религиозную стихию народа, практически утратившую живое преемство с верою предков, и повести этот народ уже совсем на иные пути. Им попущено почти полностью восстановить внешние допленовые церковные формы - при коренном изменении самоощущения, самочувствия, самоисповедания большинства членов Церкви, которые уже и не станут вникать, каким духом дышали их предки, соблюдавшие те же обряды и праздники.

Именем фарисея принято называть всякого гордеца, щепетильного в обрядах или канонах и за эту аккуратность ожидающего благоволения Божия как награды за свою чистоту и презрение ко всем нечистым грешникам. Это не совсем верно. Указанные черты можно отнести и к ессеям, и может быть, к караимам или другим сектам "чистых" иудеев и аналогичных им христиан. Но ведь и сами ессеи возникли как реакция на фарисейство, в чем-то они друг с другом не сошлись.

На самом же деле, главная характеристическая черта фарисеев в другом. Фарисеи не сектанты, не элита каких-то чистоплюев, нет, это - духовные лидеры целого народа. Это всегда вожди, которые, по самокритичному выражению одного пламенного "русского" революционера, на вторые роли никак не годятся. Оседлать душу народа Божия - в этом цель, все остальное лишь средства. А эта цель, в свою очередь, выросла из вполне благого намерения спасти внешнюю церковную организацию чисто человеческими средствами. Это "спасение" за долгие годы своей эволюции и привело к тому, что спаслись почти одни только спасатели, которые, собственно, и составляют теперь Церковь, а народ приходящий равняют по себе.

Никакие "чистые" раскольники не могут и не пытаются уподобиться фарисеям, хотя и копируют подчас некоторые их внешние черты. Господь не случайно в притче о винограднике уподобил фарисеев лукавым делателям, желавшим присвоить виноградник Божий, убить Наследника, чтобы завладеть достоянием Его. "Чистые" с презрением сказали бы рабам и Сыну Хозяина: что вы все возитесь с этим виноградником, который давно уже приносит вместо гроздия терние; то ли дело виноградничек наш!

Фарисеи действуют иначе, ибо преследуют совсем иную цель. Они прямо не враждуют на Самого Хозяина, не ломают лозу, не бастуют, не требуют повышения платы. Они, когда могут - тихо, а когда не могут - открыто, прибирают виноградник к своим рукам. В этом суть дела. А средства могут быть в разное время похожи или несколько различаться, в зависимости от обстановки,

прежде всего, в зависимости от самого виноградника Божия.

Итак, если гордец не является начальником больших масс церковного народа, то это не фарисей. Назовем его условно "ессей". Это совершенно другой духовный тип, которого в его целостности Евангелие нам не показывает, разве только отдельные его черты. Например, притча о мытаре и фарисее, где под фарисеем мог быть показан "ессей".

Отсюда первая и главная черта фарисеев, необходимое их природное качество - человекоугодие, в самом широком смысле слова. Угождать надо всем людям без изъятия, вплоть до грибоедовской собаки дворника, но, конечно, всем по-разному. Ведь можно человеку угодить, превозносясь пред ним, объедая, обирая и бия в лице (2 Кор. 11, 20), и тем не менее покорить его душу, сотворить его своим последователем, так, чтобы он почитал хозяина своего чуть ли не богом.

Фарисей хорошо знает, с кем имеет дело и кого можно, а кого нельзя объедать, обирать или бить в лицо, и с какою "любовью" и величеством надо это делать, чтобы уважали и за пощечины.

Конечно, перед сильными мира сего и фарисеям приходится мести дорогу бородой, но цель остается та же. И результат, что удивительно, получается тот же. Бывший холуй становится когда-нибудь, пусть не в первом поколении, но все же становится, духовником и начальником над своим плотским начальником. Вот сколько может человекоугодие.

Как же оно добивается такого успеха? Конечно, ему помогает постоянное актерство, лицемерие, ложь. Не всякий актер фарисей, но всякий фарисей - великолепный актер. Он никогда не бывает сам собою, он всегда играет, прекрасно чувствуя, что больше всего ждет от него публика, какую личину ему в данный момент нужно надеть. Ветхозаветный фарисей потому и был щепетилен в обрядовых тонкостях, что сам ветхозаветный Закон был построен на заповедях плотских. В центре были дела вещественные, а не духовные. Поэтому иудею предхристианской эпохи, только что отстоявшему свободу

исполнения своего закона, очень было приятно, когда духовные вожди во всех делах и обрядах покажут великую тщательность. Фарисей же христианской эпохи, возвестившей первою заповедию любовь к Богу и ближнему, весьма щепетилен в "обрядах любви". Подобно тому, как Каиафе ничего бы не стоило забыть свою обрядовую мишуру (что наверное, несколько проще сделать, чем Христа осудить), когда бы этого ждала публика, так и нынешним фарисеям разговоры и жесты любви нужны именно для привлечения масс, то есть для той же цели, что и Каиафе обряды. Просто массовый зритель, для которого и ставится спектакль, стал с тех пор немного другой. Каиафа играл Моисея, садясь на Моисеевом седалище. Нынешние играют Христа.

Актерство всего виднее в том, что говорят фарисеи народу, а что Пилату. Если для народа готовы всякие патриотические лозунги, если ему обещают своего мессию или свое национальное возрождение, то для Пилата всегда готово одно: не имамы царя, токмо кесаря. Новозаветные фарисеи, аналогично, под песни о возрождении Святой Руси благословляют и награждают ея палачей. На самом же деле фарисеям не нужен ни свой мессия как самоцель (иначе они, узнав, приняли бы Христа), ни тем более кесарь, ни какое-то национальное возрождение. Им нужно властвовать над душами народа Божия, стадо Божие превратить в стадо свое, а прочее все нужно лишь как условие к этому. И мессия свой нужен, но пусть бы он только посягнул на это их господство - и они, быть может, поступят с ним, как поступили некогда фарисеи прежние с Мессией Истинным.

Власть духовная... О, здесь вся сладость и поэзия! С ней ни в какое сравнение не идет власть правителя или даже Царя. Пред нею меркнет всякое иное земное величие. Ради нее можно пожертвовать древними церковными традициями и даже основополагающими принципами. «Нашему недостоинству Богом дан столь нелегкий и ответственный жребий возрождать в народе духовность и нравственность, залечивать его душевные раны. Конечно, мы немощны, но ныне можем сказать со Апостолом: вся могу в укрепляющем мя Христе...». Эту

сладость трудно понять простому человеку. Она укрепляется по мере восхождения человека по ступеням иерархии. Каждый знает численность своей паствы, а также меру обожания, которое паства ему выражает. Соответственно этому пред каждым предыдет своя реклама, своя труба.

Одна колдунья признается в своей афише: «Когда я лечу человека, я мысленно разговариваю не с ним, а с его душой, трепетной и нежной. С помощью рук я очищаю душу и тело...». Может быть, после прочтения этого признания, не прикрытого никакой христианской маскировкой, чуть яснее станет всепревосходящее сладострастие духовного обладания.

И в связи с тем, что речь идет именно о духовном господстве, о сладострастном обладании душою пасомого, следует отметить, что не само по себе актерство и лицемерие обеспечивает здесь такой колоссальный успех. В приведенных словах апостола Павла, прочно взятых фарисеями за исповедание своего превосходства, ключ к его пониманию. «Вся могу в укрепляющем мя Христе», - глаголет фарисей, - мол, успех моего преобладания над народом Божиим обеспечил и Сам Бог, хотя бы отчасти. Как это понять? А так, что фарисеем может быть только служитель Божией Церкви. Не просто частный человек Каиафа, а первоосвященник, не просто поденщик, а делатель винограда Божия. Только лицо, седшее на Моисеевом седалище и поставившее себе целью привести народ не к Богу, а к себе.

Когда бы не средства священнические, когда бы не распорядительство в благодати Божией, когда бы не власть вязать и решить чужие грехи - ни один фарисей не имел бы столь широких людских масс под своим влиянием. Он был бы не более чем Февдою или Иудою Галилейским с тремястами сторонников, но отнюдь не Каиафою. По-настоящему украсть виноградник Божий может лишь крепко спаянная иерархическая, дисциплинированная команда лукавых делателей, каждый из которых получает свою долю духовной власти. Бог попустил им войти в виноградник. За что? - Конечно, за грех самого виноградника, народа Божия, утратившего живое

богообщение и послушание воле Божией и паче возлюбившего фарисейское ласкательство вместо Божией правды и любви.

Этим-то настроением народа и спешит воспользоваться фарисей именно в качестве Божия служителя. Священник по своей первой обязанности в отношении к людям - нравственный руководитель, живое нравственное мерило. Он поддерживает необходимую разность нравственных потенциалов между Церковью и міром, пропуская через нее ток Божией Благодати и позволяя этому току совершить полезную работу: оторвать человека от нравственного заземления в міре сем, во зле лежащем, и возвести его в Церковь. Иначе говоря, исправить человека. Подчеркнем, что для настоящего исправления эта разность нравственных потенциалов абсолютно необходима. Церковь - одно, мір - другое; входя в первую, стряхни с себя хоть что-нибудь, прилипшее от второго. Каноны Церкви, предусматривавшие долгие сроки оглашения и долгие епитимии за грехи, задавали сразу очень высокое нравственное напряжение. Сейчас оно, конечно, никому не под силу и снижается, но ни в коем случае не до нуля, но лишь до уровня реальных сил человеческих.

При таком условии "работает" благодать Божия, возрождая человека, который приходит не к священнику, потакающему греховным страстям, но к Богу, избавляющему от мучительства сих страстей. Приходящий видит, что от Бога и только от Него получает все милости, и служить начинает Богу, отнюдь не угодничая пред человеком-священником. Последнему, в свою очередь, выпадает довольно скромная вспомогательная роль, притом подчас весьма неблагодарная, если приходящие вовсе не желают трудиться над собою. Поскольку искренне стремящихся к Богу по узкому пути всегда не очень много, то об обладании массами речи в этом случае нет.

Что же делает священник-фарисей, которого отнюдь не устраивает такая трудовая постановка дела? Он произвольно уничтожает эту разность нравственных потенциалов, пуская ток благодати прямо в землю греховного міра, закорачивает, так сказать, Божий генератор. Как известно, в режиме короткого замыкания ток макси-

мален, а положительной работы никакой. Если то же самое сказать без электротехнического жаргона, фарисей раздает святыню Божиих таинств всем подряд по своему усмотрению, не ставя ни условием, ни целию принятия этих святынь нравственное исправление человека. Крестит, причащает, венчает, отпевает всех, кто пришел к нему, к человеку, не заботясь о том, искал ли в этом акте пришедший Бога. Конечно, и фарисеи читают мораль, но и к ней сознательно приучают как к необременительному и решительно никого не обязывающему приложению к таинствам. К таинствам вседоступным. Конечно, и фарисей может связать бремя неудобоносимое из обрядов и дел внешних, возлагая его на человека, но именно как прикрытие для самого нагруженного нравственного неисправления.

Итак, преподатель святынь превращается в требораздатчика. Если преподатель, боясь Бога, внушал, что даже если он даст святыню, то Бог, Источник этой святыни, может ее и не дать, - то требораздатчик, обслуживая всех пришедших, и в собственных глазах, и особенно в глазах народа становится сам на место Источника. У преподателя святынь говорят: мы сподобились причаститься. У требораздатчика: батюшка нас причастил. Эту требораздачу современные фарисеи-любвисты и называют любовью.

Между тем, это полная противоположность любви настоящей, евангельской. Та любовь никому не навязывается, не завлекает людей к себе - в отличие от фарисейской угодливости перед паствою - но зато от тех, кто ее вкусил, увидел, яко блага есть, и принял, от тех требует предельного самоотвержения. Христос Свою любовь к нам явил крестом, и всем, кто хочет следовать за Ним, велит и самим взять Крест богоотмеренной тяжести. Вот он прощает, положим, Закхея, не требуя многих слов, но движения сердечного требует самого беззаветного и решительного. То же в случаях с хананеянкой, с отцом бесноватого отрока, с прощенной на фарисейском обеде блудницею. Вера, покаяние, любовь, решимость далее жить иначе - все эти вещи становятся крайне необходимыми, и хотя Им же Самим и даруются, но даруются

лишь тем, кто приемлет их всем своим существом. Так что в милосердии Своем к падшим людям, милосердии безмерном, Христос к ним весьма требователен. Он совсем не похож на нынешних нравственных минималистов, как бы им этого ни хотелось.

Итак, легкая платная или даже бесплатная святораздача как раз и обладает самым нужным для фарисея свойством - она привязывает человека не к Богу, а к самому раздаятелю, который легко разрешил все прошлые грехи и дал понять, что и будущих не следует опасаться. Кому грехи простились легко, по протекции прощавшего фарисея, тот волей-неволей будет слушаться самых необременительных указаний своего духовника, берущего грехи на себя. Почему и бывает так, что святораздатчики чуть ли не заставляют у себя людей креститься или причаститься без подготовки. Сделав так раз и другой, причащенный как бы теряет стыдливое целомудрие души, не дерзавшей ранее так поступать со святынею. После этого он едва ли куда-нибудь уйдет от фарисея. Ведь стыдно будет где-нибудь каяться, что так небрежно причащался. С тою же целью и общая исповедь упорно сохраняется. Кто встал на этот путь, тот в надежных когтях, он никуда не денется.

Таким образом, цель и достигается: виноградник Божий прибирается к рукам лукавых делателей. Далее они насаждают в винограднике закон послушания. Нравственных ограничений в отношении к Богу не поставлено, но за это, дорогие овечки, будьте любезны слушаться своего пастыря. И не дай Бог, надумаете осуждать его! Не судите его, да не им судимы будете. О Пастыреначальнике не беспокойтесь, пастырь ваш Его волю лучше вас и лучше всех ваших прошлых пастырей знает.

Фарисеям свойственна поразительная слепота и глухота к знамениям Божиим, хотя сами постоянно требуют у Бога знамений. «Толика знамения сотворшу Ему пред ними, не вероваху в Него» (Иоан. 12, 37). Позиция трудноуязвимая: если Христос знамений не даст, значит есть против Него обвинение, хотя бы пред народом, а если даст знамение по заказу, значит, можно будет и вообще подчинить Его себе.

Еще любят фарисеи красить гробницы пророков, украшать раки праведников, которых убили отцы их. Любят прославлять тех святых, которые, увидев их, в ужасе бежали бы прочь от таких "сопастырей" и которые, как свт. Игнатий или прав. Иоанн Кронштадский, больше всего гнушались лицемерия. Иных же святых, которые при жизни прямо обличали фарисейских отцов, - могут и не заметить.

Фарисеи, после некоторых попыток, больше не стремятся вводить каких-то новых лжеучений, ересей, вообще новаторствовать в богословии или в богослужебных уставах и традициях. Не то чтобы они догматы или предания держали сами по себе или как драгоценное звено, связующее с Богом и Его Церковью. В их артистической практике спасения церковной организации было уже немало случаев, когда по соображениям того же глобального человекоугодия они легко перефразировали то или иное положение церковного учения сперва так, а потом иначе. Но все это было лишь поначалу, лишь в плену. Со временем им все выгоднее становится держаться старых традиций и традиционной старины. Другое дело, что это вовсе не по соображениям верности Господу или Святой Его Церкви. Всякий "средневековый фанатизм" фарисейскому просвещенному веку глубоко чужд. Но средневековый церковный антиквариат привлекает людей.

Фарисеи - глобалисты. Фарисей-одиночка - дело немыслимое. Фарисеи - направляющая и организующая сила. Никакие ессеи никогда не смогли бы сформировать синедрион в изгнании или выдвинуть князя изгнания. Никакие караимы никогда фарисеев не одолеют. Нужна жесткая строгая организация, естественно - многоуровневая. А коль скоро на всех уровнях собрались актеры и лицедеи, то понятно, что интересы и учения на всех ступенях вполне отличны от предлагаемого низшим уровням. Самым внешним, еще не вовлеченным в оргструктуры, предлагается вообще почти чистое Православие. Короче, система классически проста. В любой книжке про масонов можно вычитать массу интересных подробностей о том, как такие системы строятся и дейст-

вуют, но нам в данном случае это не интересно. Важно отметить то, что фарисеи всегда с народом, не будем забывать, что народ, украденый у Бога, их самоцель. Наилучший успех "новозаветным" фарисейством достигается тогда, когда его роднит с "ветхозаветным" не просто духовная аналогия, но и живое преемство в предании и этнические корни.

Народ, идущий за фарисеями, хотя и любит быть в фарисейском театре зрителем, далеко не весь годится в актеры. Да это и не надо. Если в театре все только актеры - театр прогорит. Нужны и простые скромные труженики, хотя, конечно, не настолько простые, чтобы почувствовать лицемерие и возгнушаться им. Подобно тому, как стену дома нельзя отлить только из одного цемента, - она непременно растрескается. Нужны кирпичи, их нужно гораздо больше, чем связующей массы, и они совершенно иной природы. При этом цемент в любой кладке остается важнейшим связующим звеном.

Если теперь мы поймем, что такое подчиненный фарисеям народ, то нам уже не придется удивляться, как всего за пять дней народный клич "осанна" превращается в "распни". Дело не только в том, что приносилось не то земное царство, которого все ждали, дело в том, что и в людях воспитуется нечто, соответствующее их духовным вождям.

Еще раз подчеркнем, что хорошо созревшая фарисейская организация - это гораздо хуже, чем просто какая-то ересь. Это Церковь, там все настолько, как в Церкви, что по виду и совсем не отличить. Латинство представляло собою нечто похожее, но слишком рано обнаружило себя различными ересями. Фарисейская же Церковь всячески стремится оградить себя от малейшего упрека в ереси. С виду все очень православно. И в принципе может получиться так, что к некоторым кирпичикам цемент не сильно прилипнет, некоторые члены подначальной фарисеям Церкви почти не приобщатся к их лукавой закваске. Когда-то, может быть, эти кирпичи из фарисейской структуры будут исторгнуты и, оставив фарисеев, пойдут за апостолами. Хотя, к сожалению, таковых не очень много. Савлы - всегда исключение. На

10 — 3416

правило больше похожи обращающиеся из самарян и язычников, из людей внешних к Церкви вообще и к фарисейской в особенности.

А пока по милосердию Своему и за незлобие еще имеющих спастися, Господь видимо промышляет и о всем Теле Своем, о всей архитектуре, хотя она в верховных частях своих, возможно, кое-где строится уже совсем иным архитектором, в известных кругах именуемым "Великим".

Церковь фарисеев в новозаветные времена еще не появилась до сих пор на исторической сцене. Видимо, еще не время, коль скоро ей надо появиться после царской, Константиновской эпохи и даже после венчающего ее вавилонского периода. Мы пока наблюдаем лишь некую фазу ея становления. Характерно, что и после Вавилона внешняя свобода дается лишь относительно, оккупация продолжается, пусть это всего лишь римский протекторат, но все равно власть чужая. Но эта власть успешно взаимно сотрудничает с Церковью фарисеев.

Итак, при таком развитии, сплав пастырей нового типа с пасомыми нового же типа, верующих в непогрешимость своих пастырей без поверки их по предшествовавшим поколениям пастырей добрых, - займет место не какого-то внецерковного общества, а именно Церкви, стремясь к объединению всех ранее отколовшихся обществ.

По ходу этого объединения возможен и новый тип экуменизма. Фарисейство может объединить в себе все ереси при их формальном отказе от своих заблуждений. Кое-какие спорные пункты своих богословских теорий еретики могут и пересмотреть в пользу православных догматов, но не ради истины, а ради выгод единения с Церковью фарисеев, набирающей власть и авторитет в мире сем. Ведь и еретики-то ныне совсем не те, что раньше, до смерти за свою ересь стоять не станут. Так объединение и произойдет. Формально на чисто православной основе, и предание, и догматы могут остаться неповрежденными. А фактически основою единения будет леденящее равнодушие к этим памятникам прошлого, к тем оружиям и броням, в которых жили и воин-

ствовали наши отцы. А движущей силой такого единения останется то самое желание овладеть всем виноградником Божиим. Конец ветхозаветной Церкви пришелся на эпоху фарисеев. У нас нет основания полагать, что в новозаветные времена будет иначе. Никакие пророки, вплоть до наибольшего в рожденных женами, не принимаются; никакие знамения не служат к вразумлению; никакие иные способы промышления Божия о Своем народе не действуют.

В первый раз требовалось Божие *непосредственное* вмешательство, чтобы в конце концов передать виноградник Божий иным делателям, создать новый Божий народ. Во второй раз новый Божий народ создавать уже не из кого. Все просветились, все уже горели верою, и почти все уже потухли, кто раньше, кто позже. Опять-таки требуется *непосредственное* вмешательство Божие, то есть Второе Пришествие и завершение истории.

Нет сомнения, что фарисейская Церковь по окончании своего становления самоувенчается антихристом, но внешне будет блистать всем торжеством своего фальшивого православия. В винограднике Божием восстановится новый идеальный порядок. Каждый хорошо работает на своем месте, ни саботажа, ни хищений, ни небрежности - организация безупречная. Вопрос только в том, где Хозяин? Но Ему уже сказано: не иди сюда, пребывай там, наверху, здесь мы сами управимся. И Он пока долготерпит такое отношение. Но где же посланные Им? Где Наследник? - Стоя в самом винограднике, вы не узнаете ответа, ведь все трупы за оградой. Обратим внимание: за оградой. Никого, пришедшего от Хозяина, новые хозяева не считают имеющим отношение к винограднику. Их место - за захваченной оградой. И непременно под кучей камней.

Тем же убо да исходим к Нему вне стана, поношение Его носяще, не имамы бо зде пребывающего града, но грядущаго взыскуем (Евр. 13, 13-14).

1994 г. *Священник Тимофей*

10*

ПАМЯТКА БУДУЩЕМУ ИСПОВЕДНИКУ

*О книге священника Михаила Польского "Положение Церкви в Советской России"**

I.

Перед нами уникальное свидетельство пастыря-исповедника, очевидца и участника российской церковной жизни 1920-х годов. Написано оно по горячим следам сразу после бегства автора в 1930 г. из советского тюремного ада. Здесь не обобщены еще фактические материалы о гонениях на Церковь, мало ссылок на документы, причем все цитаты приводятся по памяти. Нет и подробного историко-канонического анализа тех или иных церковных событий. Для всего этого требовались еще годы трудов. И со временем такая работа была проделана в том числе самим о. Михаилом. Его последующий капитальный труд о Российских Новомучениках вкупе со множеством теоретических и исторических исследований затмил и отставил на задний план переизданную ныне работу, ставшую уже было библиографической редкостью.

Ныне нам остается об этом лишь пожалеть. Ибо в солидных и основательных трудах по церковным проблемам XX века исчезло нечто присущее этой работе. Это не только острота и свежесть восприятия событий глазами очевидца и участника. Основное отличительное достоинство книги - ее, так сказать, нравственная нагруженность. Это не глубокомысленные построения отрешенного ума, а исповедь, написанная кровью сердца человеком, сражающимся в настоящий момент за церковную правду. Здесь нет полноты картины, но есть нечто лучшее и важнейшее - как бы видеозапись нравственного состояния человека, восходящего от полуправды к

* Священник Михаил. Положение Церкви в Советской России. Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим. 1931 (С.-Петербург, 1995).

правде, преодолевающего нравственную расслабленность в себе и ея приражения извне.

Самое ценное в книге - именно эта кардиограмма духа. Но ценна она скорее для тех, кто хотя бы несколько знаком с такою борьбой на собственном опыте. Конечно, в наше время за церковную правду пока не приходится претерпевать таких же физических страданий, что и тогда. Но на физических страданиях автор и не заостряет внимания. Похоже, что он их вообще не замечает. Главная его борьба и его скорбь - духовная. Такое впечатление, что страдания уже почти не имеют никакого влияния на его дух. Но в душевной и духовной области, где и предлежит все еже о Христе тризнище, мы видим для себя и ободрение, и утешение в настоящем, и наставление на будущее.

Оценки автора и его прогнозы в некоторых местах, быть может, не совсем оправдались, но не в них суть дела. Эти пробелы может восполнить исторический опыт. Главное и принципиально важное для нас, его сегодняшних читателей, - это его душевная, можно сказать, аскетическая установка, его нравственная позиция. Впрочем стоит более конкретно показать как теоретические недостатки работы, так и превосходящую их нравственную высоту. Более того, мы увидим, как первые не принижают, но возвышают вторую.

Истина открывается человеку в борьбе за эту истину, в крестоношении ея ради. Для того, чтобы в православной среде было верно понято откровенное учение об исторической динамике, о последних временах міра, нужно было пострадать Новомученикам. Их страдания, их исторический опыт отлились для нас в богатство разумения. Свои ошибки они оценили, исправили сами, кровью омыли и нам передали именно в таком виде. Глядя на это, мы видим, как дорого стоило то, чему поначалу не придали должного значения.

Речь идет о том, что нам по опыту всего XX века уже довольно ясно: о сути антихристианской власти и ее отношениях с Церковью. Это главный нравственный вопрос, стоявший перед автором книги и вообще перед всем тогдашним православным міром.

Далеко не сразу и не всем стало очевидно, что революция в России открыла новую эпоху в міровой истории: пало православное Царство, уничтожился Третий Рим, после которого четвертому уже не быть, быстро начинает воздвигаться антихристов міровой порядок. В этих условиях у Церкви с властью возникают новые отношения, принципиально враждебные. Никакого сговора или компромисса быть не может. Это и показывает о. Михаил на горьком опыте своем и тех православных, с которыми ему приходилось общаться.

Власть в России перешла не просто к кучке ни во что не верующих уголовников, каковыми для многих виделись большевики. Русские люди в феврале 1917 года в большинстве своем не сумели понять, что на свет выходит из бездны зверь багряный, что свершается апокалипсическое событие. И за это пришлось дорого заплатить. Даже многие из будущих Новомучеников к февральским событиям отнеслись слишком спокойно. И потом им пришлось идти сложным и кровавым путем к правильному пониманию духовной сущности событий, тем путем, фрагмент которого ярко показывает о. Михаил.

Мы смотрим теперь на эти события с семидесятилетнего расстояния, видим бесполезность всяких попыток договора Церкви со властью, и вывод автора нам очевиден. Но мы пишем его чернилами и тростью, а он вместе с другими исповедниками - собственною кровью. И нашим чернилописаниям была бы грош цена, если бы кто-то до нас не выстрадал бы понимания истины, жертвуя за нее жизнью.

Лучшее с нашей стороны почитание памяти Новомучеников - сохранить их міропонимание, их сердечный настрой, добытый ими для нас столь дорогою ценою.

Теперь вопрос: может ли революционная антихристова власть за двадцать веков добившаяся-таки мірового господства, исчезнуть сама собою? Более того: попустит ли Бог такой подарок людям, как падение сатанократии, после столь великих грехов и при практически полном отсутствии покаяния и исправления?

Достаточно просто взглянуть на окружающую обстановку, чтобы твердо ответить: во всем міре и в России в

особенности остается власть того же революционного происхождения, той же беззаконной сатанинской природы, что и прежде. Правят те же лица, стоящие в тени, а на сцене политического театра вертятся такие же марионетки, что и прежде, только, пожалуй, более лицемерные. Настоящему Православию такая политическая система противоречит органически.

Очевиден вывод, выстраданный о. Михаилом и его соратниками: с такой властью у Церкви не может быть ни союза, ни сговора. Более того, если такая власть станет по своему почину вдруг поддерживать Церковь разными подачками, то значит, такая Церковь уже не соответствует своему Божественному назначению, данному ей Основателем ея, уже не стоит на сем краеугольном камне.

Сторонясь всякой политической деятельности как заведомо бесполезной в предантихристову эпоху, мы не скрываем и своих политических убеждений. Вслед за о. Михаилом, опасавшимся поначалу обвинения политического, а затем пришедшим к выводу, что другого и быть теперь не может, - и мы не станем бояться ярлыков и огульных обвинений в "фашизме" или "антисемитизме". Не следует даже доказывать обвинителям всю безпочвенность таких нападок - они лучше нас все понимают. Отречься от своих политических убеждений сегодня, значило бы отречься и от Новомучеников, от учения Церкви о православном Царстве и кончине міра. Это значило бы отречься и от многих душ, приходящих к Церкви и ищущих в ней единственного источника правды среди злого и фальшивого міра, правды не только о Боге, но и об этом самом окружающем міре.

Еще один важный урок выстрадал для нас священноисповедник: не откладывать выработку своего отношения к действительности, не откладывать и своего исповедничества. Настрой на борьбу за правду должен быть с самого начала. Всякое умолчание, тем более хитрость или лукавство, непременно расслабит волю. Это в свою очередь либо сразу приведет к падению, либо серьезно усложнит нравственную задачу. И нам следует готовиться к исповедничеству еще до начала больших искушений.

II.

Думается, эта книга не получила должной оценки даже в Зарубежье по двум причинам. Во-первых, автор почему-то не поставил под сомнение каноничность возглавления Церкви митрополитом Сергием. Во-вторых, он свидетельствует о том, что подавляющее большинство клира, епископата и мiрян приняло курс заместителя патриаршего местоблюстителя и осталось с ним.

Зарубежные церковные авторы не могли с этим согласиться, поскольку на это у них были обоснованные возражения, а кроме того, оба эти довода настойчиво использовала Московская Патриархия, доказывая свою правоту. "Карловчане" же, напротив, эти положения отвергали постоянно, называя поступок митрополита Сергия узурпацией церковной власти и утверждая, что его Декларацию 1927 г. не поддержало большинство церковного народа. Как же можно было сразу дать ход этой книге, с таким свежим свидетельством очевидца! С другой стороны, как нам теперь понять, кто же ближе к истине?

Что касается вопроса о большинстве, то противоречие здесь, видимо, кажущееся. Действительно, большинство церковного народа от епископов до мiрян поняло, что ничего хорошего в Декларации нет и что слишком радостными провозглашенные "общие радости" не будут, что радоваться будет только "заботливая к нуждам верующих" советская власть. Но найти в себе силы при таком правильном понимании на то, чтобы отделиться от неправды церковной, было гораздо сложнее. И тут исповедники - как это можно видеть на основании хотя бы житий Новомучеников того же автора - остались все-таки в меньшинстве. Остальные болезновали сердцем и сочувствовали истине тайно.

Поэтому истинное соотношение между исповедниками и сергианами явно не в пользу первых, да и не могло быть иначе, как бы нам ни хотелось обратного. Так в Церкви бывало всегда: и во времена свв. Афанасия Великого, Максима исповедника, Иосифа Волоцкого. Правильно понимает многое почти весь церковный

народ - хранитель предания и благочестия, да только вот подвизаются за благочестие обычно немногие.

Кроме того, Бог промыслительно попускает своим исповедникам не знать друг о друге, не иметь связи и переживать тяжесть одиночества. Семитысячный остаток не так уж мал, хотя он и в меньшинстве всегда, но зато всегда сильно рассеян. Здесь есть какое-то недоведомое нам действие Промысла. Но, признаться, это попущение только усиливает блеск славы победителей, почти каждый из которых оказывается единоборцем.

Следует учитывать и такую общую черту в вопросах численности: в среде простого народа всегда оказывается больше ревнителей, чем в клире, а тем более в епископате. Большая часть мiрян может оказаться на стороне истины, а из епископов - почти никого. И такое нередко бывало в истории Церкви. Думается, не была исключением в этом плане и ситуация 1927 года. Примерно так и можно понять из свидетельства о. Михаила.

Сколь же ужасной неправдой после этого звучат слова нынешних защитников "сергианства", будто бы тяжелые компромиссы вплоть до измены совершались по любви к пастве, из снисхождения к ея немощам. «Нужно, чтобы люди любой ценой могли причащаться!» - вот расхожий тезис нынешних отступников. Однако, в действительности все было иначе. Обычный "сергианский" священник, кроме своего прихода, был никому не нужен, сколько бы ни пытался доказать ко всем свою любовь; а того священника, который отойдет от неправды, где бы он только ни появился, на выю припадающе умоляют, чтобы остался или хотя бы приезжал почаще. Так что те, кто лицемерил о любви, о своем желании помочь пастве, фактически лишали людей самого нужного: истины и доброго примера. И сегодня вопрос о том, где же милость и истина встречаются на самом деле, для нас стоит крайне остро. По любви к чужим грешно предавать своих.

Что же касается вопроса о каноничности митрополита Сергия, то позиция автора работы, не разбиравшего каноны, представляется нам нравственно более сильной. Пусть у митрополита Сергия были канонические наруше-

ния и превышение полномочий. Пусть его богословское рассуждение о связи христианина со Вселенскою Церковью через первоиерарха поместной Церкви (из чего следует вывод: кто не сергианин, тот не христианин) сильно отдает папизмом. Все это так. Но все это было бы простительно, если бы он действительно стоял за церковную правду. Мало ли какие каноны формально приходилось нарушать и святым, начиная с Афанасия Великого и Златоуста, когда дело шло об истине! И все канонические нарушения митрополита Сергия ради чрезвычайных обстоятельств, безусловно, простило бы ему церковное сознание, *если бы цель нарушений была истинной.*

Поэтому и разбирать деяния митрополита Сергия мы должны прежде всего не с канонической стороны. Конечно, каноны в Церкви живут и работают. Конечно, всякое отступление от правды не может быть каноничным. Но порядок осмысления конкретной ситуации всегда должен быть таким же, как и у о. Михаила: не через каноны идти к правде, а наоборот: познав правду живым нравственным чувством, христианскою совестью, лишь отсюда смотреть на каноны. Канонические нарушения могут быть у всех, но есть принципиальные, тяжко греховные, а есть удобопростительные, вынужденные. Строго по инструкции жить невозможно, не удается организовать работу какой-то группы людей, не получается даже использовать какую-либо машину. Тем более нравственный церковный организм не всегда поддается управлению строго по канонам.

Так и, к сожалению, путь канонического спора Русской Зарубежной Церкви с Московской Патриархией едва не завершился в пользу последней, не говоря уже о том, что канонический анализ сам по себе мало кого способен убедить. Есть и живые примеры церковных канонистов, убедительных разоблачителей "сергианства", которые впоследствии переходили в Патриархию и защищали все ее неправды, или же в наше время поддержали суздальский раскол, не обращая внимания на его союз с нынешней властью по сергианскому образцу. Так воистину убивает буква!

И если в 1927 г. главному надсмотрищику над Церковью Тучкову пришлось потрудиться, чтобы найти «вашего, канонически чистого епископа, которого если не примете, пощады не будет», то сейчас таковых полно; гораздо труднее найти действительно верных, которые не дружат с антихристианскими властями, не принимают от них ни подарков, ни заданий, ни образа мыслей. Все-таки: не Церковь для канонов, а каноны для Церкви. И если архиереи "канонически-чисто" навязывают нам какую-то явную неправду (например, призывают голосовать за нынешний продажный антирусский режим), то бежать от них следует по слову Златоуста, даже если бы это были ангелы с неба.

Остается подивиться и взять за образец нравственную позицию о. Михаила: да, я буду за правду, даже против большинства и против сухих канонистов. Ведь кто приносит неправду, тот уже по этой причине лишается пред Богом права ссылаться на каноны, тем более использовать их для разрушения Церкви.

III.

Жизнь показала нравственную правоту российских исповедников. Пусть в 1927 г. кто-то имел честное каноническое извинение в своей поддержке митрополита Сергия, а кто-то не смог ему противостоять. Мы не имеем права судить тех людей, не перенеся их испытаний. Но самое главное - на этом первом грехе дело не остановилось, да и могло ли остановиться? Последовало создание новой, хотя по внешности вроде бы такой же Церкви, - именно так, не больше и не меньше. И как Церковь истинная стоит на Петровом исповедании Иисуса Христом (Мф. 16, 16-18), так получилось и здесь с точностью до наоборот. Сказал некто большевикам: благодарю за внимание к нуждам верующих, - и услышал в ответ: блажен ты, Сергий, ибо воистину не плоть и кровь, но сам отец наш открыл тебе это. И на сем песке исповедания твоего воздвигнет он церковь свою и врата райские не отверзнутся ей. И даст тебе ключи преиспод-

ней, и всех, кого свяжешь соучастием в своих делах на земле, будут связаны и во аде...

Мы видим только теперь эту новую Церковь в стадии достройки. Экуменизм, папизм, общение с темной духовностью, все разрастающееся дружество с беззаконными властителями, постоянная торговля всякою святынею - грехи в ее структурах ныне уже совершенно добровольные, в отличие от "первородного" сергианства; наконец, удручающее нравственное состояние епископата и духовенства - все это последствия принятия первой неправды. Неслучайно эта первая неправда ныне ходит в нимбе, а исповедники вроде о. Михаила до сих пор состоят под анафемой Патриархии.

Лишь теперь, в 1990-х годах, мы понимаем весь ужас того, что свершилось в двадцатые годы. Отец Михаил, заметим, не бросил камень в блудницу и другим не позволил, ожидая ее покаяния и призывая к нему. Но как сказано в Откровении: «Я дал ей время покаяться в любодеянии ея, но она не покаялась» (2, 21). И та великая скорбь, скорее всего вечная, которая обещана в следующем стихе, - чьим ходатайством может быть теперь отклонена?..

Митрополита Сергия и всех иже с ним можно понять и даже нельзя осудить. Они были в пленении и в рабстве. Но те, кто ныне канонизирует их грехи, вместо того, чтобы удаляться от них и молиться об оставлении этих грехов почившим, - те совсем в ином положении: не в рабстве, а на свободе, не в слабости, а в силе, не в нищете, а в роскоши, не в презрении, а в почитании, не в бесправии, а под крепкой поддержкой хозяев мiра, не в безгласии, а с возможностью проповеди на всю страну и дальше. Все основания для сочувствия и сострадания удаляются сами собою.

И тем не менее мы не спешим бросать камни, не спешим объявить приговор безблагодатности, боимся похулить то Божие, что еще сохранилось у "блудницы", хотя бы в поруганном виде. И здесь для нас также служит примером наставление о. Михаила.

Живая вера, упование на Бога, любовь к правде даруют человеку и живое непосредственное водительство

Божие. Неужели не видно этого водительства в самой судьбе о. Михаила, бежавшего через всю страну и чудом сохраненного от тысяч смертей? Это никоим образом не бегство малодушного. Это великое промышление Божие, судившее такому человеку составить жития тех святых, которых он был достоин, и которых не был достоин весь мір.

Читая, мы не сомневаемся, что спасал он именно душу свою, стократно рискуя для нее жизнью, и Господь не посрамил упования угодника Своего. Его книга есть практическое руководство всем желающим и ныне устоять в церковной правде. Оно так же важно для нас, как "Лествица" для молодого послушника, как "Известие учительное" для ставленника во священство. Это целая школа искренности, мужества, твердой и твердеющей живой веры, отвращения от лжи и греха, постоянного нравственного восхождения через крест к правде и вечной жизни.

Январь 1995 г. *Священник Тимофей*

ВЛАСТЬ - ДЕЛО СВЯЩЕННОЕ

Прошел первый тур президентских выборов в России. Событие, примечательное тем, что практически весь народ в той или иной мере выказывает свое произволение о судьбах страны. Не просто волю, не просто хотение, а волевое решение. Во Христе мы исповедуем две естественных воли, два хотения, Божеское и человеческое, но произволение, волевое решение, нравственное движение - целостное и недвоящееся. Хочет ли постящийся поесть? Естественною волею хочет, а произволением - нет. Так и ныне мы имели перед глазами не просто естественное желание, а волеизъявление нашего народа. Мы имеем дело с деянием нравственным, подлежащим, следовательно, церковной оценке.

Естественною волею многим из нас хочется чего-то большого и чистого. Но здесь был поставлен выбор. Выбор будущего - в той мере, насколько оно может зависеть от нас, человеков. И реально выбирать приходилось из различного рода смешений добра со злом.

В современном нравственно развращенном и духовно расслабленном обществе довольно закономерною была победа нынешнего правителя. Достаточно только представить себе, сколько средств истрачено им на самую дешевую и пошлую саморекламу, чтобы почувствовать искреннее отвращение к такому кандидату. Бесплатная цветная газета с тиражом в десять миллионов (!) экземпляров, постоянная рекламная шумиха по радио и ТВ, разбрасываемые повсеместно листовки и многое другое призваны были показать всякому, за кого стоит начальство в стране и во всем мире.

Человек, не до конца утративший нравственные понятия и немного понимающий мировую динамику, только из одного этого мог понять, на кого сделал свою ставку міродержитель тьмы века сего. Кроме того, все мы знаем, что к власти этот человек пришел через клятвопреступление и убийство, которое юридически называется массовым, немотивированным, произведенным с особой жестокостью. Таков был совершенный им переворот в октябре 1993 года с отменой Конституции, на ко-

торой он присягал два года назад, и расстрелом тысяч безоружных людей. Кроме того, на его совести Чеченская война, так и не прекращенная и намеренно направляемая на наибольшую кровь с обеих сторон. На его же совести государственная проповедь всевозможных видов разврата, имеющая целью оскотинить весь народ для скорейшего его обращения в массу, послушную "мировой закулисе". Про разорение и разграбление страны, про обирание и бессовестный грабеж населения можно вспомнить последним пунктом, равно как и про публичное скотское поведение. Таков этот кровавый демократор. Даже отдельные его недавние соратники по демократической партии были против его кандидатуры именно по нравственным соображениям. Должен же президент выдерживать какой-то нравственный минимум, - говорили они.

Его предвыборная агитация свелась исключительно к контрпропаганде, к запугиванию красным жупелом. Голосующие за него прямо говорят: да, он плоховат, но реальная его альтернатива, коммунисты - хуже. Да, мы с диаволом, но против коммунистов. Что ж, это произволение очерчено достаточно ясно: все-таки с диаволом, с таким человеком и с такими его клевретами, которые грешат не по-человечески, а именно по-демонски, не христианина превращают в зверя, как делали большевики в революцию, а просто падшего человека превращают в демона. Новый, более глубокий этап.

Видеть своими глазами всю эту демониаду совестливому человеку тяжело. И вот нашлась большая группа людей во главе с православными священниками, которая оттолкнувшись от этого адского разврата, публично поддержала главу компартии (КПРФ) Г.А. Зюганова в качестве единого кандидата от народно-патриотических сил. Он был единственным из кандидатов в президенты, кто поддержал обращение Комитета за нравственное возрождение и обещал государственными мерами остановить государственную политику растления народа. Конечно, коммунистов ныне представлять не требуется, ни как практиков, ни как теоретиков. И все же оговориться стоит, что на совести нынешних сторонников Зюганова и

на нем самом к моменту президентских выборов нет того моря крови, которое оказалось по колено нынешнему правителю.

Итак, столкнулись две позиции. Первая, на наш взгляд гораздо более греховная, говорит: лучше нынешний президент-убийца, чем предполагаемое возрождение теории и практики убийц бывших. Вторая возражает: лучше поверить наследнику убийц бывших в надежде на его исправление на фоне содеянного предшественниками, чем поддержать убийцу реального. Третьего, к сожалению, реально не видят ни те, ни другие. Обе стороны выбирают из двух зол меньшее.

Ситуация напоминает времена перед Иудейской войной 70-го года. Две больших группы политических течений: патриоты-ревнители и иродиане проримской ориентации. Нравственная разница между ними, конечно, есть. Но беда в том, что Христос не нужен ни тем, ни другим. И соответственно, христиане, для которых Христос - это *все*, не поддерживают ни тех, ни других. Проповедав Христа всем, кто еще способен внять их голосу, они бегут из этого града, «имя которому Содом и Египет и где Господь наш распят», памятуя пророчество Христово о его неминуемом и страшном падении, равно как и прямое наставление Господа спасаться в этот конкретный момент бегством.

Господь не случайно в беседе с учениками о последних днях міра переплел Свое пророчество с описанием кончины Иерусалима. Цель Его в этом нам ясна. Сначала при жизни и при ясной живой памяти Его самовидцев показать *модель* кончины міра, с тем чтобы слышавшие Его непосредственно вели себя правильно и оставили пример правильного поведения дальнейшим поколениям христиан, в особенности тем, кто вплотную приблизится к этим последним временам.

Наставление Христово на тот момент, когда все основы нормального человеческого общежития взорваны, демонократия торжествует, на святом месте - мерзость запустения (то есть вместо Невесты Христовой, истинной Церкви - вавилонская блудница, лжецерковь), когда все возможности покаянной проповеди исчерпаны и никто

ничего не слушает - на этот момент нам предписано бежать.

Куда и как? Во внутреннюю пустыню, там где скрывается Жена, облеченная в солнце. Во-первых, это означает присоединение к истинной Церкви; во-вторых, полное и тщательное хранение чувств, чтобы не видеть этого ужасного окружающего нас Содома. В-третьих, это и удаление из больших городов, особых рассадников разврата. Удалиться туда и увести туда, в эту внутреннюю пустыню, людей, жаждущих спасения - таковою видится в последние времена реальная пастырская задача. Жаждать спасения и помочь такожде жаждущим - это реально. Спасать весь остальной мір, как никогда прежде любящий зло, - дело не просто безполезное, но и отводящее от спасения конкретных близких, еще желающих спасаться.

Бесплодно упование на человека, который (даже если забыть о его коммунистическом прошлом и настоящем) попытается сразиться с самим сатаною человеческими руками. Ему скорее позволят провести полную национализацию, чем остановить разврат - эту основу основ нынешней власти. А вот успокоить его совесть тем, что у него нормальные отношения с христианством и тем отвести его от покаяния и спасения - это гораздо более реально.

В одном из постановлений нашего Зарубежного Синода в декабре 1992 г. говорилось: Церковь Христова не может ни о чем договариваться с теми, кто не признает Иисуса Христа своим Главою, она может только проповедывать Его им. В этом смысле любому человеку, желающему подвизаться против греха одними человеческими силами, следовало бы сказать так: Слава Богу, что ты понимаешь, что корень всякого зла - грех и собираешься с ним бороться. Прими же оружие против греха единственно действенное - всечестный Крест Христов, вооружись им и облобызай его. Уверуй во Христа до конца, всею душою, как царь Константин - и победишь врагов веры и отечества. Но только не пытайся ввести Христа в пантеон своих мерзких идолов. Выброси их

11 — 3416

прежде и будь цельным в душе. - И лишь тогда мы будем с тобою, когда ты будешь со Христом и Он в тебе.

Вот это был бы разговор в духе любви. Состоявшийся же разговор священников с Зюгановым, к сожалению, похож на экуменическую любовь. И лучшее доказательство тому, что он не согласен с волею Божиею - его безплодность. Он ничего так и не дал, кроме приучения себя и людей уповать не на Бога, а на человека.

При том все эти наши рассуждения основаны на предположении честности со стороны "поумневшего" коммуниста, честности полной и прямой. Но кто готов поручиться за честное коммунистическое слово?

...Что же надо было делать? В чем главный отрицательный итог выборов? Ответ прост: к государственной власти следует относиться как к делу священному. Мы - за монархию не простую, а священную, от Бога дарованную и Церковью благословляемую. Другого ничего ни для нас, ни для России нет. Церковь пребывает Невестою Христовою, хотя имеет свободу соблудить. Россия обручена с Царем, Помазанником Божиим, хотя тоже может соблудить. Может и долго блудить - и все это будет беспутие. Обручение нерасторжимо, оно не может быть предметом сделок, торгов, временных соглашений. Потерялась невеста единственная и любимая до гроба. А нам предлагают: возьми пока другую, она поможет найти пропавшую...

Нет России Царской, Православной - нет России вообще. Есть русские люди, которые хотят ее возвращения. Что им делать, когда предлагают тысячу разных путей, кроме единственного? - Надеяться на Бога и не забывать о своем единственном, о своем возлюбленном, о своем вожделенном. Не наше все это - вот ответ. Против всех кандидатов.

Самое страшное, что исчезает отношение к вопросу о власти как к делу святому. В святом деле нет человеческого падшего рассудка и расчета. Из двух, из многих зол здесь выбирается добро.

Впрочем, и расчет определенный в отвержении всех нынешних кандидатов есть, только нужно включить в картину политического прогнозирования фактор действия

Божия. Положим, действительно, наш народ искренне покаялся в цареубийстве и отступничестве и встал за веру, Царя и отечество. Что сделать? - А сказать об этом Господу не желанием естественной человеческой воли, а *произволением*, нравственным актом, целостным волеизъявлением, не допускающим сделок. Вот и проголосовало бы процентов 70-80 против всех кандидатов, а на бюллетене написали бы: за веру, Царя и отечество. Увидел бы Господь, что люди не просто ищут дешевой колбасы, а желают Его порядка, желают так, что готовы выразить свое желание, готовы отказаться от всех сомнительных и по-человечески приемлемых вариантов ради одного *святого*.

О, напрасно думать, что тогда все осталось бы как есть! Воздвиг бы Бог и нам мужей силы, духоносных вождей. Они укрепили бы произволение людей к добру, и Сам Господь стал бы им Богом и тии были бы Ему людие. Как же можно Вседержителя исключить из рассмотрения как Самодействующего, Чудодействующего мышцею высокою?! Почему хотят видеть действия Его только через каких-то сомнительных человеков, вплоть даже до неверующих в Него?

Увы, увы, получаем по вере своей, получаем то, что заслужили; хуже: получаем то, чего захотели сами, на что сразу же готовы согласиться. Спрашивает Сам Господь устами Пилатов: кого хотите? - Отвечаем: Варавву, говоря между собою: Христа бы нам, да ведь Его все равно не отпустят...

10(23) июня 1996 г. *Священник Тимофей*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ныне перспектива державного строительства в России, видимо, отдаляется от нас все дальше в какую-то неведомую область. Государство вступило в затянувшийся кризис, в законсервированный развал. Энтузиазм патриотического движения пятилетней давности сменился пассивным привыканием к наличным условиям.

Случилось весьма печальное стечение событий: государство отнюдь не стало христианским, православные чувства открыто попираются в СМИ, в государственной системе образования процветает оккультизм и космополитизм... Но руководство Московской Патриархии поддерживает власть имущих и претендует в этом олигархическом антихристианском государстве на роль бывшего политуправления, более всего заботясь о своем финансово-материальном лидерстве. Не следует думать, что люди этого не видят - мы не открыли Америку. Показательно, что авторитет Православной Церкви в среде патриотов сильно упал, а они сами остались без духовного возглавления - и, к сожалению, далеко не все ищут его теперь в Православии.

В таких условиях общего религиозного разочарования и державная идея православного Царства все еще вызывает в народе недоумение и неприятие. Православное Царство и само Православие связывается у них с описанной церковной действительностью. «Не то!» - вот реакция на это простых честных людей, не знакомых с православным учением, которые в результате пополняют ряды красной оппозиции, а то и многочисленных язычников... Ведь даже лучший из патриархийных иерархов нашего времени, митрополит Иоанн С.-Петербургский, не сказал полной правды... От его же преемников и того ожидать не приходится.

Однако из такой трагической ситуации не следует вывод, что православным монархистам можно отказаться от своих идеалов как безнадежных. Идеалы нужно хранить, поскольку они истинны. Тем больше теперь наша ответственность за сохранение нашего церковного учения и исповедания. Исповедание же хранится исповедающими. Идеалы не могут сохраняться на бумаге, и даже выбитые на камне золотыми буквами. Идеалы хранятся в сердцах - достаточно для этого очищенных. Как драго-

ценные благовония или самоцветы не должны храниться в сосудах грязных, так и идеалы Святой Руси должны быть вложены в соответствующим образом воспитанные души. Поэтому искренние православные монархисты должны искать себе и соответствующих духовных пастырей.

Труды иерархов и богословов Зарубежной Церкви сохранили и передали нам идею Царства в должной чистоте и с осмыслением на своем этапе. Дай Бог, чтобы богатство мысли, преподанное нам в живом преемстве нашими Отцами, мы сумели сохранить и передать внукам (если им еще суждено жить на земле), чтобы, всегда содействуя воспитанию граждан Небесного Царства, это духовное наследие смогло когда-нибудь вновь обрести воплощение и в своем земном отечестве.

1997 г. *Священник Тимофей,*
иеромонах Дионисий

От редакции "РИ".

Будущее России в руках Божиих, но зависит от нашего поведения. Сейчас развиваются два определяющих процесса. Первый - нравственное разложение народа и разрушение государственности под воздействием мировой закулисы и ее ставленников, управляющих страной и владеющих СМИ. К сожалению, бóльшая часть народа поддается этому воздействию: скользить вниз легче, чем подниматься вверх. Второй процесс заключается в осознании губительности этого развития и в стихийном сопротивлении ему части ведущего социального слоя. В этом втором процессе участвует меньше людей, но исторические повороты никогда не определялись большинством - а всегда активным и жертвенным меньшинством.

К сожалению, русское патриотическое меньшинство лишено своей главной - и единственно возможной! - опоры: поддержки Церкви. Только это препятствует сегодня перелому в ходе событий. Но с низов Церкви нарастает давление на верхи, которые - даже будучи конформистскими - все больше вынуждены заботиться о своем авторитете в глазах мирян. Все-таки миряне представляют собой немалую и крепнущую силу. В 1997 г. это показал целый ряд протестов против кощунственных акций разных недругов России.

Поскольку усиление первого (разрушительного) процесса активизирует и усиление второго, русского сопротивления, то православная патриотическая общественность может достичь состояния пересыщенного раствора, когда всего одна крупинка соли вызывает образование новых, кристаллических структур. Такой крупинкой может стать один-единственный епископ, который решится избрать мужественный исповеднический путь - он будет немедленно поддержан истосковавшимися по правде миллионами православных людей всех профессий и сословий - подлинным русским народом.

Вопрос, конечно, в том, найдется ли сегодня в Русской Церкви, с ее тысячелетней историей и множеством подвижников, *один* такой человек, от которого теперь, возможно, зависит судьба России.

Святии Царственнии Мученицы
молите Бога о нас!

КАНОН СВ. ЦАРСТВЕННЫМ СТРАСТОТЕРПЦАМ

Составлен по поручению митрополита Виталия, Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей, в качестве дополнения к имеющейся Службе Святым. До утверждения Архиерейским Синодом РПЦЗ предлагается только для келейного чтения.

Глас 6

Песнь 1. Ирмос: Яко по суху...

Пение хвалебное и моление усердное святым Царственным страстотерпцем приносяще умиленно Господа просим подати нам сокрушение сердечное и уста наша Духом исполнити.

Яко крест страдальчества восприял еси скиптр Царства Российского, вражией завистью уже колеблема и близ падения бывшаго, егоже удержати, святе Николае тщался еси.

К языку чуждему и людем незнаемым ты пришла еси, Божественному Промыслу повинувшися и страдания чашу с народом сим испила еси, святая Царице Александро.

БОГОРОДИЧЕН: Не отрини слез и воздыхания нашего, святая Богородице, но земли нашей овдовевшей и народу осиротевшу Сама Царица и Владычица буди.

Песнь 3. Ирмос: Несть свят...

Дмение мірское и славу суетную презрев, сокровище некрадомое в жизнь вечную собирал еси, святе Царю во вся дни жития твоего на земли и ныне в Небесных селениих со Христом царствуеши.

Еда туне чтит Господа Царь Николай, не Ты ли Сам обогатил и возвеличил еси его царство, - тако древний клеветник хвалитися над тобою мняше пред Господем, но якоже праведным Иовом древле, тако и тобою ныне побежден со студом бежаше.

Гордость житейскую поправше, Христа паче всех взыскала еси, и еже волю Его сотворити тщалася, святая Венценосице, темже и Той вместо тленнаго нетленным венцом украси Тя.

БОГОРОДИЧЕН: Прииди в помощь людем безответным, Владычице, во благополучнем житии нечувственным, в скорби же унывающим, и укрепи милостию Твоею души изнемогшия.

Песнь 4. Ирмос: Христос моя сила...

Константинову веру и Феодосиеву кротость Христос тебе дарова, святе Николае, и Маврикиева страдания причастника тя содела, ты же достойно лик святых Царей на Небеси восполнил еси.

Коснися костем царевым, сокруши державу его на земли, аще в лице Тя благословит, - вопияше мучитель древний Царю царствующих, посрамление свое от Иова многострадальнаго позабывый.

Чистотою и незлобием Господеви угодисте, кротостию и милостию мучителей суровство умягчисте, страданием же и кровию своею Небеса отверзли есте, родителей святых чада боголюбезнейшия.

БОГОРОДИЧЕН: Посети, Владычице, озлобление наше, милости Твоя, отцем нашим дарованныя не попусти забыти и покаянию тех сподоби поревновати.

Песнь 5. Ирмос: Божиим светом...

Се все достояние царево тебе, враже, предаю, точию души его не коснешися, - сице бысть попущение Владычне о рабе Своем венценоснем, - да истощится всуе тул твой и крепость твоя сокрушится, сряшеши бо доблестна ратоборца Моего, главу твою попирающа.

Что мне злато гибнущее, что мне власть и преобладание, что мне дружество человек мятежных, - вся сон и тление, ничим же от сих порабощен бых, благая вся восприявше от Господа, злых ли не стерплю, - сице глаголал еси, святый страстотерпче.

Иовли жены малодушие отвергла еси, Александро святая: благослови Господа в скорби твоей и жив с Ним вечно буди, - тако во утешение мужеви вопияла еси.

БОГОРОДИЧЕН: Мати Света, Царице Небесная, Царственных страстотерпцев в скорби утешавшая и нам подаждь силы сокрушение земнаго отечества претерпети до конца и спасенным быти.

Песнь 6. Ирмос: Житейское море...

Меч в защиту свою и власти моея не подыму, ни един мене ради погибнет, и аще к погибели тщитеся - своею волею мятежною поспешаете, чист есмь от крове вашея.

Аще жертва за грехи людей русских паки потребна есть, аз ныне жрен бываю, - сицево бо есть первенство мое в роде сем, яко волею Вышняго Царствующаго.

От младенства твоего недуг тяжкий нося, терпению навыкл еси, святый отроче Алексие, волю Божию, аки свою исполнити желая, диадимы царския беззаконно лишенный вместо тоя сугубый венец чистоты и страдальчества приял еси.

Душам вашим смиренным даде Господь покой в час смертный, внят молитве вашей, юже в сердцах чистых принесосте, Царственнии отроковицы, у преддверия могилы за врагов своих кротко молившияся.

БОГОРОДИЧЕН: Кресту Сына Твоего предстоявшая, Святая Владычице, всякую скорбь нашу веси, всякую слезу отираеши и воздыхание слышиши и всем в помощь поспешаеши призывающим Тя.

Песнь 7. Ирмос: Росодательну убо пещь...

Всеми ранами и скорбьми Иова искусивый точию узами не отяготи его, ихже тебе, Царю Николае уготова, яко да престанеши пети: благословен еси Боже отец наших.

Смягчение сердец стражей темничных видя, кротостию твоею укрощенных, новых зверообразных мучителей на тя воздвиже вселукавый от древняго сонма пророкоубийственнаго, ты же не престал еси вопити: благословен еси Боже отец наших.

Иже Царя Небеснаго ко кресту пригвоздивших исчадия равнозлобнии на земнаго Царя благовернаго всею лютостию отчею вооружишася и детей неповинных смертной муце предаша, не преставших вопити: благословен еси Боже отец наших.

БОГОРОДИЧЕН: Согрешивше и по делом нашим наказани бывше, како Сына Твоего умолити не вемы, аще не Ты, Всепетая Мати ходатайства Твоего Матерняго всесильна употребиши.

Песнь 8. Ирмос: Из пламене росу...

Авситидийстему страдальцу ревнуя, Господь даде Царство, Господь и отъят, - вопиял еси святе Царю Николае, - на гноище поношений и во узилище смертном седя, - буди имя Его благословенно во веки.

Отдалече тебе сташа ближнии твои, святе Царю, не познаша, яко ты истинный отец людем твоим был еси, с тобою и Небеснаго Отца презреша и своеволием своим наказани быша, не ведуще пети Господеви: Тя превозносим во вся веки.

Яко истинная Мати людем русским сущи, Александро блаженная, отечество земное оставльши, скорби множества новых чад твоих благодушно понесла еси и лютую неблагодарность, аки некую похвалу вменила еси, Господеви поюще: Тя превозносим во вся веки.

БОГОРОДИЧЕН: О страдании святых венценосцев умилившимся, подаждь и нам, о Владычице всепетая, тех терпение в скорбех, да плод духовный принесет нам всякая скорбь наша, превозносящим Господа во веки.

Песнь 9. Ирмос: Бога человеком...

Внял ли еси, враже, на раба Моего Николая, образ владычества Моего на земли носившаго, якоже несть ин человек, якоже он в житии: преподобен, честен, незлобив, от всякия злыя вещи удаляяся, последи же душу свою о людех положивый, твою же гордыню паки купно со Иовом посрамивый.

Радуйся, святый Венценосче, страдати за люди твоя изволивый, благослови бо Господь последняя твоя паче первых, обрел бо еси паки в воскресении супружницу и чада твоя, и богатство истинное, и честь неотъемлему, и славу неувядаему.

В телесех юных разум совершенный стяжавше, чистоту же детскую сохранивше, в житницу небесную яко зрелый клас посечением смертным прияты бысте, но и нас, молящихся вам не оставите.

БОГОРОДИЧЕН: Осиротевшую державу Российскую никакоже оставила еси, Владычице Небесная, Местоблюстительнице престола Царскаго, не лиши поющих Тя и Небеснаго Царствия.

МОЛИТВА О СПАСЕНИИ ДЕРЖАВЫ РОССИЙСКОЙ

Господи Иисусе Христе Боже наш!

Со умилением и воздыханием, с тугою сердечною приступихом к Тебе, и припадаем, и в болезни духа вопием: согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою. Дары Твоя: Церкве благолепие, плодов изобилие, воздухов благорастворение, земли благоплодие ихже Святей Руси даровал еси чрез Царство Самодержавное - в небрежении прияхом и благодарения подобна Тебе Владыце и Щедродателю нашему не воздахом, паче же отрекохомся владычества Твоего, еже чрез Помазанника Твоего и Царство его Православное утвердил еси. Возлюбихом земная паче небесных и временная паче вечных, - и се обою лишихомся. Исповедуем же, яко истиною и судом праведным навел еси вся сия на ны грех ради наших. Приидоша языцы не ведущии Тя в достояние Твое, разориша храмы святыя Твоя, яко хранилища овощные положиша я, кровь людей Твоих пролияша, яко воду, прочия же пленением лютым положиша, к вере своей христоборней соблазниша, от истины Твоея отвратиша и баснем своим веру внушити потщашося. Оле, окаянства нашего, оле плача достойного позорища!

Сокрушил еси оплот винограда Твоего - и се обымают и вси мимоходящии путем. Отъял еси от среды предержащего злобу адову, - и се тайна беззакония яве совершается. Отверзл еси студенец бездны, - и изыде дым, и солнце померче, и от дыма изыдоша прузи адския на землю.

Исповедуем же, яко исполнение времен приближися и отступление еже от путей Твоих утвердися в человецех: несть разумеваяй или взыскаяй Бога, несть до единаго, вси же неключими и зело непотребни сотворихомся, и в пленении лютом пребываем от человек беззаконных, иже прежде нас от Тебе возлюблени быша и отвергошася Тебе, и вражду еже к Тебе сладость себе положиша, от них же и человек беззакония и сын погибельный в мале времени прити имать. И кто от зверей земных подобен будет сему зверю адскому, и кто

постоит пред могутством его злобы лживыя, - се бо пришествие его во мнозех силах и знамениях ложных, да еже и избранныя Твоя прельстити.

Тем же со страхом и трепетом к Тебе припадаем, Господи, помяни обетование Твое о еже неодолимой пребыти Церкве Твоей от врат адовых, о еже жертве безкровней даже до пришествия Твоего совершатися.

Помяни, Господи, и речения пророк Твоих новых, ихже в земли Русской в последния времена сия прославил еси, яко даруеши людем Твоим на малое время последнее оплот крепок и стену нерушиму - Царя Самодержавна, Помазанника Твоего. Сия же паки вемы, яко несть дар сей от человек, но всемощною силою Твоею и благим Промышлением Твоим. Темже и припадаем к Тебе со слезами: воздвигни нам вожди духовныя - мужи в силе Илии, да воля Твоя, яже от них возвещаема, непреложно да совершится; нашу же волю падшую греховную отлагаем зде пред Тобою.

И аще благоволиши милостивно призрети на ны недостойныя рабы Твоя, Сам Владыко укажи нам избраннаго Твоего, помазанием же Божественным еже на служение царское и всеми дарами духовными снабди его: подаждь ему веру и упование Константиново, мужество Феодосиево, мудрость и богомыслие Юстинианово, незлобие Маврикиево, и еже ко страданию за люди своя тщание Николаево, возглаголи в сердце его благая о Церкви Твоей, да Твоею силою укрепляем покрыет остаток верных Твоих от обольщения злаго и ко спасению наставити нас всемерно да потщится, во еже устояти нам во брани духовней и древняго отступника со чады и клевреты его победити и тако вечных Твоих благ не лишитися. На Тя бо, Господи, уповаем и в волю Твою прошения своя повергаем; вемы бо, яко несть воли Твоея, да погибнет един от малых сих. Путие же Твоя в мире сем кто исповесть, или кто советник бысть Промышлению Твоему. Темже и славу боголепно по долгу воздаем Ти, вси в скорбех и гонениих суще, да и в будущем веце радости сия не лиши нас, еже воспевати всесвятое Имя Твое, Отца и Сына, и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Икона Божией Матери "Державная", явленная 2/15 марта 1917 г. (подлинник)

СОДЕРЖАНИЕ

Священник Тимофей
Иеромонах Дионисий

О ЦЕРКВИ, ПРАВОСЛАВНОМ ЦАРСТВЕ И ПОСЛЕДНЕМ ВРЕМЕНИ

Альманах "Русская идея"

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография "Наука"»
Академиздатцентра РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Формат 84х108 1/32. Тираж 2000 экз. Зак. 3416